

Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России
Центр евро-атлантической безопасности

Андрей Казанцев

**Политика стран Запада
в Центральной Азии:
проекты, дилеммы,
противоречия**

Москва
МГИМО-Университет
2009

Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России
Центр евро-атлантической безопасности

Казанцев А.А.

**Политика стран Запада
в Центральной Азии:
проекты, дилеммы,
противоречия**

Монография

Рецензенты:

*Д.и.н., директор Центра глобальных проблем,
проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО
В.М. Сергеев.*

Д.п.н., профессор МГУ В.Е. Петровский.

Монография утверждена и рекомендована к печати на заседании Центра евро-атлантической безопасности МГИМО (У) МИД России 15 октября 2008 г.

Москва
МГИМО – Университет
2009

УДК 327
ББК 66.4
К14

К14 **Казанцев А. А.**

Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия/ Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России; Центр Евро-атлантической безопасности. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 186С.

ISBN 978-5-9228-0479-0

В работе исследуется политика стран Запада в Центральной Азии. Автор пытается вычленить наиболее общие интересы в регионе, существующие у США, стран ЕС и наиболее близких союзников Соединенных Штатов в Азии (Израиль, Турция, Япония). Анализируются также предлагаемые центральноазиатским странам модели развития и геополитические проекты (вроде «Большой Центральной Азии»), способы видения будущего этой части мира, характерные для западных элит, перспективы эволюции региональных политик стран Запада.

Проведенное исследование позволяет обнаружить присущие политикам западных стран в регионе дилеммы и противоречия. Причины этого кроются в сильном отличии присущих новым независимым государствам Центральной Азии исторических традиций и политических институтов от западных. Игнорирование этой специфики, навязывание плохо воспринимаемой в регионе модели развития ведет к резкому снижению эффективности центральноазиатской политики стран Запада. Указанные тенденции вскрываются в ходе анализа событий постсоветской истории региона и демонстрируются путем изучения различных внешнеполитических документов.

The book studies the policies of the Western democracies in Central Asia. The author tries to find the most common regional interests of the USA, EU countries and US Asian allies (such as Israel, Turkey and Japan). Different models of development and geopolitical projects (such as the “Wider Central Asia”) proposed to Central Asian countries are also analyzed in the book.

This study gives the opportunity to discover dilemmas and contradictions inherent in Central Asian policies of Western democracies. The main reason behind these dilemmas and contradictions is mostly in historic traditions and political institutions of Central Asian countries being quite different from the Western ones. Ignoring this specificity and imposing the model of development, which is badly acceptable in the region, leads to diminishing effectiveness of Central Asian policies of Western democracies.

УДК 327
ББК 66.4

© Казанцев А.А., 2009.
© МГИМО (У) МИД России, 2009.

ISBN 978-5-9228-0479-0

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Центральназиатская политика стран Запада в условиях глобализации: черты общности.....	7
1. Предлагаемая странами Запада модель развития региона	7
2. Исторические традиции и современные «проекты» стран Запада в отношении Центральной Азии	13
3. Западная коалиция в Центральной Азии: участники, интересы и дилеммы.....	22
4. Запад в системе внешнеполитических интересов государств Центральной Азии.....	30
5. Центральназиатские страны и региональные организации западного мира.....	39
6. Базовые характеристики политик стран Запада в Центральной Азии	46
7. Перспективы развития центральноазиатского региона глазами западных аналитиков	52
8. Отношения Россия—Запад и перспективы развития ситуации на постсоветском пространстве на среднесрочную перспективу.....	61
Глава 2. Политика США в Центральной Азии (1991—2008 гг.)	85
1. Период слабой вовлеченности США в дела Центральной Азии и приоритета отношений с Россией на постсоветском пространстве (1991—1995 гг.)	86
2. Переход к соперничеству с Россией и рост центральноазиатского влияния США за счет ее ослабления (1996—1999 гг.)	90
3. Уменьшение американского влияния в Центральной Азии как результат отсутствия адекватного ответа на рост стратегической нестабильности (1999—2001 гг.).....	97

4. Новое увеличение регионального влияния США в период «войны с терроризмом» (2001 – 2003 гг.)	101
5. «Цветные революции», рост противоречий с Россией и новое падение регионального влияния США (2004–2008 гг.)	108
6. Общие интересы США в регионе Центральной Азии: нестабильность их иерархии.....	113
7. Центральноазиатская проблематика и президентские выборы в США.....	115
Глава 3. Центральноазиатская политика европейских стран.	121
1. Расширение проекта единой Европы и центральноазиатская политика.....	121
2. Интересы единой Европы в Центральной Азии.....	129
3. Стратегические документы, определяющие политику ЕС в Центральной Азии.....	138
4. Центральноазиатские политики отдельных стран Западной Европы.....	146
Глава 4. Азиатские союзники стран Запада.....	157
1. Израиль – центральноазиатский посредник Запада?.....	157
2. Турция: геополитические зигзаги пантюркизма.....	162
3. Япония: политический, но не геоэкономический союзник Запада?	176
Заключение	180

В России зачастую даже не осознают, насколько важна политика Запада в Центральной Азии.

Грегори Глисон, Университет Нью-Мексико
(США)/ Центр Маршалла (Германия)

Введение

В постсоветский период четыре бывших советских республик Средней Азии (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан) вместе с Казахстаном составили новый международный регион – Центральную Азию (ЦА). В настоящее время он становится одним из важных объектов мировой политики. Для этого есть достаточно много причин. С территории региона исходит большое количество различного рода трансграничных угроз и вызовов. Он также является перспективным с точки зрения диверсификации источников сырья (прежде всего, углеводородного) для глобальной экономики. Наконец, после 1991 г. за влияние в ЦА развернулось активное соперничество между великими державами (Россией, США, Китаем, исламскими странами).

Предметом исследования является анализ ключевых характеристик центральноазиатских политик государств Запада (прежде всего, США, стран ЕС, ключевых американских союзников в Азии). При определенном различии подходов этих сил для всех можно вычлениить общие интересы и характеристики, достаточно эффективные способы гармонизации позиций. В этом плане, с точки зрения теории игр¹ страны Запада можно воспринимать как коалицию игроков, политики которых в высокой мере согласованы друг с другом.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. ЦА стала одним из важных приоритетов политики США. Благодаря продолжению антитеррористической и стабилизационной операций в Афганистане этот интерес будет сохраняться.

¹ О классической математической теории игр, в т.ч. в применении к международным отношениям см.: Льюис Р.Д. Игры и решения: Введение в критический обзор/ Р.Д. Льюис, Х. Райфа. – М., 1961. О рефлексивной теории игр, включающей в себя анализ культур, идеологий и стратегий игроков – см.: Schelling T. The Strategy of Conflict/ T. Schelling. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960; Sergeyev V. M. The Wild East. Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia/ V. M. Sergeyev. – NY: Armonk, 1998.

Европейские страны также уделяют Центральноазиатскому региону все больше внимание из-за необходимости поддерживать тыловые базы стабилизационной операции НАТО в Афганистане. Кроме того, этот регион благодаря расширению проекта единой Европы оказался в непосредственной близости от ЕС. Он также играет очень большую роль в планах диверсификации источников энергии для европейской экономики. Такие ближайшие союзники США в Азии как Турция, Израиль и Япония также проявляют большой интерес к югу постсоветского пространства. В целом, страны Запада становятся все более важными игроками в этой части мира.

Действующая внешнеполитическая стратегия России, утвержденная еще в 2000 г., считает постсоветское пространство важнейшим внешнеполитическим приоритетом нашей страны. В недавно выпущенном МИД России документе под названием «Обзор внешней политики Российской Федерации» (2007 г.) вновь было отмечено: «Отношения со странами СНГ являются главным приоритетом российской внешней политики»². Центральноазиатские страны составляют большую часть участников таких интеграционных проектов на постсоветском пространстве как ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС. В этом плане поиск эффективных способов того, как взаимодействовать со странами Запада в ЦА в случае совпадения интересов или как противостоять им в случае конфликта последних, является важной практической потребностью нашей страны.

С точки зрения интересов России чрезвычайно актуальным является изучение политик стран Запада в ЦА. Особенно важны такие их аспекты, как институционализованные способы согласования позиций, внутренние дилеммы, способы видения будущего. Среди российских экспертов по ЦА часто можно встретить трактовки политики США и других стран Запада в ЦА как чрезвычайно последовательной и эффективной. Многие, зачастую нерациональные и неэффективные действия при этом пытаются трактовать с точки зрения поиска каких-то скрытых планов и замыслов. *Мы в данной работе высказываем аргументы в пользу той точки зрения, что политика ключевых стран Запада характеризуется базовым непониманием культурно-исторических особенностей региона.*

² Обзор внешней политики Российской Федерации, 27.03.2007 г.

В условиях, когда западные политики в ЦА достаточно непоследовательны и противоречивы, ценности противоречат интересам, а иерархии интересов неустойчивы, само понимание этого факта может явиться существенным интеллектуальным ресурсом российской внешней политики.

Глава 1. Центральноазиатская политика стран Запада в условиях глобализации: черты общности

1. Предлагаемая странами Запада модель развития региона

Подходы к решению проблем и интересы различных стран Запада (например, США и стран ЕС) различны. Тем не менее, за их политиками в ЦА стоит предложение одной и той же, достаточно определенной модернизационной модели, продемонстрировавшей существенные успехи в самом западном мире. *Последняя включает в себя одновременное развитие рыночной экономики и демократических институтов, обеспечивающих соблюдение прав человека.* Тем не менее как мы продемонстрируем ниже, эта модель развития плохо принимается в современной ЦА.

Наиболее широким вариантом прозападной модели развития в современном мире выступает *глобалистский вариант*. Он предполагает идеологию, сочетающую принципы: *а) приоритета прав атомарного индивида над групповыми общностями («права человека»); б) конкурентной политической системы со свободными выборами как единственной легитимной формы политического правления («демократия»); в) распределения ресурсов на свободном рынке как единственной эффективной формы хозяйствования («рыночная экономика»); г) приоритета указанных выше принципов по отношению к национальным законодательствам государств («ограничение национального суверенитета»)*³.

³ Предполагалось даже, что «национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций». См. Negroponte N. Being digital/ Negroponte N. — New York: Alfred Knopf, 1995. — P. 29.

Именно этот набор принципов стал преобладать в международных организациях, где решающую роль играли США и их союзники (например, «Вашингтонский консенсус» для международных экономических организаций в 1990-х гг.).

Сразу же после распада СССР практически все лидеры ЦАзии, в той или иной мере, *декларативно* были готовы поддерживать описанные выше идеи. Особенно широко эта тенденция проявилась в Кыргызстане и Казахстане, где возникла даже легитимирующая политическую вестернизацию идея органического схождения институтов кочевого мира с западными («кочевая демократия»). Однако очень быстро проявились ограничения и противоречия, связанные с их реализацией.

Прежде всего, эти принципы и многие попытки их реализовать даже в мировом масштабе не лишены потенциальных внутренних противоречий. Например, демократия, понятая как господство большинства над меньшинством, противоречит правам человека. В не меньшей степени предполагаемое демократией и правами человека равенство противоречит неравенству, на котором основана рыночная экономика. Возможность международного вмешательства же в реальности может реализовываться лишь через практику «двойных стандартов» в соответствии со вкусами США как мирового лидера.

Еще более существенным ограничением для реализации указанных принципов в ЦА является то, что специфические социально-политические системы этого региона трудно адаптируются под данные принципы. Индивидуализм противоречит высокой роли кланово-групповой лояльности. Конкурентная демократия может привести к победе исламских радикалов (угрозы чего имели место в Узбекистане) или спровоцировать гражданский конфликт (война в Таджикистане). Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными на личном патронаже. Приоритет международного права плохо сочетается с национализмами молодых наций.

Центральноазиатские страны не могут также не обращать внимания и на альтерглобалистскую критику. Последняя подчеркивает, что глобализм в его современном виде консервирует деление мира на центр («золотой миллиард») и эксплуати-

руемую периферию. При этом ЦА ни на что, кроме роли этой периферии, претендовать не сможет⁴.

Параллельно с глобализацией во всем мире повышается ценность локальных культур, все более распространенной становится практика поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм, борьба с попытками любого навязывания внешних норм. В частности, это проявляется в распространенных на Западе *постмодернизме и политкорректности*. Таким образом, даже сама система неформальных норм, распространенная в западном мире, содержит в себе элементы, противоречащие универсализму глобализации.

В незападных странах глобализация вызывает к жизни противостоящие ей феномены традиционализации⁵. Чем больше растет экономическая взаимозависимость, тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении⁶. Протесты против глобализации в разных формах проявляются в различных историко-культурных средах. Например, на Западе речь идет о разгроме антиглобалистами «Макдональдсов». В исламском мире традиционализация принимает форму джихада против глобальной экспансии западных ценностей⁷. В этом плане для центральноазиатских лидеров полностью принять идеи глобализма означает включение в «конфликт цивилизаций» с непредсказуемыми для региона с исламской идентичностью последствиями.

Западный мир — это, прежде всего, коалиция очень эффективно действующих государств Европы и ее переселенческих колоний (США, Канада, Австралия). Эта группа стран имеет единый цивилизационный фундамент (западное христианство), общую историю и культуру, связанную с Европой, сходный набор общих неформальных институтов (ценности демократии, рынка, прав человека, индивидуализма и т.д.).

⁴ См., например: Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности / М.А. Чешков. — М.: МОНФ; ИЦНиУП, 1999.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/ С. Хантингтон. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

⁶ Нейсбит Д. Мегатренды/ Д. Нейсбит. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. — С. 114.

⁷ Barber B. R. Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World/ Benjamin R. Barber. — New York: Ballantine, 1996.

Эти страны тесно интегрированы целым рядом чрезвычайно эффективных региональных организаций: НАТО, ЕС, АНЗЮС и т.д. Деятельность многих ключевых международных организаций («Группа восьми индустриально развитых государств», МВФ) тесно связана с интересами этой коалиции. Вступление в эту коалицию приносит много разнообразных преимуществ, поэтому к ней тесно примыкают и многие другие развитые (Япония) и развивающиеся страны, имевшие исходно другой культурно-цивилизационный базис.

Тем не менее многие достаточно сильные государства, расположенные по периферии ЦА (особенно, Россия, Китай, Иран), не входят в эту коалицию, эпизодически с ней сотрудничают или, напротив, конкурируя. При этом, они официально поддерживают идею «многополярного мира», что тоже является одной из форм борьбы с политической глобализацией. В этой ситуации слишком активный глобалистский выбор центральноазиатских государств мог бы настроить против них непосредственных соседей с севера, востока и юга.

Второй, более узкий вариант прозападного выбора — *евроатлантический*. В этом случае речь идет уже не о глобальном распространении ценностей и норм, выработанных первоначально в рамках западного мира. Евроатлантизм предполагает ориентацию на экономическую и политическую интеграцию с Западной Европой и США, *т.е. вступление в западную коалицию*. В конечном счете, для долгосрочного закрепления в ее рядах требуется разделять все те же принципы, что и в глобалистском варианте модернизации: демократии, рыночной экономики и прав человека. Однако на первый план, по сравнению с «широким» глобалистским вариантом, выходят более мелкие взаимные прагматические *интересы*, реализующиеся в рамках сотрудничества с региональными евроатлантическими структурами, прежде всего, НАТО и ЕС. Последние, в этом плане, выступают, как бы, институциональными воплощениями универсальных ценностей европейской цивилизации.

Все центральноазиатские государства с 1991 г., в той или иной степени, сотрудничают с НАТО, США и ЕС. В наибольшей степени это было характерно для политических элит Кыргызстана и Казахстана.

Однако этот вариант прозападного выбора также не лишен противоречий. Ведь ориентируясь преимущественно на интересы, он дает основания для конфликта интересов и

ценностей в самом западном мире. Как быть в ситуации, когда сотрудничество с теми политическими режимами, которые не отвечают западным ценностям, соответствует прагматическим интересам региональных евроатлантических структур? Именно с такой дилеммой США и страны ЕС в рамках реализации системы интересов евроатлантического характера сталкиваются в ЦА⁸.

При этом и страны региона, в сотрудничестве с Западом, имеют сходные проблемы: это сотрудничество заставляет правительства ослаблять репрессии и более либерально относиться к оппозиции, что ослабляет местные власти. Более того, западные неправительственные структуры начинают оказывать оппозиционным силам серьезную финансовую помощь. Именно в этом правительство Узбекистана обвинило США после нескольких лет сотрудничества в рамках антитеррористической коалиции. По причине этой взаимной дилеммы наблюдаются постоянные «откаты» центральноазиатских государств от идей сотрудничества с США и Европой.

Третьим вариантом прозападного выбора, специально адаптированного для тюркско-исламской среды, является «*турецкий путь*» в рамках «*тюркского единства*». Ведь Турция, несмотря на сохраняющиеся серьезные проблемы с реализацией универсальных ценностей демократии и прав человека, тем не менее больше полувека является надежным союзником США и европейских стран. «Турецкий путь» представляет собой вестернизаторскую, модернизаторскую и секуляристскую политику, сопровождающуюся военным сотрудничеством с США и НАТО и экономической ориентацией на Европу.

Малоизвестным обстоятельством в современной России является то, что в Турции пантюркистская и евразийская идеологии воспринимаются как сходные. В этом плане евразийство также вполне может использоваться для пропаганды «прозападного» пути модернизации ЦА.

Даже в самой России евразийство существует в настоящее время в виде достаточно широкого набора возможностей. С одной стороны, имеется мистико-эзотерический евразийский фундаментализм (А. Дугин), пропагандирующий идеи вечной

⁸ Jones S. D. Securing Tyrants or Fostering Reform? US Internal Security Assistance to Repressive and Transforming Regimes/ Seth D. Jones, Olga Oliker, Peter Chalk, C. Christine Fair, Rollie Lal, James Dobbins. – RAND, 2006.

войны «стихий» суши и моря. С другой стороны, есть более умеренные и «наукообразные» варианты евразийства, связанные с исторической наукой (Л. Гумилев) или политологией (А. Панарин). В них подчеркивается общность судеб и сложившихся в ходе исторического развития интересов народов России и ЦА. Наконец, существовало и либеральное евразийство, сторонником которого был А. Сахаров. Последний пропагандировал идеи замены СССР на Евро-Азиатский союз, что способствовало бы более успешной модернизации региона.

Разные варианты идеологии предполагают и разных внешнеполитических партнеров. Менее либеральные варианты евразийства пропагандируют идеи союза с АТР и исламским миром против Запада. Напротив, либеральное евразийство объединяет российский проект в ЦА с европейским.

Доминирующий в ЦА вариант евразийства (Казахстан, Кыргызстан) примыкает, скорее, к умеренным и либеральным вариантам этой идеологии. Он обычно не противопоставляет себя западному миру, напротив, чаще всего ЦА видится им в роли «моста» между Западом и Востоком. При этом центральноазиатское евразийство легко может использовать и идеи интеграции с Россией, АТР, исламским миром⁹.

Так, например, Нурсултан Назарбаев, позиционируя себя как сторонника евразийства¹⁰, равно поддерживал евразийские идеи А. Сахарова и А. Дугина¹¹. А вот как понимает евразийство другой его сторонник, бывший президент Кыргызстана А. Акаев: «Европа и Азия — это ... взаимодополняющие элементы единого мирового многообразия, в котором “евразийству” принадлежит по праву уникальная роль... Соприкосновение европейской и азиатской цивилизаций, взаимообогащение и взаимопроникновение культур и религиозно-философских начал способствуют единению человечества во имя мира и прогресса¹²».

⁹ В Турции, например, термин «Евразия» используется как синоним понятия «тюркский мир» и является, по сути, частью пантюркистской идеологии.

¹⁰ Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997/ Н. А. Назарбаев. — М. 1997; Назарбаев Н. А. Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации/ Н. А. Назарбаев. — М., 2002.

¹¹ Дугин А. Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева / А. Г. Дугин. — М.: РОФ “Евразия”, 2004.

¹² Акаев А. Новое понимание евразийства (беседа с членом редколлегии журнала «Современная Европа» Ю. И. Суровцевым)/ Аскар Акаев// Современная Европа. — 2001. — № 1.

В целом у всех вариантов турецко-евразийской модели развития есть масса противоречий и ограничений. Гарантией прозападности Турции всегда была роль армии, периодически устраивавшей военные перевороты. Современная Европа не воспринимает Турцию как страну, соответствующую ее стандартам и ценностям и достигшую достаточного уровня развития для интеграции в ЕС. С другой стороны, в Турции растут исламистские настроения. Классическим способом устранить их было бы очередное вмешательство военных в политику. Однако это не соответствует европейским стандартам. Здесь опять возникает ситуация конфликта западных интересов и ценностей.

В ЦА идеи «турецкого пути» были широко распространены среди политических элит в 1990-е гг. Осознание связанных с ним противоречий и объективно небольшие политико-экономические возможности Турции в дальнейшем привели к уменьшению популярности этой идеи.

Кроме вышеперечисленных, нужно отметить еще целый ряд менее определенных модернизационных «проектов», в той или иной мере отвечавших интересам стран Запада: возрождение «Великого Шелкового пути», «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», внутренняя центральноазиатская интеграция без России и т.д.

Интересно, что области более высокой поддержки прозападных модернизационных идеологий в ЦА, в территориальном разрезе, совпадают с областями более высокой поддержки пророссийских идеологий, т.е. с более русифицированными Кыргызстаном и Казахстаном. Это связано с исторической ролью России в модернизации и вестернизации региона. В этом плане одним из существенных ограничений влияния западной модернизационной модели в ЦА является необходимость ее непротивопоставления российской.

2. Исторические традиции и современные «проекты» стран запада в отношении Центральной Азии

Одной из существенных причин того, что предлагаемый Западом набор моделей развития достаточно слабо усваивается в ЦА, является то, что с историко-культурной точки зрения Запад и ЦА достаточно слабо связаны. Центральноазиатские

общества, прошедшие путь развития чрезвычайно далекий от того, что имел место для стран Запада, устроены в настоящее время принципиально по-другому. В этом плане им тяжело принять западные политические, экономические и социальные институты. В случае же их номинального принятия они часто очень серьезно трансформируются, теряя свои базовые характеристики.

ЦА была политически и экономически связана с Европой в древности, начиная с завоеваний Александра Македонского (330 г. до н.э.)¹³. Затем это воздействие было очень активным в период его преемников — Селевкидов¹⁴ и, далее, сменивших их Греко-бактрийского (250—125 гг. до н. э.)¹⁵ и Парфянского царств (256—226 гг. до н. э.)¹⁶.

После этого прямые контакты с Западом были лишь эпизодическими: итальянское влияние на Золотую орду в первой

¹³ Гафуров Б.Г. Александр Македонский и Восток/ Б.Г. Гафуров, Д.И. Цибукидис. — М.: изд. «Наука», ГРВЛ, 1980; Ртвеладзе Э. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане/ Э. Ртвеладзе. — Ташкент, 2002.

¹⁴ Бикерман Э. Государство Селевкидов/ Э. Бикерман. — М., 1985.

¹⁵ Бартольд В.В. Греко-бактрийское государство и его распространение на севере - восток. Соч., т. II (2)/ В.В. Бартольд. — М.: изд. «Наука», 1964; Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. — Душанбе, 1982; Литяттский Б.А. Открытие шедевров бактрийского искусства/ Б.А. Литяттский, И.Р. Пичикян // Памятники культуры. Новые открытия, 1983. — М.— Л., 1985; Пугаченкова Г. Северная Бактрия — Тохаристан. Очерки истории и культуры/ Г. Пугаченкова, Э. Ртвеладзе. — Ташкент, 1990.

¹⁶ Кошеленко Г.А. Культура Парфии/ Г.А. Кошеленко. — М., 1966; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке/ Г.А. Кошеленко. — М., 1979; Перикаян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды/ А. Г. Перикаян. — М., 1983; Дьяконов И.М. Правитель Парфии Андрагор и его монеты/ И.М. Дьяконов, Е.В. Зеймаль// ВДИ. — 1988; Массон М.Е. Парфянские ритоны Нисы. Из культурного наследия туркменского народа. Альбом иллюстраций, изд. АН СССР/ М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова. — М.: ЮТАКЭ, 1956; Дьяконов И.М. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы/ И.М. Дьяконов, В.А. Лившиц. — М., 1960; Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период/ В.Н. Пилипко. — М., 2001; Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды/ И.Р. Пичикян. — М., 1991; Балахванцев А.С. К вопросу о хронологии и интерпретации некоторых сооружений Старой Нисы/ А.С. Балахванцев // Центральная Азия: источники, история культуры. — М., 2003.

половине XIV в.¹⁷ или попытки британской экспансии в XIX в.¹⁸

В то же время, российское влияние в регионе в XIX–XX вв. служило главным посредником в процессе вестернизации ЦА. Именно через посредство русского языка и русской культуры центральноазиатские народы приобщились к европейской цивилизации. Это отмечают такие выдающиеся представители интеллигенции данного региона, как, например Чингиз Айтматов¹⁹. Усвоению западной историко-культурной традиции в ЦА способствовали миграционные волны из Восточной Европы в XIX – первой половине XX в., которые включали в себя, в том числе и немцев.

В настоящее время культурное влияние Запада быстро растет благодаря включению ЦА в процессы культурной глобализации. В частности, в странах региона, как и во всем мире,

¹⁷ Свидетельством этого является, например, *codex cumannicus* – словарь кыпчакского языка, который получил распространение в Италии периода Возрождения.

¹⁸ Мартене Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии/ Ф. Ф. Мартене. – СПб., 1880; Руир М. Ф. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в./ М. Ф. Руир. – М.: Красная новь, 1924; Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках/ А. П. Субботин. – СПб., 1885; Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии/ М. А. Терентьев. – СПб., 1875; Федоров М. П. Соперничество торговых интересов на Востоке/ М. П. Федоров. – СПб., 1903; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.)/ Н. А. Халфин. – Ташкент, 1957; Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке/ Е. Л. Штейнберг. – М., 1951; Bellew H. W. *Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857, Under Major (Now Colonel) Lumsden; With an Account of the Country and People*/ H. W. Bellew. – London, 1862; Davis H. W. C. *The Great Game in Asia (1800–1844). The Ralleigh Lecture on History. Read November 10, 1926*/ H. W. C. Davis// *Proceedings of the British Academy.* – London, 1926. – P. 227–256; Edwards H. S. *Russian Projects Against India*/ H. S. Edwards. – London, 1858; Fisher F. H. *Afghanistan and the Central Asian Question*/ F. H. Fisher. – London, 1878; Fraser-Tytler W. K. *Afghanistan. A Study of Political Developments in Central Asia*/ Fraser-Tytler W. K. – London – Oxford, 1950; Greaves R. L. *Persia and the Defence of India 1884–1892. A Study In the Foreign Policy of the Third Marquis of Salisbury*/ Greaves R. L. – London, 1959; Marvin Ch. *Reconnoitring Central Asia*/ Marvin Ch. – London, 1886; Menon K. S. *The «Russian Bogy» and British Aggression in India and Beyond*/ K. S. Menon. – Calcutta, 1957; Rawlinson H. *England and Russia in the East*/ H. Rawlinson. – London, 1875; Trench F. *The Russo-Indian Question*/ F. Trench. – London, 1869; Urquhart D. *Progress and Present Position of Russia in the East*/ D. Urquhart. – London, 1838; Wolff J. *A Narrative of a Mission to Bokhara in the Years 1843–1845*/ Wolff J. – Edinburgh – London, 1848.

¹⁹ Айтматов Ч. Самое большое мое богатство – русский язык // Сайт РГТРК «Голос России», http://www.vor.ru/culture/cultarch225_rus.html

смотрят голливудские фильмы, слушают песни западных рок- и поп-звезд, издают книги популярных на Западе писателей. Однако и здесь посредниками очень часто служат русский язык и культура. Так, многие западные фильмы и книги попадают в регион через Россию и благодаря русским переводам. В виртуальном пространстве сети «Интернет» ЦА практически полностью является частью Рунета.

В период после распада СССР в регионе неуклонно росло экономическое влияние ЕС. Европейские страны вышли на первые позиции в торговле с ЦА, в финансово-инвестиционной деятельности в регионе, в оказании многих видов помощи. Кроме того, Россия, часто, по сути, служит посредником в торговле с Европой. Например, Россия по более низкой цене закупает туркменский газ для собственного снабжения или способствует его направлению в постсоветские страны (Украину). В результате, она высвобождает объемы собственного газа для продажи его по более высокой цене в Европе. В геоэкономическом плане в настоящее время ЦА имеет преобладающую ориентацию на Европу.

Региональное влияние США, по сравнению с европейским, с момента распада СССР в большей степени концентрировалось в сфере военно-политической. Апогея оно достигло в период антитеррористической операции в начале 2000-х гг. Тем не менее оно очень нестабильно и постоянно подвержено периодам роста и спада. Хорошим примером здесь служит ситуация с Узбекистаном, прошедшим путь от ориентации на США, начиная со второй половины—конца 1990-х гг., до полного замораживания всех отношений после Андижанских событий (2005 г.).

В целом исламские страны, Россия, Китай, Индия имеют значительно более глубокий, чем страны Запада, исторический опыт взаимодействия с ЦА. Им поэтому легче находить взаимопонимание с местными элитами и (что особенно существенно в условиях региона, где историческая память серьезно сказывается на политике) легитимировать сотрудничество историко-культурными факторами. *В результате разрыва между отсутствием историко-культурной общности, с одной стороны, и наличием сильного политического, военного и экономического влияния страны Запада в целом должны решать довольно тяжелую задачу по использованию потенциала этого влияния в ЦА.* Результатами становятся различные «проекты» геопол-

литической и хронополитической трансформации ЦА таким образом, чтобы сформировать на основе этого региона некую общность, с которой было бы «легче» взаимодействовать.

С геополитической и политико-географической точек зрения после распада СССР США и страны Европы начали в ЦА активную «игру в географические определения». Первоначально страны Запада активно поддерживали «турецкий» вариант идентификации ЦА, превращающий ее в часть «тюркского мира». ЕС при поддержке США также выступал спонсором и активными сторонником проекта «Великого шелкового пути». В этом случае ЦА определялась в роли «моста» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). США в разное время активно поддерживали различные проекты собственно центральноазиатской интеграции без участия России, т.е. выступали сторонниками «узкого» определения региона. Наконец, разные конъюнктурные соображения выдвигали на первый план в разное время идеи «Большого Ближнего Востока»²⁰ (Wider Middle East) и «Большой Центральной Азии»²¹ (Wider Central Asia), связывающих регион, соответственно, с западно- и восточноисламским миром.

Кроме того, на Западе существуют еще два варианта описания региона. *Регион Каспийского моря* (Caspian Sea region, Caspian Sea basin) включает в себя также и Азербайджан, но не включает отдаленные от моря и лишенные нефтегазовых запасов горные части ЦА. Это определение является проекцией интереса внешних сил, начиная с 1991 г., к углеводородным ресурсам региона. Оно еще больше усиливает пестроту наименований региона, так как иногда понятия «регион Каспийского моря» и «Центральная Азия» используются как синонимы.

«Станы» (Stans) – просторечное англоязычное определение всех стран, оканчивающихся на «стан», один из вариантов концепции «Большой Центральной Азии». Оно смешивает «в одну кучу» по случайному признаку названия ЦА с Пакистаном, Афганистаном и различными тюркскими регионами мира. Интересно, что это наименование потенциально, в случае

²⁰ Lewis B. Rethinking the Middle East/ Bernard Lewis// Foreign Affairs. – Fall 1992. – P. 99–119.

²¹ Starr F.A. Partnership for Central Asia/ F.A. Starr// Foreign Affairs. – 2005. – July/ August (http://www.sfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html); Byrd W. Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region/ William Byrd, Martin Raiser and others// World Bank. Working Paper. – No.75, 2006.

усиления центробежной динамики, может «вобрать в себя» китайский Уйгуристан (Синьцзян), а также — многие тюркско-исламские регионы России (Татарстан, Башкортостан, Дагестан и т.д.). Следовательно, и у этого просторечного названия есть потенциал для политического применения.

Каждый из перечисленных выше вариантов «игры в названия» не является чем-то случайным. Он связан с носящими политтехнологический характер попытками стран Запада сформировать в 1991—2008 гг. целую серию разнообразных комплексных (включающих внешне- и внутривнутриполитическую, экономическую, транспортную и культурно-идеологическую компоненты) проектов трансформации социально-политических институтов в центральноазиатском регионе. При этом всякий раз приходилось решать задачу «обойти» взаимосвязь слабых историко-культурных связей и сложной вестернизируемости политических, экономических и культурных институтов региона. Перечислим основные западные хронополитические проекты для ЦА.

1. Укрепление национальной государственности стран ЦА.

Эта политика проводилась в период 1991—1992 гг., т.е. с момента признания независимости новых независимых государств (ННГ). Проблематичность этой политики заключается в том, что идея «наций» (даже этно-наций, не говоря уже о гражданских нациях) для ЦА достаточно нова. Проект национально-территориального размежевания региона был инициирован в 1920–30 гг. большевиками. До сих пор результаты этого «конструирования» плохо прижились, в частности, они создают очень серьезные проблемы для региона (межэтнические, межгосударственные).

Национальные границы «разрезали» до сих пор тесно внутренне интегрированные исторические регионы (Ферганская долина, т.е. историческое Кокандское ханство; Хорезм, т.е. Хивинское ханство; присырдарьинские районы Узбекистана и Казахстана; русскоязычные северные районы Казахстана и прилегающие области России и т.д.). В то же время, искусственно соединенными вместе оказались культурно весьма отличные и часто борющиеся между собой северные и южные Казахстан и Кыргызстан; северный и южный Таджикистан; разные племена Туркменистана; амальгама из Бухары, Хивы и Коканда, образовавшая Узбекистан. «Разрезанными»

оказались и трансграничные реки, а неуспешность согласования национальных политик несет гигантские проблемы сельскому хозяйству, экологии и энергетике региона.

Постоянная угроза превращения центральноазиатских государств в «несостоявшиеся» говорит о том, что проект обрел слабой жизнеспособностью с самого начала.

2. «Тюркский мир». В начале–середине 1990-х гг. Турция воспринималась странами Запада как позитивный образец для ННГ региона – исламская и тюркская страна, идущая по светскому, прозападному пути, активный участник НАТО и кандидат в члены ЕС. Турция виделась как естественный посредник Запада в ЦА. Ее поддержка казалась эффективным способом нейтрализации регионального влияния Ирана, России и, в меньшей степени, Китая. Сотрудничество Запада с Турцией повлияло, в частности, на проекты транспортировки сырья через Каспий и Южный Кавказ (ТРАСЕКА, нефте- и газопроводные планы). Однако потенциал этого проекта был во многом исчерпан уже к концу 1990-х гг.

3. Внутренняя интеграция в ЦА. Особенно активно со второй половины 1990-х гг. США и ЕС поддерживали планы внутрирегиональной интеграции в ЦА как альтернативу СНГ. Эти планы включали в себя последовательно менявшиеся интеграционные проекты Центральноазиатского союза (1994–1998 гг.), Центрально-Азиатского экономического сообщества (1998–2002 гг.), Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (2002–2005 гг.)²² и существовавшего в 1990-е гг. проекта коллективных центральноазиатских военных сил «Центразбат».

Эта интеграция виделась на Западе как способ нейтрализовать многие из недостатков, связанные с описанным выше искусственным характером национального членения региона. Она, одновременно, была способом «оторвать» регион от постсоветского пространства, интегрируемого Россией. Ключевым моментом в западной поддержке проектов внутренней интеграции в ЦА были отношения США с Узбекистаном. После того как они испортились в связи с андижанскими событиями (2005 г.), западная поддержка соответствующему проекту исчезла, как исчезли и внутренние центральноазиатские интеграционные структуры, слившись с пророссийскими.

²² В конечном итоге эта структура слилась в 2005 г. с ЕврАзЭС.

4. «Шелковый путь» и идеи «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве. Идея «Великого шелкового пути» была подсказана самой историей. ЦА исторически служила «мостом» между Востоком и Западом. Попытки использовать это обстоятельство в связях с регионом со стороны современных стран Запада проявились, в частности, в комплексе идей «альтернативных маршрутов» транспортировки и «альтернативной интеграции» постсоветского пространства. Правда, здесь следует отметить, что никогда в истории «Шелковый путь» не шел через Каспийское море. И у этого есть объективные причины. Оценки независимых европейских экспертов показывают, что чисто экономическая эффективность этого проекта весьма мала, особенно, если противопоставлять его российскому пути транспортировки²³.

Идея альтернативных российскому и иранскому транспортных маршрутов реализовывалась в виде создания «транспортного коридора» (программа «ТРАСЕКА» ЕС), а также в виде строительства нефтепроводов Баку—Супса и Баку—Джейхан и совместного (США и страны ЕС) лоббирования сооружения транскаспийского нефтепровода из Казахстана и транскаспийского газопровода из Туркменистана. Эта же идея стала и экономической основой проекта «альтернативной» пророссийской интеграции постсоветского пространства (создание ГУАМ в 1997 г.). Однако Узбекистан был активным членом этой организации лишь очень короткое время, после чего данный проект утратил свое центральноазиатское измерение.

5. Проект «Большого Ближнего Востока»²⁴ возник в середине 1990-х гг. Во многом, он был связан с интересами и лоббистскими возможностями Израиля. Идея заключалась в том, чтобы «растворить» враждебные еврейскому государству страны «малого Ближнего Востока» в дружественных Израилю ННГ. Кроме того, в результате реализации этого географического проекта Израиль получал возможность быть экономическим и политическим посредником между центральноазиатскими странами и Западом. При этом ЦА отрывалась от постсоветского пространства и, следовательно, уменьшалось влияние России.

²³ Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993–2004. дис. канд. полит. наук: 2005/ МГИМО. – М., 2005.

²⁴ Lewis B. Rethinking the Middle East/ Bernard Lewis// Foreign Affairs. – Fall 1992. – P. 99–119.

У этого проекта был очень серьезный недостаток. Даже внутри исламского мира, который исторически был лишь одной из зон притяжения ЦА, ее преимущественные контакты располагались не в арабском мире (Ближний Восток), а в ираноязычном Среднем Востоке и в Южной Азии (Афганистан, Пакистан). Этот проект в связи с войной в Афганистане, в существенной мере, утратил американскую поддержку и был заменен следующим.

6. Проект «Большой Центральной Азии»²⁵. Его предыстория относится к идее строительства трансафганского газопровода из Туркменистана в середине–второй половине 1990-х гг. Это видно даже по персональному составу сторонников идеи «Большой Центральной Азии». Например, лоббистом проекта трансафганского газопровода был Залмай Халилзад, известный американский дипломат, ставший в 2000-х гг. специальным представителем и послом США в Афганистане и Ираке.

Идея «Большой Центральной Азии» имела тот же базовый смысл, что и предыдущая: соединить более стабильные страны ЦА с менее стабильным Афганистаном и, за счет развития региональных связей при поддержке Запада, «укрепить» проблемный регион в целом. Проблема заключалась в том, что с точки зрения историко-культурной и экономической центром «Большой Центральной Азии» (т.е. восточноисламского мира) логично было бы быть не Афганистану, а Ирану. К 2008 г., в связи с очевидными неудачами операции США и НАТО в Афганистане и желанием США передать Европе как можно больше ответственности за ситуацию в регионе, этот проект начинает сходить на нет.

7. Рост евроатлантического пространства на Восток. В 2007–2008 гг. в связи с принятием стратегии ЕС по отношению к ЦА можно говорить о том, что проект расширения Европы после распространения программы «соседства» на Южный Кавказ, наконец, достиг ЦА. Еще раньше в этот регион пришли другие организации евроатлантического пространства, прежде всего НАТО. Последней организации неизбежно пришлось резко усилить центральноазиатскую компоненту своей деятельности из-за того, что на нее (а конкретнее, на европейских

²⁵ Starr F.A. Partnership for Central Asia/ F.A. Starr// Foreign Affairs. – 2005. – July/August (http://www.sfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html); Byrd W. Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region/ William Byrd, Martin Raiser and others// World Bank. Working Paper. – 2006. – No.75.

членов Альянса) во все большей мере ложится ответственность за ситуацию в Афганистане. Формально интерес к ЦА был закреплён на саммите НАТО в июне 2004 г. в Стамбуле.

Однако перспективы этого, последнего по времени, проекта также весьма сомнительны. ЕС в ещё большей степени, чем США, склонен к идеологизации своей внешней политике и к связыванию ее с распространением западных ценностей и институтов. Соответственно, фактор отсутствия историко-культурной и идеологической общности ещё больше обостряется. Кроме того, ЕС не может использовать главный инструмент политики «европеизации» — обещание членства в ЕС. Если в последнем отказано даже Турции, то что можно говорить о ЦА? Североатлантический альянс в ближайшем будущем также вряд ли будет готов взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение безопасности в столь нестабильном регионе.

Описанная выше ситуация постоянно сменяющихся и банкротящихся проектов реорганизации ЦА говорит об имеющихся объективные историко-культурные причины серьезной непоследовательности и низкой эффективности деятельности западной коалиции в регионе.

3. Западная коалиция в Центральной Азии: участники, интересы и дилеммы

Государства Запада в ЦА вполне можно воспринимать как коалицию игроков, интересы которых в достаточно высокой мере согласованы друг с другом. «Ядро» этой коалиции составляют США и их европейские союзники по НАТО. К нему также при разных обстоятельствах могут примыкать Израиль и Турция, в меньшей степени, Индия, некоторые восточноазиатские страны (Япония, Южная Корея) и Пакистан. Однако некоторые из ключевых интересов этой группы стран могут не совпадать с интересами «ядра» западной коалиции (в наименьшей мере из всех перечисленных стран это относится к Израилю, в наибольшей — к Пакистану). Россия, Китай и арабские монархии также время от времени находили те или иные общие интересы со странами Запада в ЦА. Тем не менее многие из их ключевых интересов отличны от западных. Пожалуй, в роли наибольшего антагониста Запада в ЦА выступал Иран (причем, эта роль не совсем справедливо была определена ему США).

Большую роль в интеграции политики западной коалиции в ЦА играют различные международные наднациональные организации. Например, большую роль в модернизации и вестернизации региона, в его экономическом взаимодействии со странами Запада играют МВФ и Всемирный банк. Скажем, именно МВФ активно поддерживал радикальные рыночные реформы в Казахстане и Кыргызстане в начале 1990-х гг. Некоторые международные организации, занимающиеся проблемами прав человека, также активно взаимодействуют с соответствующими западными лоббистскими группами.

Еще большую роль в координации западной политики в ЦА играют региональные структуры безопасности НАТО и ОБСЕ. НАТО координирует взаимодействие центральноазиатских стран с Западом через такие инструменты как Совет евроатлантического партнерства, программу «Партнерство ради мира», индивидуальные программы партнерства. В рамках деятельности антитеррористической коалиции базы НАТО были развернуты в Узбекистане (Карши-Ханабад²⁶ и Термез²⁷), Кыргызстане («Ганси» в аэропорту «Манас»²⁸), Таджикистане (Душанбе²⁹). Американские войска также используют аэродром Мары-2 в Туркменистане. Однако НАТО интересовали в ЦА отнюдь не только проблемы безопасности. Так, Альянс инициировал программу «Виртуальный шелковый путь» (в рамках международной программы «Наука во имя мира»), поддержанную в последнее время ЕС. ОБСЕ же занимается в основном «мягкими» аспектами безопасности и вопросами распространения на ЦА западных стандартов в области демократии и прав человека.

Наконец, ЕС также можно считать целой коалицией европейских держав, согласовывающих свои политики в ЦА.

Западную коалицию нельзя сводить только к государствам. В ее рамках исключительно высока роль негосударственных игроков. Важными ее участниками в области экономики являются транснациональные корпорации (ТНК). Например,

²⁶ Преимущественно американская база, ликвидирована после андижанских событий.

²⁷ Преимущественно европейская (немецкая) база, сохранилась, несмотря на андижанские события.

²⁸ Смешанная, американо-европейская база.

²⁹ Преимущественно европейская (французская) база.

через деятельность крупнейших нефтегазовых компаний (BP, АМОКО и т.д.) проводятся ключевые интересы Запада в области энергетики.

Нефтегазовые ТНК выступали инициаторами интереса США и стран Западной Европы к региону Каспийского моря в 1990-е гг. Пик мощной лоббистской кампании в этом направлении пришелся на 1997 г. Целью ее было заставить правительство Клинтона активизировать свою центральноазиатскую политику и сделать ее целью продвижение интересов американских нефтяных корпораций. Именно в 1997 г. регион Каспия был объявлен сферой «национальных интересов» США³⁰.

Частью этой кампании стало проведение целого ряда представительных международных конференций: в Хьюстоне, Техас (10–12 февраля 1997 г.) и в Вашингтоне (18 февраля 1997 г.). В обеих конференциях участвовали представители крупнейших американских и международных компаний, Азербайджан был представлен на них будущим президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. Одним из активнейших участников этой лоббистской кампании был нынешний вице-президент США Ричард Чейни (а также два бывших помощника президентов США по национальной безопасности Brent Scowcroft и Zbigniew Brzezinski, экс-глава администрации Белого Дома Джон Сунуну, бывший министр обороны Каспар Уайнбергер, экс-госсекретарь Джеймс Бейкер и бывший министр финансов Ллойд Бентсен и др.)³¹.

Повышенный интерес к Каспийскому региону в 1990-е гг. проник и в экспертное сообщество. Здесь следует отметить деятельность Фонда Хэриедж, Института Центральной Азии при Университете Джона Хопкинса и др. Экспертное сообщество также оказывает существенное влияние на формулировку и структурирование центральноазиатских политик стран Запада. Правда, и нефтяное лобби, и экспертное сообщество видят Каспийский регион (включая Казахстан и Туркменистан) скорее в контексте Кавказа, чем ЦА. Однако под влиянием глобальной войны с терроризмом и, особенно, ситуации в Афганистане, ЦА в более "узком смысле (т.е. Узбекистан, Кыргызстан и

³⁰ Выступление помощника президента США по национальной безопасности Санди Бергера в Центре стратегических и международных исследований 27 марта 1997 года (The Washington Times. – 1997. – 28 March).

³¹ См., например: The Washington Post. - 1997. – 7 July; The New-York Times. – 1997. – 9 May. и др.

Таджикистан) также стали предметом пристального интереса западных ученых.

Важными игроками внутри западной коалиции также являются различные неправительственные группы. К их числу относятся, прежде всего, правозащитные организации (Amnesty International, Human Rights Watch и т.д.). Их критика ситуации с правами человека в ЦА формирует западное общественное мнение и оказывает очень серьезное влияние на политики соответствующих правительств. В частности, их усилия способствовали постоянному ухудшению отношений США и стран ЕС с Туркменистаном и Узбекистаном, а также (в отдельные периоды) их улучшению с Кыргызстаном и Казахстаном. Если деятельность коммерческого лобби связана, прежде всего, с *интересами* Запада, то эта группа лоббистов занимается продвижением *западных ценностей*.

Большое место в процессе выработки западной политики в ЦА занимают также этнические (диаспоральные) лобби. Правда, в отличие от стран Кавказа (особенно, Армении и меньшей степени Грузии) центральноазиатские страны не имеют на Западе «своих» этнических лоббистских групп. Тем не менее на них *косвенно* сказывается деятельность двух чрезвычайно влиятельных групп: еврейского и армянского лобби.

Армянское лобби достаточно долго блокировало развитие отношений США и стран Западной Европы (например, Франции) с Азербайджаном и рост их интереса к энергозапасам Каспия (т.е. служило противовесом лоббистским устремлениям нефтегазовых компаний). Например, Армянская Ассамблея США и Армянский национальный комитет в ситуации конфликта между Арменией и Азербайджаном добились включения в долговременную программу помощи странам региона, утвержденную Конгрессом США в 1992 г., положения 907. Оно запрещало оказание помощи Азербайджану, пока президент не заверит Конгресс, что Азербайджан прекратил враждебные действия против Армении, включая транспортную блокаду и азербайджанское эмбарго на ввоз армянской продукции. Однако с 1994 г. в противоположном направлении стало действовать мощное лобби нефтяных компаний, добивавшихся отмены положения 907. Лишь к 1997 г. позиция экономической группы влияния окончательно возобладала над позицией этнического лобби.

Важным участником в формулировании центральноазиатской политики США было и еврейское лобби (мы рассмотрим этот вопрос ниже, в разделе об Израиле).

Таким образом, западная коалиция — это довольно сложная и многоуровневая структура, где имеют место комплексные процессы согласования интересов, не исключая, впрочем, определенных расхождений во взглядах и приоритетах (скажем, нельзя ставить знак равенства между центральноазиатскими политиками США и ЕС). В целом, несмотря на сложный характер западной коалиции, у нее есть лидер, который, при согласовании позиции с другими уровнями и участниками коалиции, обеспечивает выработку наиболее общих приоритетов. Это — администрация США. Ее позицию учитывают все другие западные игроки. Например, именно ее позиция блокирует чрезвычайно *экономически* выгодное сотрудничество европейских энергетических компаний с Ираном на Каспии.

Каковы же максимально общие точки схождения интересов этой коалиции? Именно в этих точках западная коалиция имеет расхождения с различными временными и ситуативными союзниками (вроде Турции, Пакистана, Индии или России).

Наиболее общие интересы стран Запада в ЦА связаны с тем, чтобы направить регион по пути развития³², связанному со становлением рыночной экономики и либеральной демократии, обеспечить ее экономическую, политическую и культурную глобализацию³³, наладить устойчивое сотрудничество между ЦА и такими региональными интеграционными структурами как ЕС и НАТО.

Частично эти задачи (например, в рамках обеспечения общей цели стабильности и развития) можно согласовать с интересами других крупных коалиций и игроков (России как центра постсоветского пространства, Китая и стран АТР, светских исламских государств). Однако различия базовых интересов также очень существенны. Все перечисленные выше

³² При этом для всех западных игроков важно избежать роста исламской, постсоветской или азиатистской идентичности в ЦА.

³³ В то же время, скажем, для России, Китая и исламского мира приоритетом в ЦА является не столько глобализация, сколько развитие региональных связей (соответственно, в рамках организаций исламского мира, постсоветского пространства или ШОС). Для восточноазиатских стран в целом приоритетом является, скорее, глокализация.

ситуативные партнеры Запада заинтересованы не столько в вестернизирующей глобализации ЦА (в ее чистом виде), сколько в развитии региональных связей (соответственно, в рамках организаций исламского мира [Организация исламской конференции, Исламский банк развития, Организация экономического сотрудничества], постсоветского пространства [ЕврАзЭС, ОДКБ] или связанных с АТР ШОС и Азиатского банка развития). Лишь потом, уже через посредничество этих институциональных структур, центральноазиатские страны должны выйти на глобальный уровень (т.е. речь идет о глобализации). Соответственно, эти игроки используют для своих центральноазиатских контактов исламскую, постсоветскую или азиатистскую идентичности и связанные с ними модели развития. Последние отнюдь не всегда включают в себя принципы либеральной демократии и открытой рыночной экономики. Для Запада же наиболее желательным сценарием было бы более прямое включение региона в глобальные экономические, политические и культурные процессы.

Однако как Запад может направить ЦА на западно-европейский, капиталистический, демократический и светский путь развития, избежав при этом посредничества России, исламского мира или стран АТР? **Не несет ли такая попытка в себе очень серьезное противоречие, связанное с тем, что регион по своей истории, культуре, особенностям политических систем не подготовлен к резкой вестернизации, глобализации, демократизации и т.д.?** В результате слишком активного наступления западных институтов регион может начать глобализироваться «негативно».

Примером такой «негативной» экономической глобализации может служить резкий рост наркоэкономики в Афганистане (причем, западное военное присутствие в настоящее время не только не смягчает, но напротив, способствует этому процессу, скажем, облегчая, как полагают некоторые российские эксперты³⁴, доступ к прекурсорам). От развития демократических институтов во многих исламских странах (например, в Узбекистане) в выигрыше оказываются отнюдь не прозападные силы, а радикальные исламисты. В результате слишком актив-

³⁴ Например, такая точка зрения была высказана ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований А. А. Куртовым.

ной глобализации ЦА сам Запад может пострадать от целого ряда негативных процессов (рост наркоторговли, религиозного экстремизма, неконтролируемые потоки беженцев и экономических мигрантов и т.д.).

Описанная выше политическая дилемма является для стран Запада основной и наиболее общей. Слишком поспешная глобализация и вестернизация неготового к этому региона могут просто его окончательно дестабилизировать (т.е. превратить в глобальную «черную дыру»). Эта дилемма имеет два составных компонента, которые мы рассмотрим на конкретных примерах ниже, а пока сформулируем в общем виде.

Во-первых, возникает разрыв между ценностями и интересами. В основе доминирующих на современном Западе идеологий лежит представление о том, что его ценности (прежде всего, демократия) являются универсальными. Однако как быть с теми странами, политические элиты которых, такое мнение не разделяют? Сотрудничать с ними или нет? С точки зрения ценностей такое сотрудничество может укрепить авторитарные режимы и, в этом плане, оно недопустимо. Однако как продвигать интересы Запада, не сотрудничая со «своими мерзавцами» и не применяя «двойной стандарт» к «чужим мерзавцам» (в аналогичной ситуации это деление на «своих» и «чужих» «мерзавцев» было применено к никарагуанскому диктатору А. Сомосе)? Эта дилемма не дает выработать какой-то устойчивой и рациональной позиции Запада по отношению к самим странам ЦА.

Во-вторых, как быть с другими крупными игроками в ЦА (прежде всего, с Россией и Китаем)? Ведь согласование интересов Запада с ними было бы очень выгодно в плане обеспечения стабильности и развития. Однако они изменяют траекторию институционального развития региона несколько в другую сторону, не совсем отвечающую интересам США и стран Западной Европы. Эта дилемма не дает Западу возможности наладить постоянное и взаимовыгодное сотрудничество с другими крупными игроками в ЦА.

Наличие перечисленных выше дилемм неизбежно делает центральноазиатскую политику стран Запада либо а) достаточно непоследовательной и противоречивой, либо б) она формулируется в чрезвычайно общих чертах. Большой вклад в неизбежность такого исхода делают также очень высокая внутрирегиональная нестабильность, постоянно меняющаяся стратегическая обста-

новка, высокая неопределенность внешних политик стран ЦА. Последовательно разберем характеристики внешних политик, возникающие в случае обоих описанных выше выборов.

Если выбирается вариант формулировки в очень общих чертах, то центральноазиатская стратегия *чрезвычайно неопределенна*. В этом случае подчеркивается наличие каких-то общих историко-культурных связей с ЦА и объективных интересов к политическому и торгово-экономическому сотрудничеству. Хорошим примером может служить центральноазиатская политика Турции в 1991–2008 гг.

Высокая неопределенность в формулировке центральноазиатской политики со стороны ряда стран является вполне рациональным ответом на высокую неопределенность самой структуры отношений в регионе. Достаточно плохо предсказуемо то, какие новые вызовы региональной или глобальной безопасности появятся в ЦА. Неизвестно, какими будут зигзаги внутренней и внешней политики центральноазиатских государств (например, в плане выбора ключевых союзников), зачастую даже в краткосрочной перспективе. Непонятно, как в постоянно меняющихся условиях региона будут действовать другие крупные внерегиональные державы.

Другим вариантом ответа на высокую внутрирегиональную неопределенность оказывается *большая непоследовательность одновременно реализуемых проектов и их серьезная изменчивость во времени*. Это легко объяснимо региональной нестабильностью. Постоянно меняется стратегическая ситуация в регионе — меняются и основные черты реализуемой в нем политики. Это в наибольшей степени было характерно для тех государств Запада, которые пытались брать на себя ответственность за положение в регионе, т.е. для США.

США спонсировали целый ряд непрерывно менявшихся «проектов»: программы взаимодействия с НАТО и ЕС; программы воссоздания «Великого шелкового пути»; интеграцию «тюркского мира» вокруг Турции и, в этой связи, частично, ЭКО; идеи «Большого Ближнего Востока» и «Большой Центральной Азии»; региональной интеграции в рамках ЦАС — ЦАЭС — ОЦАС; «альтернативной» интеграции постсоветского пространства в рамках ГУУАМ; изоляционистски настроенные по отношению к постсоветскому пространству внешние политики. Крайняя противоречивость политики США в регионе будет еще виднее, если мы примем в расчет, что это государство в разные периоды

времени: а) концентрировалось на сотрудничестве с Россией (в начале 1990-х гг.) или на сдерживании и противостоянии России (с середины 1990-х гг.); б) под давлением армянского лобби в Конгрессе оказывало помощь Армении или (со второй половины 1990-х гг.) под влиянием «нефтяного» лобби стало стремиться установить хорошие отношения с Азербайджаном на Каспийском море, что сказывалось на центральноазиатской политике; в) косвенно поддерживало «Талибан» (до 1997 г.) в Афганистане или выступало резко против него (особенно, с 1998 г.); г) в рамках «приоритета интересов над демократическими ценностями» поддерживало правительство Узбекистана (со второй половины 1990-х гг.) или оппозицию (примерно с 2002 г.).

4. Запад в системе внешнеполитических интересов государств Центральной Азии

В рамках изучения международных отношений факторам материального интереса традиционно придается намного большая значимость, чем факторам историко-культурным. Тем не менее в современной ЦА полностью изолировать эти группы факторов друг от друга невозможно. Отсутствие устойчивых историко-культурных связей стран Запада с ЦА, высокая непоследовательность их политик как реакция на региональную нестабильность и ряд других факторов привели к тому, что *чрезвычайно неустойчивой оказалась иерархия интересов, связывающих центральноазиатские и западные страны*. Это подкрепляет региональную нестабильность и делает политики стран Запада и ЦА по отношению друг к другу еще более нестабильными и непоследовательными.

Рассмотрим с точки зрения проблемы неустойчивости иерархии интересов структуру экономических и политических интересов, связывающих центральноазиатские страны с Западом в настоящее время, а также — систему международных организаций и институтов, через которую осуществляется взаимодействие между ними.

С 1991 по 2008 гг. можно выделить некие ключевые закономерности внешней торговли стран ЦА, например, во-первых, неуклонное уменьшение доли России и других постсоветских государств и, во-вторых, постепенное увеличение доли стран ЕС и Китая.

30 Однако третьей характерной чертой оказалась нестабильность

основных направлений внешнеэкономических связей стран региона. Иерархия основных торговых и инвестиционных партнеров постоянно меняется.

Внешнеторговые связи центральноазиатских государств дифференцированы по разным географическим направлениям. В этом плане они достаточно независимы от стран Запада, так как имеют возможность постоянно балансировать их влияние контактами с Россией, Китаем, Ираном. Однако при этом речь не идет о характерной для развитых стран мира диверсификации торговли. Напротив, имеет место постоянное преобладание трех—пяти ключевых торговых партнеров. Правда, последние непрерывно изменяются в трех—пятилетней перспективе в зависимости от политической конъюнктуры (хорошим примером является резкий рост торгово-экономических связей Узбекистана с Россией и Китаем после событий в Андижане).

Таблица 1. Казахстан: основные внешнеторговые партнеры, 2006 г.³⁵

Место/ доля в торговле	Экспорт (страна и доля в торговле), %	Импорт (страна и доля в торговле), %
Доля пяти основных партнеров	53	63
1	Германия – 2,4	Россия – 36,4
2	Россия – 11,6	Китай – 19,3
3	Китай – 10,9	Германия – 7,4
4	Италия – 10,5	
5	Франция – 7,6	

³⁵ По данным ЦРУ – <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tx.html>

Таблица 2. Кыргызстан: основные внешнеторговые партнеры, 2006 г.³⁶

Место/ доля в торговле	Экспорт (страна и доля в торговле), %	Импорт (страна и доля в торговле), %
Доля пяти основных партнеров	80	69,9
1	Швейцария – 26,1	Россия – 38,1
2	Казахстан – 20,4	Китай – 14,4
3	Россия – 19,3	Казахстан – 11,7
4	Афганистан – 9,4	США – 5,7
5	Китай – 4,8	

Таблица 3. Таджикистан: основные внешнеторговые партнеры, 2006 г.³⁷

Место/ доля в торговле	Экспорт (страна и доля в торговле), %	Импорт (страна и доля в торговле), %
Доля пяти основных партнеров	87,3	62,2
1	Нидерланды – 40,7	Россия – 24,6
2	Турция – 31,7	Казахстан – 10,8
3	Иран – 5,4	Узбекистан – 10,2
4	Узбекистан – 4,8	Китай – 8,6
5	Россия – 4,7	Азербайджан – 8

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

Таблица 4. Узбекистан: основные внешнеторговые партнеры, 2006 г.³⁸

Место/ доля в торговле	Экспорт (страна и доля в торговле) , %	Импорт (страна и доля в торговле) , %
Доля пяти основных партнеров	59,2	68
1	Россия – 23,7	Россия – 27,6
2	Польша – 11,6	Южная Корея - 15,1
3	Китай – 10,4	Китай – 10,3
4	Турция – 7,6	Германия – 7,8
5	Казахстан – 5,9	Казахстан – 7,2

Таблица 5. Туркменистан: основные внешнеторговые партнеры, 2006 г.³⁹

Место/ доля в торговле	Экспорт (страна и доля в торговле) , %	Импорт (страна и доля в торговле) , %
Доля пяти основных партнеров	69,4	52,5
1	Украина – 47,7	Объединенные Арабские Эмираты – 15,5
2	Иран – 16,4	Турция – 11,1
3	Азербайджан – 5,3	Украина – 9,1
4		Россия – 9
5		Германия – 7,8

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Те же самые тенденции (пестрота и географическая разбросанность интересов; нестабильность внешних интересов и их иерархии) видны и при более комплексном анализе внешнеполитических приоритетов стран региона.

Таблица 6. Внешнеполитические интересы и приоритеты стран ЦА в 2007–2008 гг.⁴⁰

Страна	Сферы интересов и партнеры	Внешнеполитические интересы и приоритеты	Тип внешней политики
Казахстан	Экономическая сфера – Россия, Китай, постсоветские государства, США, ЕС. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США.	1. Многовекторная политика. 2. Общие интеграционные проекты с Россией. 3. Общие инвестиционные проекты с Китаем. 4. Сотрудничество с американскими и европейскими нефтегазовыми и другими крупными сырьевыми компаниями. 5. Военное сотрудничество с НАТО и США (строительство военно-морской базы в Атырау).	Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию.

⁴⁰ Часть таблицы взята нами из работы: Сатпаев Д. Эффект присутствия. Возвращение России в Центральную Азию активизировало большую игру за регион/ Д. Сатпаев// Независимая газета. – 2006. – 27 марта.

<p>Узбекистан</p>	<p>Экономическая сфера – Россия, Китай, страны АТР. Военно-политическая сфера – Россия и Китай.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Трения с США и ЕС. Игра на геополитической конкуренции их с Россией и Китаем. 2. Заинтересованность во внешних инвестициях, особенно, из АТР, Китая и России. 3. Интерес к Пекину и Москве как к странам, выдвигающим минимальные требования к соблюдению прав человека и демократических стандартов. 4. Военная база НАТО (Германия) в Термезе. 	<p>Элементы изоляционизма. Акцент на двусторонние отношения.</p>
<p>Кыргызстан</p>	<p>Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Многовекторная политика. 2. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров. 3. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию 4. Военные базы НАТО (США) и России. 	<p>Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию.</p>

Таджикистан	<p>Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США Казахстан, Иран</p> <p>Военно-политическая сфера – Россия, Китай, ЕС, США.</p>	<p>1. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров.</p> <p>2. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию</p> <p>3. Военные базы России, НАТО (Франции), есть информация о неформальном интересе Индии к открытию военной базы в Айни.</p>	Умеренный акцент на интеграцию. Соединение элементов закрытой и открытой внешней политики.
Туркменистан	<p>Экономическая сфера – Россия, ЕС, США, Китай, Украина, Иран, Афганистан, Индия, Пакистан, Турция</p> <p>Военно-политическая сфера – официально признанный ООН нейтральный статус.</p>	<p>1. Зависимость в экспорте газа от российской инфраструктуры.</p> <p>2. Многовекторность газово-экспортной политики</p> <p>3. Поиск альтернативных маршрутов экспорта газа. Основные заинтересованные стороны – Китай, ЕС и США, Турция, Индия, Пакистан, Иран.</p>	Жесткий изоляционизм. Акцент на двусторонние отношения.

Данные таблицы 6 показывают широкий разброс интересов и приоритетов новых независимых государств ЦА. При этом можно выделить следующие важные тенденции.

1. Все они, в разной степени, проводят многовекторную политику, ориентированную на сотрудничество с как можно большим количеством внешних партнеров. Это вызывает необходимость членства в многочисленных региональных организациях, представляющих абсолютно разные регионы мира.

При этом государства региона по характеру внешней политики четко делятся на две группы. В одну входят Казахстан и Кыргызстан. Они стремятся к максимальной открытости для интеграции во всех возможных направлениях. При этом оба государства охотно участвуют в работе различных международных организаций и всегда выступают за расширение интеграции в их рамках (хотя не всегда столь же охотно соблюдают накладываемые этим ограничения). В другую группу входят Узбекистан и Туркменистан. Они предпочитают не уступать многосторонним международным организациям полномочия национальных государств. Несмотря на членство в различных региональных организациях, предпочтительными для них являются двусторонние отношения. При этом Туркменистан в последние периоды правления Туркменбаши проводил и вовсе ярко выраженную изоляционистскую политику. Таджикистан находится где-то посередине между этими двумя группами государств, хотя, в последнее время он, скорее, эволюционирует в сторону второй модели.

2. В разных сферах (экономика, политика) имеются различные ключевые партнеры. Ни в целом во всех сферах, ни даже в какой-то одной сфере ни для одной центральноазиатской страны невозможно выделить доминирующего внешнего партнера. Их давление везде сбалансировано, что позволяет центральноазиатским лидерам постоянно «играть» на противоречиях внешних сил. Например, Узбекистан «разыгрывает» в настоящее время Китай и Россию против США. Туркменистан же стремится «организовать» увеличение конкуренции среди потенциальных покупателей своего газа.

3. Важно отметить, что на протяжении небольших периодов времени происходит постоянная быстрая смена иерархии внешних партнеров в интересах правящей группы. То есть,

разные внешние влияния не только вступают в борьбу друг с другом, но они еще и нестабильны во времени. Так, Узбекистан после Андижанских событий перешел от ориентации на США к преимущественному взаимодействию с Россией и Китаем. Таджикистан, по мере консолидации режима Э. Рахмона, все больше наращивает многовекторность своей внешней политики, уменьшая «долю» российского влияния. Позиции внешних сил в Туркменистане прямо пропорциональны основным направлениям экспорта газа. Поэтому строительство газопровода в Китай в ближайшем будущем приведет к резкому усилению его позиций. В Кыргызстане по мере консолидации власти К. Бакиева усиливается военно-политическое влияние России и Китая, а Запада ослабевает.

В целом, все описанные выше внешнеполитические интересы и приоритеты стран ЦА: а) весьма неопределенны как в плане выбора ключевых внешних партнеров, так и в плане определения региона мира, на который они ориентируются; б) чрезвычайно нестабильны во времени.

Все центральноазиатские государства имеют очень существенный интерес в вовлечении в регион внешних сил, которые бы позволили им решить комплексные задачи выживания и внутреннего развития. Как отмечает Е. Яценко, директор Фонда «Наследие Евразии» (одной из немногих российских научных структур, работающих в регионе): основной интерес центральноазиатских стран — «получение предложения, решающего весь комплекс имеющихся проблем — от экономических до цивилизационных. В свое время принадлежность к Советскому Союзу предлагала именно такое решение: защиту от внешних угроз и подавление экстремизма, доступ к технологиям и инфраструктуре, интеграцию в союзные и международные хозяйственные связи, гарантии соблюдения интересов местных элит, гуманитарное развитие. Сегодня национальное руководство стран ЦА ищет новый вариант комплексного решения, иной по сравнению с временами СССР»⁴¹.

В то же время, здесь наблюдается определенный парадокс. С одной стороны, центральноазиатские государства нуждаются в каком-то внешнем партнере, который, как это делала Россия в советские времена, сможет решать комплексные проблемы

региона. С другой стороны, они не готовы сделать выбор в пользу какого-то одного ключевого партнера. Поэтому в настоящее время они пытаются «втянуть» в регион как можно больше разнообразных сил.

С этой целью все центральноазиатские государства проводят «многовекторную» внешнюю политику, заключающуюся в готовности сотрудничать с любыми внешними партнерами (Россия, США, Китай, страны ЕС, Турция, исламские государства и т.д.), готовыми помочь в решении проблем региона (как международно-региональных, так и внутренних). Однако их политические элиты, войдя во вкус независимости, позволяющей им монопольно распоряжаться ресурсами целых стран, пока не готовы отдать какой-то внешней силе «контрольный пакет». Более того, они зачастую используют сотрудничество с одной из крупных внешних стран как дополнительный аргумент в пользу привлечения к себе интереса ее международных конкурентов. Иными словами, многовекторная политика центральноазиатских стран часто включает в себя «разыгрывание» одного партнера против другого. Эта ситуация является серьезным ограничителем для регионального влияния как стран Запада, так и их соперников (России, Китая, исламских стран). Она же задает центральноазиатской международной политике специфический нестабильный характер.

5. Центральноазиатские страны и региональные организации западного мира

Описанная выше ситуация прямо сказывается на членстве центральноазиатских стран в различных международных региональных организациях. Центральноазиатские государства участвуют в очень разветвленной системе структур, одновременно связывающих их с целым рядом регионов мира: Западом, постсоветским пространством, исламским миром, АТР. При этом они рассматривают членство в этих структурах как возможность получать поддержку со всех сторон сразу, а также «маневрировать» в разных направлениях, постоянно «подогревая» к себе интерес внешних партнеров.

Проанализируем в этой связи все институционально-организационные формы взаимодействия стран Центральной Азии с Западом.

ЦА долго не воспринималась странами Европы как сфера своих подлинно жизненных интересов. Тем не менее, ее государства сразу же после образования оказались в трех перечисленных далее европейских организациях в качестве наследниц СССР.

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Создан 15 апреля 1991 г. Цель — содействовать становлению рыночной экономики в постсоциалистических государствах. Включает 63 члена, среди которых — пять центральноазиатских государств. В ЦА 52 % средств ЕБРР реализуются в рамках различных проектов в Казахстане. К 2005 г. ЕБРР подписал с этой страной 40 соглашений на общую сумму в 1 232 млн долларов, что превышает его обязательства для всех других стран ЦА, вместе взятых. В основном, поддержка оказывается финансовым институтам, коммуникационной и транспортной инфраструктурам. Примерно те же приоритеты у ЕБРР и в других странах региона. Однако проекты там существенно менее масштабные. Так к 2005 г. ЕБРР вложил в развитие Узбекистана 771,1 млн долларов, Кыргызстана — 173,5 млн долларов, Туркменистана — 139,7 млн долларов, Таджикистана — 35,1 млн долларов.

Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе (ОБСЕ). Создана 1 января 1995 г., наследница Хельсинкского процесса и «разрядки» периода «Холодной войны». Цель — способствовать соблюдению прав человека, базовых свобод, демократии, законности. Является также инструментом раннего предупреждения и предотвращения конфликтов и урегулирования кризисов; служит для контроля над гонкой вооружений. Включает 56 членов, среди которых все бывшие советские республики, в том числе пять центральноазиатских государств.

ОБСЕ является важным инструментом центральноазиатской политики европейских стран. Прежде всего, это проявляется в сфере борьбы с различными вызовами и угрозами безопасности. Кроме того, членство центральноазиатских государств в ОБСЕ накладывает на них определенные обязательства по модернизации политических систем. Это также способствует продвижению долгосрочных интересов стран Запада.

С точки зрения ОБСЕ ЦА является чрезвычайно «проблемным» регионом. С одной стороны, в ней наблюдается наиболее

интенсивное сочетание различных новых и нетрадиционных угроз и вызовов безопасности. С другой стороны, регион исторически устроен на принципах, резко отличных от тех, для распространения которых была создана ОБСЕ (демократия, права человека).

ОБСЕ довольно активно работает в ЦА на «полевом» уровне. Во всех пяти странах открыты региональные представительства этой Организации (в Узбекистане — офис координатора проектов ОБСЕ). В связи с тем, что Казахстан утвержден в качестве председателя ОБСЕ в 2010 г., можно ожидать активизации деятельности этой структуры на центральноазиатском направлении.

Совет евроатлантического партнерства (СЕАП). Это - организация, аффилированная с НАТО. Цель — обсуждение взаимодействия в военно-политической сфере. Создана 8 ноября 1991 г. под названием Совет Североатлантического партнерства. В 1997 г. получила нынешнее название. Включает 49 членов, среди которых — пять центральноазиатских государств.

Постепенное расширение НАТО и ЕС на восток и осознание целого ряда общих с ЦА проблем, связанных с борьбой с новыми угрозами безопасности (терроризм и религиозный экстремизм, наркотрафик) и с поставками энергоносителей, активизировали различные институционализованные формы взаимодействия в военной, экономической и гуманитарной сферах. Их условно можно назвать «вторым поколением» институционально-организационных связей. Формально в нем, как и в структурах «первого поколения», участвуют все страны региона. Однако, в реальности эти связи очень нестабильны, а многие, как, например, Туркменистан, имеют лишь номинальное членство.

«Партнерство ради мира» (ПМ) НАТО. Программа и соответствующая организационная структура были созданы в январе 1994 г. Цель — расширение военно-политического сотрудничества в Европе, распространение принципов демократии, в том числе, как способ постепенной подготовки к расширению Северо-Атлантического альянса. Программа включает 23 страны, в том числе все центральноазиатские государства.

Таблица 7. Членство стран ЦА в программе НАТО «Партнерство ради мира» (страны представлены в порядке возрастания времени присоединения)⁴²

Страна	Дата официального присоединения к программе
Туркменистан	10.05.94
Казахстан	27.05.94
Кыргызстан	01.06.94
Узбекистан	13.07.94
Таджикистан	20.02.02

Несмотря на формальное участие стран региона в различных партнерских организациях, созданных НАТО, в целом до операции антитеррористической коалиции в Афганистане центральноазиатское измерение деятельности североатлантического альянса было довольно скромным.

Страны НАТО активно участвовали в операции антитеррористической коалиции в Афганистане. После ее окончания по решению ООН в Афганистане была развернута военная миссия НАТО, получившая название ISAF (*International Security Assistance Force, Международные силы содействия безопасности*). Ключевую роль в ее деятельности, в связи со втягиванием США в войну в Ираке, стали играть страны ЕС. Для тыловой поддержки в трех центральноазиатских странах (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) была развернута система баз Североатлантического альянса. Активизировалось и военное сотрудничество стран НАТО с Казахстаном. На саммите НАТО в июне 2004 г. в Стамбуле было объявлено о планах Организации обратить особое внимание на сотрудничество со странами Южного Кавказа и ЦА⁴³, в результате произошла активизация деятельности альянса в этих частях постсоветского пространства⁴⁴.

⁴² Signatures of Partnership for Peace Framework Document// <http://www.nato.int/pfp/sig-cntr.htm>

⁴³ NATO. 'Istanbul Summit Communiqué,' Istanbul. – June 28, 2004// <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-096e.htm> (accessed October 14, 2004).

⁴⁴ См. Барабанов О.Н. Политика НАТО в отношении государств Центральной Азии и Закавказья/ О.Н. Барабанов// Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика. – М.: «Навона», 2005.

Европейский Союз также стал постепенно формировать в ЦА организационно-институциональную среду, облегчающую взаимодействие. С этой целью использовался как **формат двусторонних договоренностей о партнерстве и сотрудничестве**, так и различные программы содействия. Последние стали способом развертывания в регионе огромной «мягкой силы» ЕС. В контексте данного исследования внимание обращается, прежде всего, на две программы. **Программа технического содействия ТАСИС** включает в себя транспортную и энергетическую компоненту. Ее реализация может способствовать усилению геоэкономической ориентации ЦА на Европу. **«Европейская инициатива в области демократии и прав человека» (EIDHR)**, содействуя развитию гражданского общества, может повлиять на институты внутри региона, «сдвигая» баланс сил внутри политических систем.

Таблица 8. Сотрудничество стран ЦА с ЕС

Страна	Время подписания (вступления в действие в случае серьезного разрыва дат) соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве.	Является ли получателем помощи ЕС по программе «ТАСИС»?	Является ли получателем помощи по программе «Европейская инициатива в области демократии и прав человека» (EIDHR)?
Туркменистан	Подписано в мае 1998 г., до сих пор не ратифицировано	+	-
Казахстан	Подписано в январе 1995 г., вступило в действие в начале 1999 г.	+	+
Кыргызстан	Подписано 9 февраля 1995 г., вступило в силу 1 июля 1999 г.	+	+
Узбекистан	Подписано в апреле 1996 г., вступило в действие 1 июля 1999 г.	+	-
Таджикистан	Подписано 11 октября 2004 г., вступило в действие 1 мая 2005 г.	+	+

При поддержке США и стран ЕС на постсоветском пространстве также реализуются процессы «альтернативной» российскому вектору интеграции постсоветского пространства. Из подобного рода структур непосредственное отношение к ЦА имела в 1999–2005 гг. Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), а также ряд упоминавшихся выше «внутренних» центральноазиатских интеграционных структур.

Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ). Создана как группа государств в октябре 1997 г. (В 2001 г. получила статус международной региональной организации). Цели — координация экономической политики и политики в области безопасности, создание альтернативы интеграции вокруг России, углубление сотрудничества со странами Запада; развитие транзита энергоносителей по маршруту Каспийское море — Южный Кавказ — Европа, в обход территории РФ. Первоначальные члены — Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова. В 1999–2005 гг. в Организацию входил Узбекистан (в этот период она называлась ГУУАМ). После 2005 г. ГУАМ не имеет центральноазиатской составляющей.

В целом, с институционально-организационной точки зрения, страны ЦА сформировали очень комплексную среду, обеспечивающую им возможность постоянного «маневрирования» между странами Запада, Россией, Китаем и исламским миром. В результате они имеют возможность постоянно использовать фактор противоречий стран Запада с другими крупными полюсами силы в современном мире. Это очень существенно снижает эффективность политики стран Запада в данном регионе.

Для подтверждения этого тезиса проиллюстрируем, с кем и по каким направлениям интегрируются государства ЦА в виде таблицы. Исключения, касающиеся, например, особой позиции Туркменистана, перечислены выше, поэтому речь будет идти о тех региональных организациях или институционализированных формах сотрудничества, в которых представлено большинство стран региона.

Таблица 9. Членство стран ЦА в международных региональных организациях

Географический регион или группа стран/ сфера интеграции	Общеполитическое согласование позиций	Экономическая сфера	Военно-политическая область
Страны Запада.	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Совет евроатлантического партнерства (СЕАП).	Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве. Программы помощи ЕС.	Совет евроатлантического партнерства (СЕАП). Партнерство ради мира (ПМ). Индивидуальные программы партнерства с НАТО.
Россия и постсоветское пространство.	Содружество независимых государств (СНГ).	Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).	Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).
АТР и Китай.	(Частично) Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Азиатский банк развития (АБР).	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).
Исламский мир.	Организация Исламская конференция (ОИК).	Организация экономического сотрудничества (ЭКО). Исламский банк развития (ИБР).	Нет

6. Базовые характеристики политик стран Запада в Центральной Азии

А. Секьюритизация внешних политик

Концепция секьюритизации, предложенная Б. Бузаном, О. Уивером и Я. Де Вилдом (Копенгагенская школа⁴⁵), анализирует процессы восприятия новых угроз безопасности обществом. Речь идет о том, какие вопросы включаются обществом и политическими элитами в повестку дня обеспечения национальной и региональной безопасности. Секьюритизация — это дискурсивный процесс формирования представления о том или ином факторе как о значимой угрозе, сопровождающийся призывом к принятию срочных и исключительных мер по противодействию данной угрозе⁴⁶.

В связи с ростом значимости различных трансграничных вызовов и угроз безопасности ЦА превратилась в объект секьюритизации внешних политик стран Запада⁴⁷. При этом после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне США и страны ЕС

⁴⁵ Понятие «Копенгагенской школы» включает круг исследователей, связанных с Копенгагенским институтом исследований проблем конфликта и мира (COPRI). См. например: Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*/ B. Buzan. — N.Y.—L.: Harvester Wheatsheaf, 1991; Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security*/B. Buzan, O. Wæver// Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Buzan B. *Security: A New Framework for Analysis*/B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998; O.Wæver. *Securitization and Desecuritization*/ O. Wæver// *On Security*// Ed. by D. Lipschutz. — N.Y.: Columbia University Press, 1995; Wæver O. *Securitization and Desecuritization*/ Ole Wæver// Ronnie D. Lipschutz (ed), *On Security*. — New York: Columbia University Press, 1995. — P. 46-86; Wæver Ole. *Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory*/ Ole Wæver// Lene Hansen and Ole Wæver (eds.) *European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States*. — London and NY, Routledge, 2002. — P. 20-49.

⁴⁶ Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security*/B. Buzan, O. Wæver// Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P.490.

⁴⁷ Бурнашев Р. Динамика присутствия НАТО в Центральной Азии: анализ на основе теории комплекса региональной безопасности/ Рустам Бурнашев// США и страны Центральной Азии: Реальности и перспективы взаимоотношений. — Алматы: Казахский национальный университет им. аль Фараби, 2004. — С. 128—140; Бурнашев Р. Условия секьюритизации международного терроризма в Центральной Азии/ Рустам Бурнашев, Ирина Черных // *Connections. The Quarterly Journal*. — 2005.— Том IV. — № 1. Весна.— С. 161—173; Бурнашев Р. Секьюритизация: Международный терроризм в Центральной Азии. Доклад Центра антитеррористических программ/ Рустам Бурнашев, Ирина Черных// <http://www.antiterror.kz>

и НАТО оказались непосредственно вовлечены в обеспечение региональной безопасности.

Рассмотрим различные аспекты политики безопасности Запада в ЦА.

Некоторые из ключевых трансграничных вызовов и угроз, особенно активно «втягивающие» в регион внешние силы, тесно связаны между собой. Это, прежде всего, наркоэкономика, терроризм и религиозный экстремизм, «несостоявшиеся государства» и нелегальная миграция.

По последним данным на Афганистан приходится уже 93 % мирового производства опиума, основные потребители которого находятся в Западной Европе. С наркотиками связана треть ВВП страны. Центральноеазиатские страны, особенно, Таджикистан, начиная с гражданской войны, превратились в основные маршруты транспортировки наркотиков в Западную Европу. Ситуацию иллюстрирует приведенная ниже карта зон производства наркотиков и путей их транспортировки в ЦА.

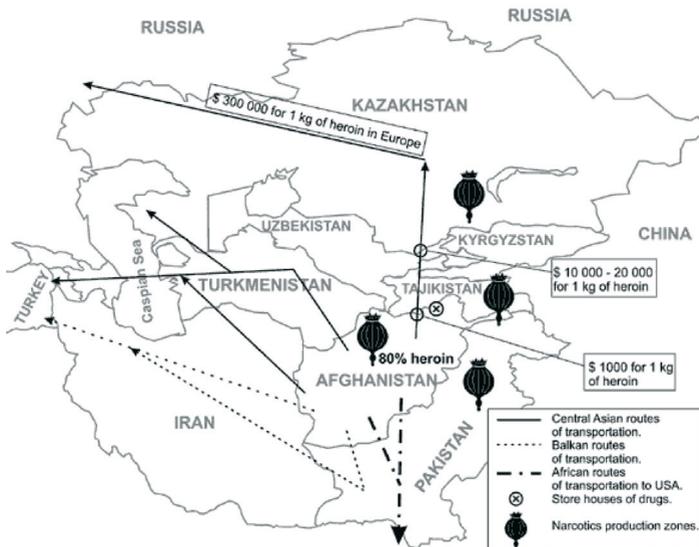

Рис. 1. Зоны производства наркотиков и пути их транспортировки в ЦА⁴⁸

⁴⁸ Источник. Berniyazova Assem. Kazakhstan's Membership in the CSTO: Influence upon Security Sector and Military Culture. Manuscript.

«Несостоявшиеся государства», т.е. государства, правительства которых плохо контролируют или вообще не контролируют свою территорию, являются основными жертвами экспансии наркоэкономики. Они же являются и питательной средой для расцвета терроризма и религиозного экстремизма. Афганистан до сих пор является «несостоявшимся государством», Таджикистан был им в период гражданской войны. Угроза образования новых «несостоявшихся государств» в регионе до сих пор не ликвидирована. При этом теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне показали, что территориальная отдаленность стран Запада от ЦА не является гарантией безопасности. На приведенной ниже карте сопоставлены зоны экстремистской активности и зоны конфликтов в ЦА.

Рис. 2. Зоны экстремистской активности и конфликты в ЦА⁴⁹

Сети мигрантов (например, таджикских рабочих в России или албанцев в Западной Европе) достаточно часто используются для перевозки и распространения наркотиков по маршруту ЦА – Западная Европа (хотя, разумеется, подавляющее большинство рабочих-мигрантов к торговле наркотиками никакого отношения не имеет). Большое количество мигрантов (например, выходцы из мусульманского мира в Западной Европе) часто становится причиной роста различных экс-

тремистских настроений, как внутри их среды, так и среди местного населения.

На приведенной ниже карте изображены источники и пути нелегальной миграции в ЦА.

Рис. 3. Источники и пути нелегальной миграции в ЦА⁵⁰

Б. Борьба за ресурсы Центральной Азии

В современном мире в связи с резким увеличением цен на сырье начинает разворачиваться активная борьба за доступ к его источникам. Центральноазиатские страны оказываются уже в ближайшей перспективе важными объектами этой борьбы.

Как отмечается в докладе Азиатского банка развития, доля торговли с Россией и другими постсоветскими странами для ЦА существенно выше, чем она должна была бы быть согласно математическим расчетам⁵¹. Одна из важнейших причин заключается в том, что существует развитая инфраструктура,

⁵⁰ Источник. Ibid.

⁵¹ Asian Development Bank. Increasing Gains from Trade Through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport, and Customs Transit. – 2006.

связывающая ЦА с этими странами. В связи с этим можно прогнозировать, что по мере развития транспортных связей региона с другими частями мира, доля России в торговле будет падать, а доля других крупных стран и регионов – прежде всего Запада и АТР, – возрастет. В этом контексте следует рассматривать реализацию таких крупных транспортных проектов, как ТРАСЕКА (ЕС).

Наибольший интерес окружающий мир проявляет к энергетическим ресурсам ЦА, прежде всего нефти и газу. В приведенной ниже таблице содержатся данные по энергетическим запасам ЦА. Причина заключается также, прежде всего, в резком росте цен на эти ключевые виды сырья. В краткосрочной и среднесрочной перспективах этот рост вызван политической нестабильностью в ключевых сырьевых регионах и странах (Ближнего Востока, Нигерии, Венесуэлы) в сочетании с увеличением спроса благодаря экономическому росту в Азии (Китай, Индия). В долгосрочной перспективе к этим факторам прибавится рост себестоимости добычи сырья в связи с истощением легкодоступных месторождений.

Таблица 10. Энергетические запасы ЦА⁵²

Запасы ископаемого топлива	Единица измерения	Казахстан	Кыргыз-стан	Таджики-стан	Туркме-нистан	Узбеки-стан	Всего
Сырая нефть	МТНЭ	1 100	5,5	1,7	75	82	1 264,20
Природный газ	МТНЭ	1 500	5	5	2 252	1 476	5 238
Уголь	МТНЭ	24 300	580	500	Незначительно	2 851	28 231
Всего	МТНЭ	26 900	591	507	2 327	4 409	34 734
% от общего		77,4	1,7	1,5	6,7	12,7	100
Гидропотенциал	ГВтч/год	27 000	163 000	317 000	2 000	15 000	524 000
	МТНЭ/год	2,3	14	27,3	0,2	1,3	45,1
% от общего		5,2	31,1	60,5	0,4	2,9	100

Сокращения: мтнэ – миллионов тонн нефтяного эквивалента. ТНЭ – тонна нефтяного эквивалента (количество энергии, равное 1 тонне нефтяного эквивалента). ГВтч/год – Гигаватт часов в год.

Существует большая неопределенность с реальными размерами углеводородных запасов в ЦА (особенно это касается туркменского газа). В целом считается, что по размерам запасов регион Каспийского моря сопоставим с Северным морем. При этом он существенно уступает Персидскому заливу по запасам нефти или Западной Сибири по запасам газа (иными словами, ставка в борьбе не имеет глобального характера, хотя и является привлекательной). Тем не менее в условиях роста цен на энергетическое сырье и борьбы между разными мировыми силами за доступ к его источникам направление маршрутов нефти и газа из ЦА является важным для внешних игроков.

На приведенных Рис. 4 и 5 обозначены существующие и строящиеся маршруты транспортировки нефти и газа из ЦА (пока, в основном, сохранившиеся неизменными с советских времен). Наряду с этим существует огромное количество разнообразных проектов транспортировки, поддерживаемых странами Запада, которые подробнее будут рассмотрены во второй главе.

Russia: Main Natural Gas Export Pipelines

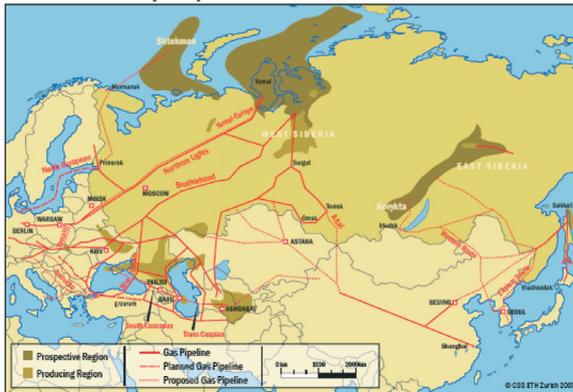

Рис. 4. Газопроводы в Центральной Евразии⁵³

⁵³ Источник: Research Centre for East European Studies at the University of Bremen, Center for Security Studies at the Swiss Federal Institute of Technology Zurich. Russian Analytical digest. – 2007. – № 25. – 17 July.

Russia's Main Oil and Gas Pipelines

Russia: Main Oil Export Pipelines

6

Рис. 5. Нефтепроводы в Центральной Евразии⁵⁴

7. Перспективы развития центральноазиатского региона глазами западных аналитиков

Размышления западных экспертов о будущем ЦА представляют очень большой интерес. В частности, они оказывают влияние на перспективные планы политических и экономических элит стран Запада в отношении данного региона. Ниже будет рассмотрен ряд прогнозов такого рода. Одним из основных источников послужили материалы специального семинара «Россия и новые независимые государства Евразии в 2020 г.», проведенного в Будапеште в апреле 2004 г. Национальным Советом по разведке (НСР) США. Семинар являлся частью более крупного проекта подготовки открытого доклада НСР «Очертания будущего мира. Тенденции глобального развития до 2020 года». В рамках семинара в Будапеште был подготовлен отдельный открытый обобщающий документ "Евразия в 2020 г. Региональный доклад проекта "Очертания будущего мира. Тенденции глобального развития до 2020 года"" (апрель 2004 г.)⁵⁵.

⁵⁴ Источник: Ibid.

⁵⁵ Eurasia 2020. Global trends 2020 Regional Report (April, 2004). – www.cia.gov/nic/PDF_GIF_2020_Support/2004_04_25_papers/eurasia_summary.pdf

В целом, в анализе западных экспертов можно выделить три основные группы глобальных факторов, которые определяют ситуацию в ЦА к 2020 г.: 1) радикальные изменения в соотношении размеров экономик и общего соотношения сил западных и незападных стран; 2) демографический упадок старых индустриальных стран («глобального Севера») и резкий рост населения в развивающихся странах («глобального Юга»); 3) усиление исламского экстремизма и международного терроризма.

Наиболее радикальный и чрезвычайно широко дебатированный прогноз об изменении глобального экономического соотношения сил в первой половине XXI в. принадлежит экономистам агентства «Голдман Закс», Доминику Вильсону и Рупе Пурушотхаману. В опубликованном в октябре 2003 г. докладе «Мечтая вместе с БРИК: Путь к 2050 г.» они высказали гипотезу о том, что к 2050 г. лидирующую роль в глобальной экономике будут играть четыре незападные страны: Бразилия, Россия, Индия и Китай (сокращенно — БРИК)⁵⁶. Согласно данному прогнозу, к 2025 г. ВВП Бразилии, России, Индии и Китая составит половину от ВВП шести самых крупных экономик современного «западного» мира, сокращенно, «Г-6» (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия). К 2040 г. страны БРИК будут иметь ВВП больший, чем страны «Г-6». По прогнозу экономистов агентства «Голдман Закс», ВВП Китая к 2050 г. составит 44, 45; США — 35, 16; Индии — 27,8; Японии — 6,67; Бразилии — 6,07; России — 5,87; Великобритании — 3,87; Германии — 3,6; Франции — 3,15; Италии — 2,06 трлн долл. США

Несмотря на продолжающиеся дискуссии вокруг возможности радикальной смены мировых экономических лидеров, нельзя не отметить, что даже умеренные изменения в этой области могут привести к радикальному изменению соотношения сил стран Запада с Россией и Китаем в ЦА.

Другой важной характеристикой уже ближайшего будущего может стать глобальное ужесточение борьбы за природные ресурсы. Потребление энергии в мире к 2020 г. вырастет примерно на 50 %, что существенно больше, чем рост за

⁵⁶ Доклад «Dreaming with BRICs: The path to 2050. Global economics paper. № 99.» доступен на официальном сайте финансового агентства «Голдман Закс» <http://www.gs.com/insight/research/reports/report6.html>

предшествующие два десятилетия (1980–2000), когда он составил 34 %. Это будет означать сохранение высоких цен на энергоносители⁵⁷.

Увеличившийся спрос на энергоносители заставит Европу активизировать энергетическую политику в ЦА. В том случае, если ей не удастся найти компромисса в этой области с Россией, возможен существенный рост российско-европейских противоречий. В то же время внешние политики Китая и Индии также во все большей мере будут определяться проблемой поиска дешевых источников энергоносителей⁵⁸. Это позволяет прогнозировать рост и их интереса к ЦА.

К 2020 г. Россия подвергнется серьезному демографическому давлению со стороны своих южных соседей. При этом ЦА будет либо непосредственным источником миграционных потоков, либо они будут проходить через ее территорию «транзитом». Изменение численности населения России относительно граничащих с ней с юга стран в период с 1940–2010 гг. представлено на Рисунке 6. Данные на 2010 г. даны представлены по прогнозам английских экспертов, согласно которым население России составит 143 917 752 человек, Пакистана — 176 400 000, Турции — 76 570 145, Ирана — 73 129 855, пяти центральноазиатских государств (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистана, Кыргызстана) — 63 470 488, Афганистана — 34 098 083.

Усиление миграционного давления в сочетании с другими «нетрадиционными» угрозами безопасности, скорее всего, не будет способствовать становлению плюралистических, эффективных и прозрачных институтов управления в России. Исламский терроризм будет способствовать росту исламофобии и неприязни русского населения к иммигрантам из ЦА и представителям исламских меньшинств. Последнее будет препятствовать созданию эффективной иммиграционной политики для заполнения демографического вакуума.

Страны ЦА вплоть до 2020 г., по мнению экспертов НСР, будут стремиться к полному или частичному членству в ключевых региональных и международных организациях, связанных с Западным миром (ЕС, НАТО, ВТО). Вступление в эти организации или существенный рост сотрудничества с ними к

2020 г. приведет к существенному ускорению процесса реформ, отказ — к их серьезному замедлению.

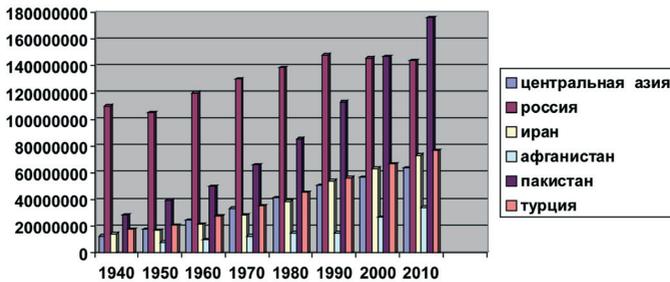

Рис. 6. График изменений в соотношении населения России и ее южных соседей с 1940 по 2010 гг.⁵⁹

Ключевым неопределенным моментом является позиция руководства России. Оно неизбежно будет воспринимать экспансию западных региональных организаций на постсоветское пространство как форму давления. Это может серьезно затруднить реформы в самой России. Кроме того, РФ может (например, путем ограничения поставок сырья или поощрения определенных политических и этнических группировок) создать серьезные препятствия интеграции в перечисленные выше международные структуры для стран ЦА⁶⁰.

Страны западной части Евразии в целом будут к 2020 г. продолжать балансировать между Россией и Западом⁶¹. Существенная неопределенность возникает в отношении стран ЦА. Неизвестно, в какой степени их зависимость от России в ряде ключевых параметров приведет к росту их интеграции в различные постсоветские организации. Трудно прогнозировать также и то, какова будет в 2020 г. политика Китая в данном регионе. С одной стороны, Китай может стать третьим независимым центром силы в ЦА, после США–ЕС и РФ.

⁵⁹ График произведен при помощи программы Analyst Encyclopedia Britannica Deluxe Edition CD-ROM, 1999–2000.

⁶⁰ Eurasia 2020. Global trends 2020 Regional Report (April, 2004). — P. 7.

⁶¹ Op. cit. — P. 7.

С другой стороны, КНР может вступать в альянсы как с Россией (например, в рамках ШОС), так и с США, в противодействие попыткам радикальных исламистов дестабилизировать упомянутый регион⁶².

По мнению экспертов НСР, экономический рост как в России, так и на постсоветском пространстве в целом будет чрезвычайно неоднородным в региональном аспекте. Это может породить дополнительные внешнеполитические и внутривнутриполитические проблемы. Основанный на экстенсивном использовании природных ресурсов экономический рост возможен в ряде стран ЦА (Казахстан и Туркменистан). Однако некоторые перспективы для диверсификации экономики в этой группе стран имеются лишь у Казахстана⁶³. Для стран, не имеющих столь значительных природных ресурсов (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), перспектив экстенсивного экономического роста к 2020 г. нет. Поэтому ключевым для них становится развитие промышленности и сферы услуг. Это делает неизбежным проведение структурных реформ.

Существенное значение для процесса реформ имеет, по мнению экспертов НСР, возможная смена политических систем. Однако ключевые *внутренние* социальные стимулы к реформированию в центральноазиатских странах достаточно ограничены. Поэтому наиболее важным двигателем процесса реформирования могут стать *внешние* факторы, прежде всего, возможность более тесного сотрудничества с ЕС⁶⁴. Определенную роль в продвижении структурных реформ на постсоветском пространстве может сыграть также стремление ряда стран к членству в ВТО и к интенсификации сотрудничества с НАТО.

Эксперты НСР полагают, что рост сотрудничества с Россией в случае, если РФ не сможет удачно вписаться в систему мирового разделения труда, не будет представлять для постсоветских стран равноценной альтернативы развитию сотрудничества с Западом. В этом плане озабоченность целого ряда западных специалистов вызывает зависимость упомянутых государств от путей транспортировки через Россию и попытки создания различных форм интеграции в Евразии

⁶² Op.cit. — P.9.

⁶³ Op.cit. — P.3.

⁶⁴ Op.cit. — P.3.

(ЕврАзЭС, ОДКБ) в той мере, в какой они представляются в качестве альтернатив процессам глобализации, модернизации и вестернизации постсоветского пространства⁶⁵.

Однако, в том случае, если Россия сможет обеспечить динамичное развитие собственной экономики и эффективно впишется в процессы глобализации, она, по мнению экспертов НСР, станет естественным лидером в модернизации Евразии. В этом случае центральноазиатские страны существенно выиграют от экономического роста в РФ и смогут сотрудничать с Россией в развитии различных транспортных проектов⁶⁶.

Наиболее трудной для прогнозирования является экономическая роль Китая в ЦА к 2020 г. Бурный экономический рост в этой стране может существенно повысить спрос на сырье с территории бывшего СССР. Это будет способствовать активной экономической экспансии КНР, сопровождающейся крупными инвестициями в ЦА (прежде всего, в добычу и транспортировку энергоносителей). С другой стороны, сбои в китайской экономике могут привести к глобальному экономическому кризису и очень серьезно скажутся на перспективах экономического роста его соседей.

Все западные эксперты сходятся в том, что к 2020 г. ситуации на постсоветском пространстве будут определять две противоположные демографические тенденции: депопуляция в его западной части (Россия, Украина, Белоруссия) и демографический взрыв в южной и юго-восточной части (ЦА, в меньшей степени — Кавказ).

Россия не сможет самостоятельно выбраться из демографического кризиса. Беспрецедентное в мире сочетание низкой

⁶⁵ См., например: Oresman M. The Moscow summit: tempered hope for the SCO// Central Asia —Caucasus Analyst. June 04, 2003; Bukharbayeva B. Ex-Soviet Republics to Boost Cooperation (<http://www.phillyburbs.com/pb-dyn/news/90-06182004-318852.html>); Blagov S. Russia boosts military ties with Kyrgyzstan (электронная версия “Asian Times” — <http://www.atimes.com/c-asia/DF15Ag02.html>); O’Malley, William D., MacDermott, Roger N. Kyrgyzstan’s Security Tightrope: Balancing its Relations with Moscow and Washington // Journal of Slavic Military Studies, vol. 16, no. 3, September 2003, p. 72—111. Wishnick E. A new “Great Game” in Kyrgyzstan? (Размещено на сайте Берлинского информационного центра трансатлантической безопасности <http://www.bits.de>); The US military presence in Central Asia (Интервью с экспертом в области антитерроризма Роджером Мак Дермоттом, сообщение сообщение радио Свободная Европа // Свобода от 24.05.2004).

⁶⁶ Eurasia 2020. Global trends 2020 Regional Report (April, 2004). — P.4.

рождаемости (характерной для развитых стран) и высокой смертности (характерной для развивающихся стран) приведет к резкому уменьшению населения, сопровождающемуся его старением⁶⁷.

По мнению экспертов НСР, наиболее эффективным способом пополнения убывающего населения может стать только миграция. Основным доступным источником миграции может стать только ЦА. ЦА к 2020 г. столкнется с противоположной проблемой. В условиях резкого роста населения и преобладания безработной молодежи прогнозируется рост социально-политической нестабильности⁶⁸.

Миграция может вести к возникновению крупных очагов этнических волнений в России. Возможность роста этнических и региональных трений, прежде всего религиозно мотивированных, прогнозируется также для ЦА (например, для Кыргызстана).

По мнению экспертов НСР, Россия — единственная страна на постсоветском пространстве, которая сможет сыграть какую-то роль в глобальном научно-техническом развитии (хотя небольшой научно-технический потенциал сохраняется и в Казахстане)⁶⁹.

Вооруженные силы РФ, по мнению экспертов НСР, будут по-прежнему иметь ограниченные возможности применения за пределами страны, в том числе и в ЦА. Они столкнутся с серьезными проблемами, вызванными демографическим кризисом и «отсталостью военных технологий»⁷⁰. Существует потенциальная возможность того, что Россия сможет добиться технологического «рывка». Однако, скорее всего, как полагают эксперты НСР, технологическое развитие в военной области будет в нашей стране «догоняющим»⁷¹.

Различные сочетания рассмотренных выше «движущих сил» могут привести, согласно региональному докладу НСР, к реализации одного из четырех сценариев развития ЦА: 1) «Экономическое процветание и политическая стабильность»; 2) «Дела идут кое-как»; 3) «Упадок и изоляция пост-

⁶⁷ Op.cit. — P.5.

⁶⁸ Op.cit. — P.5.

⁶⁹ Op.cit. — P.7.

⁷⁰ Op.cit. — P.8.

⁷¹ Op.cit. — P.8.

советского пространства»; 4) «Центральноазиатский взрыв». Нетрудно заметить, что сценарии ранжируются по степени оптимистичности: наиболее оптимистичный, промежуточный, пессимистичный и катастрофичный.

1. «*Экономическое процветание и политическая стабильность*». Оставаясь одним из важнейших мировых поставщиков энергетических ресурсов, Россия одновременно диверсифицирует свою экономику. Это становится возможным благодаря снижению коррупции и созданию эффективных, стабильных и предсказуемых институтов. Эффективная иммиграционная политика, в особенности, приток иммигрантов из ЦА, позволяет «сгладить» эффект снижения рождаемости.

Россия и ЕС развивают сотрудничество в рамках «частичного членства». Их политики в ЦА гармонизируются. Россия и Казахстан сохраняют альянс, но он функционирует в рамках «европейской ориентации».

2. «*Дела идут кое-как*». Экономика России сохраняет зависимость от добычи и экспорта природных ресурсов. В условиях стабильно высоких мировых цен на энергоносители рост экономики продолжается, но ее диверсификации не происходит. Политическая власть по-прежнему крайне централизована, политический плюрализм слаб, правительственные структуры непрозрачны. Внешняя и внутренняя мобильность рабочей силы ограничена. Депопуляция России усиливается, все больше сказываясь на экономике.

Постсоветское пространство развивается в различных направлениях и все больше распадается на части. Запад постсоветского пространства все больше ориентируется на ЕС. ЦА остается «политически и экономически отсталой». Усиленно развивается сотрудничество России и Казахстана.

3. «*Упадок и изоляция постсоветского пространства*». Российская экономика стагнирует, на ней болезненно сказываются колебания цен на мировых рынках сырья. В России «сохраняются крайне ограниченные демократические институты и серьезные ограничения на развитие гражданского общества»⁷². Усиливается националистическая риторика «особого русского пути развития» и ксенофобия. Неприязнь коренного населения к иммигрантам, особенно мусульманам из ЦА (неизбежно в той

⁷² Op.cit. — P.14.

или иной мере учитываемая государством), не дает возможности создать эффективную иммиграционную политику.

ЕС оказывается не в состоянии обеспечить интеграцию постсоветских стран в единое европейское пространство. США также не смогут вкладывать существенные ресурсы в страны центральной Евразии, так как их руководство будет занято проблемами обеспечения глобальной стабильности. Альтернативой для новых независимых государств становится интеграция вокруг России.

В ЦА растет исламский фундаментализм, что является результатом безработицы среди молодежи и коррупции в институтах власти. Внешнее «шоковое воздействие», например падение королевского режима в Саудовской Аравии или распад Ирака, усиливает радикализм в регионе. Ряд центральноазиатских стран (в особенности, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан) оказывается на грани полного распада. В результате, создается вакуум власти. В этой ситуации регион оказывается «полем битвы» между Россией, США, Китаем и ближневосточными странами. Причем, между этими странами возникают нестабильные и зачастую самые причудливые альянсы.

4. *«Центральноазиатский взрыв»*. Ситуация в ЦА становится все более взрывоопасной из-за сочетания тенденций к росту населения, его омоложению, относительному и абсолютному обнищанию, коррупции институтов власти и пропаганде исламского фундаментализма. Неудача американских интервенций в Афганистане или Ираке усиливает давление со стороны ближневосточных стран на своих соседей. В этой ситуации происходит падение одного из центральноазиатских режимов и возникает агрессивное исламское государство, поддерживающее терроризм и организованную преступность.

Реакцией других стран региона становится более тесная интеграция с Россией. Последняя, используя военную поддержку США и ЕС, становится «полем битвы» против мирового исламского терроризма. Другие постсоветские страны, например Украина, получают возможность опираться на поддержку как России, так и стран Запада.

Высокая степень политической нестабильности в случае реализации этого сценария может, по мнению экспертов НСР, чрезвычайно негативно сказаться на перспективах социально-экономического развития всех постсоветских стран.

В целом можно отметить некоторые характерные черты видения западными экспертами перспектив развития ситуации в ЦА.

А. Прямое отождествление развития с прозападной ориентацией региона, носящее явно идеологизированный характер. Любая альтернативная форма ориентации (пророссийская, прокитайская) представляется как «не способствующая» развитию.

Б. Восприятие ситуации с точки зрения соперничества США и ЕС с Россией, что также можно описать как идеологический стереотип. При этом перспективы вестернизации РФ или, напротив, роста ее противостояния с Западом описываются как ключевые для развития ЦА.

В. Приоритетное внимание к различным потенциально возможным сочетаниям новых и нетрадиционных угроз и вызовов безопасности (например, демографическое и миграционное давление, исламский экстремизм и терроризм).

Г. Видение перспектив развития центральноазиатского региона сквозь призму использования энергетических ресурсов и возможной конкуренции за них.

В целом, можно констатировать, что восприятие перспектив развития региона западными экспертами носит крайне идеологизированный характер.

8. Отношения Россия-Запад и перспективы развития ситуации на постсоветском пространстве на среднесрочную перспективу

В предыдущем разделе мы проанализировали то, каким образом западные (прежде всего, американские) политические элиты воспринимают перспективы развития постсоветского пространства. Однако данное восприятие, очевидно, страдает односторонностью, так как в его рамках все строится с европоцентристской и западноцентристской точек зрения. В этом плане важным является проведение работы по сценарированию, которая бы не страдала подобными ограничениями.

Очевидно, что отношения с Россией во многом остаются «нервом» политики стран Запада в ЦА. Между тем, после российско-грузинского конфликта, обострения всемирного экономического кризиса и победы

Б. Обамы на президентских выборах в США на всем постсоветском пространстве сложилась достаточно новая конфигурация факторов, которая может начать определять отношения Россия – Запад, Россия – США, в том числе, в ЦА на краткосрочную и среднесрочную перспективу до 5 лет. Попробуем построить различные сценарии развития ситуации в этой связи.

В статье А.Ю. Мельвиля и И.Н. Тимофеева, частично презентующей результаты исследования по сценарированию развития России до 2020 г., проведенного в МГИМО, отмечалось: «для политического аналитика будущее,... вариативно и нелинейно. Ему важно понять и уметь предвидеть неизбежные неопределенности развития, возможные точки бифуркации, наличие альтернатив избранным планам и стратегиям, а, следовательно – и возможные незапланированные результаты. Для этого часто используется сценарный подход, когда создается набор вариантов развития, каждый из которых является не прямой и буквальной экстраполяцией существующих трендов, а набором их предельных выражений, своего рода «крайних» идеальных образов, «гештальтов», если угодно»⁷³. При этом сценарии являются не столько предсказанием будущего, по образцу оракулов древности, а описанием и «углубленным» комбинированием различных тенденций, которые образовались уже в настоящем.

Важнейшая часть сценарной работы — выделение «драйверов» или движущих сил, оказывающих влияние на развитие ситуации. Выделим такие движущие силы для развития ситуации на постсоветском пространстве (и в ЦА как части этого пространства) в перспективе до 5 лет.

В целом, можно выделить 3 группы разных драйверов, относящихся, соответственно: 1) к глобальному контексту развития постсоветского пространства, 2) к структуре самого этого пространства и 3) к отношениям Россия – Запад.

1. Глобальный контекст развития постсоветского пространства.

А. В современном мире разворачивается целая серия разнообразных кризисов. Прежде всего, к их числу можно отнести глобальный экономический кризис. Страны постсоветского пространства рискуют оказаться в группе наиболее постра-

давших от него стран и, в этом плане, весьма вероятно даже уменьшение их доли в совокупном мировом ВВП. При этом парадокс заключается в том, что кризис в самом его эпицентре, т.е. в США, хотя он и грозит уничтожением остатков американской гегемонии в мире, может оказаться даже не столь разрушительным, как на его периферии.

В частности, глобальный кризис наиболее серьезно грозит трем группам стран:

- «новым» рынкам, расположенным на «периферии» глобальной экономики, где нет устоявшегося доверия мировых и внутренних инвесторов, и с которых наблюдается серьезный отток капитала;

- странам, имеющим большие краткосрочные внешние долги, номинированные в иностранной валюте (включая государственный долг и долг корпоративного сектора);

- странам, ориентированным на одну сырьевую отрасль (прежде всего, добычу и первичную переработку металлов и энергетического сырья, цены на которые особенно сильно упали).

Все три группы стран очень широко представлены именно на постсоветском пространстве.

Кризисные явления в экономике могут провоцировать конфликты в социальной, внутри- и внешнеполитической областях. Правда, в условиях, когда от мирового кризиса будут страдать все ключевые игроки, больших ресурсов на внешнеполитические конфликты никто выделить не сможет.

Кроме экономического кризиса очень серьезными являются разворачивающиеся в мире продовольственный и водный кризисы. Они уже в настоящее время серьезно сказываются на центральноазиатском регионе, дестабилизируя его.

При этом оба кризиса накладываются на продолжающийся рост населения в ряде стран ЦА. В сочетании с экономическим кризисом они будут продолжать провоцировать «выдавливание» экономических мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, направляющихся, прежде всего, в Россию. В сочетании с уменьшением числа рабочих мест в самой РФ это может стать дополнительным фактором конфликтности из-за роста межэтнической напряженности. Правда, в сторону некоторого снижения этого фактора конфликтности продолжает «работать» все обостряющаяся нехватка рабочей силы, прежде всего, низкоквалифицированной, в самой России. Последнюю

мерами одной демографической политики вряд ли удастся преодолеть даже в долгосрочной перспективе.

До сих пор, несмотря на широко распространенные мифы о «китайском нашествии», китайские рабочие практически не обращали внимания на сопредельные территории постсоветского пространства (Сибирь, Дальний Восток, ЦА). Однако массовые увольнения в КНР могут резко изменить ситуацию. Катастрофичной в плане провоцирования международных и межэтнических конфликтов может стать ситуация, когда рабочие, выброшенные с китайских предприятий, попытаются найти работу в России и других странах ШОС.

Глобальный экономический кризис спровоцировал резкое падение цен на энергоносители и, тем самым, притормозил глобальный кризис нехватки энергетических ресурсов. Однако, по многим прогнозам, уже в двух-трехлетней перспективе цены на нефть могут снова очень резко вырасти, а это будет дальше провоцировать конкуренцию ключевых мировых игроков за Каспийский регион. При этом по мере реализации энерго-транспортных проектов КНР с Казахстаном и Туркменистаном конкуренция вместо дуальной структуры Россия – Запад все больше будет принимать вид «треугольника» Россия – Запад – Китай.

Б. Как отмечается в докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции 2025: Трансформированный мир»⁷⁴, Америка не сможет одновременно решать серьезные внутренние проблемы и поддерживать структуры однополярного мира. Влияние стран группы «БРИК» (Бразилия, Россия, Индия, Китай), проводящих полностью независимую от США внешнюю политику, будет расти (особенно, это относится к Китаю и Индии). В связи с этим мир ждет резкий рост неопределенности. В указанном докладе, в частности, отмечается, что *увеличивающаяся многополярность не будет сопровождаться ростом числа инструментов согласования позиций между ключевыми игроками*. Это, в свою очередь, может привести к увеличению числа конфликтных ситуаций в мире. Последнее особенно касается тех частей постсоветского пространства (ЦА и Кавказ), которые являются ареной конкуренции ключевых геополитических сил.

Особенно важным становится рост китайского влияния в ЦА. Эту тенденцию провоцирует также и международный кризис. С одной стороны, КНР в условиях глобальной неопределенности будет заинтересована в том, чтобы гарантировать стабильность и экономический контроль в ближайшей периферии. С другой стороны, у центральноазиатских стран появляется дополнительный повод считаться с Китаем, так как влияние США на мировые дела будет падать, а РФ страдает от экономического кризиса больше, чем КНР.

2. Структура постсоветского пространства.

А. Одной из важнейших тенденций, которая сохраняется в среднесрочной перспективе, является *продолжение распада структур постсоветского пространства*⁷⁵. Особо показательным в этом плане будет продолжающийся распад СНГ. Эту структуру уже покинули Туркменистан (в пользу ассоциированного членства и политики «позитивного нейтралитета») и Грузия (в пользу интеграции в евроатлантические структуры). Вполне вероятно, что СНГ в перспективе 2-5 лет могут покинуть новые государства (например, Узбекистан). Особенно тяжелым для этой структуры может оказаться возможный выход Украины в случае обострения ситуации в Крыму.

Все меньше общего будет оставаться между разными по политической ориентации группами постсоветских республик. Прежде всего, это относится к «пророссийски ориентированным» группам (члены ОДКБ и ЕврАзЭС) и к «прозападному ориентированным» группам (члены ГУАМ и Сообщества демократического выбора).

Однако немного общего остается и между странами, расположенными в разных частях бывшего СССР, прежде всего, между центральноазиатской, южнокавказской и европейской частями прежде единой страны. Это будет продолжать разрушительно сказываться на всех интеграционных проектах, охватывающих постсоветское пространство, в целом. Например, даже в таком относительно успешном проекте как ОДКБ между тремя его регионами коллективной безопасности (европейским, кавказским и центральноазиатским) нет ничего общего, кроме того, что во всех их представлена Россия.

⁷⁵ Nikitin A. The End of the “Post-Soviet Space”. The Changing Geopolitical Orientations of the Newly Independent States/ A. Nikitin. – London: Chatham House, 2007.

Однако постсоветское пространство исчезает не бесследно. *Внутри него идет постепенное выделение сферы влияния России.* Этому, в частности, способствуют некоторые успехи инициированных Россией интеграционных проектов «второго поколения» (ЕврАзЭС и ОДКБ). Однако России пока не удается нащупать современные формы, в которой такая сфера влияния могла бы существовать. Когда российская политика по созданию «сферы влияния» принимает классические формы, характерные для XIX в., этот процесс приходит в явное противоречие с современным пониманием суверенитета независимых государств и встречает яркую критику как на Западе, так и в самих постсоветских странах.

Критика «имперской политики», особенно характерна для таких стран, как Украина, Грузия и Узбекистан, которые, если внимательно проанализировать их региональный, этнический, субэтнический состав и претензии на международно-региональное лидерство, сами являются, скорее, потенциальными империями, чем национальными государствами. В этом плане, скорее, следовало бы говорить не о «борьбе независимых государств с бывшей метрополией», а о конкуренции потенциальных имперских и квазиимперских структур.

Б. Для всех стран постсоветского пространства будет по-прежнему характерна ярко выраженная *многовекторность*. Традиции многовекторности твердо заложены в подавляющем большинстве стран постсоветского пространства после 1991 г. (за исключением твердо сделавших свой выбор в пользу ЕС и НАТО стран Балтии). Правда, в разных случаях многовекторность принимает разные формы.

Классическая ярко выраженная многовекторность в виде одновременного участия в разнонаправленных международных структурах и проектах будет продолжать характеризовать политику Казахстана и Кыргызстана. Таджикистан после долгого периода почти полной зависимости от России также пытается перейти к многовекторности того же типа. Азербайджан и Туркменистан будут продолжать пытаться дистанцироваться от всех возможных обязательных союзов с целью максимизировать конкуренцию внешних игроков за свои энергетические ресурсы.

Армения в силу долгосрочных стратегических причин будет пытаться сохранять многовекторную политику при преимущественном военно-политическом сотрудничестве с Россией

в рамках ОДКБ до тех пор, пока ее безопасность не сможет гарантировать какая-либо конкурирующая международная структура (например, НАТО). В равной мере нерешенная приднестровская проблема и стратегическое положение на окраине единой Европы заставляет правящих молдавских коммунистов несколько больше ориентироваться на Европу.

В случае Узбекистана многовекторность принимает ярко выраженный характер постоянных волнообразных колебаний между пророссийской-прокитайской и прозападной ориентациями. В настоящее время, после приостановки членства в ЕврАзЭС, он находится в состоянии перехода к новой «прозападной» волне, хотя этот процесс еще не принял необратимого характера. В частности, Узбекистан явно привержен сохранению членства в ШОС; пока также не наблюдается признаков подготовки к выходу из ОДКБ, напротив, Узбекистан готов перечислить этой структуре свои взносы. На Украине борьба векторов влияния будет неизбежно сохранять ярко выраженный внутривнутриполитический и региональный характер. При этом, скорее всего, преобладание евроатлантического вектора интеграции над российским в официальной политике сохранится (хотя, возможно, в более мягкой форме) и после ухода В. Ющенко.

Грузия и Белоруссия – страны, для которых многовекторность характерна в наименьшей степени. Правящие там политические группы и лидеры четко связали себя, соответственно, с Западом и с Россией. Тем не менее, показательно, что, например, А. Лукашенко в последнее время отчаянно маневрирует, пытаясь создать новые «вектора» белорусской внешней политики, прежде всего, в отношениях со странами ЕС. Сходные, хотя и весьма противоречивые попытки помириться с Россией до конфликта в Южной Осетии и Абхазии предпринимал и М. Саакашвили.

Единственными исключениями из правила многовекторности будут два новых официально признанных Россией государства – Абхазия и Южная Осетия. При этом будет обсуждаться вопрос об их вхождении в состав России, хотя, скорее всего, ситуация будет заморожена наподобие того, что имеет место вокруг Северного Кипра. Руководству Приднестровья, особенно учитывая южнокавказские прецеденты, также не остается другого выбора кроме ориентации на поддержку России.

Многовекторность на постсоветском пространстве следует понимать не только, как это делают многие эксперты в России, в качестве отсутствия определенного выбора в пользу тех или иных крупных союзников и моделей развития. *Речь идет о вполне логичном выборе в пользу максимизации собственной свободы и власти со стороны политических элит новых независимых государств.* В этом плане, все вполне укладывается в модель рационального выбора. Политические элиты новых государств заинтересованы в сохранении максимальных возможностей маневра между крупными международными игроками, прежде всего, Россией и странами Запада. Это максимизирует их власть.

Объем власти, которой обладают политические элиты в новых независимых государствах в зависимости от степени противоречий между Россией и Западом, можно представить в виде графика. Отложим на оси X объем власти соответствующих элит, на оси Y отложим степень согласия между Россией и Западом в отношении политик новых независимых государств. В случае, если такая степень велика, у постсоветских стран нет выбора. Им приходится делать то, что им диктуют Россия и Запад вместе. Примером может служить то, что Белоруссию и, особенно, Украину и Казахстан заставили отдать России ядерное оружие. В случае, если степень согласия между Россией и Западом исключительно мала, а противоречия особо велики, новые независимые государства оказываются перед необходимостью выбора. Перед ними ставят альтернативу «или» - «или», что сильно сокращает возможность маневра во внутренней и внешней политике. Однако если Россия и Запад действуют не совсем врозь, но и не совсем вместе, такая ситуация для властей постсоветских стран оптимальна. В этом случае объем власти постсоветских элит максимален. Они получают возможность маневрировать и использовать конкуренцию России и Запада для получения помощи с обеих сторон. В результате власти новых независимых государств максимально заинтересованы в том, чтобы сохранять неопределенность. Они пытаются маневрировать между Россией и Западом, избегая лобового их столкновения и создавая буферное пространство в случае особенно сильных противоречий между ними. Однако если возникает возможность слишком большого сближения между позициями России и США на постсоветском пространстве, страны региона заинтересованы в том, чтобы сорвать крупные

державы. В целом, подобная ситуация была характерна для не-присоединившихся стран «третьего мира» в период «холодной войны».

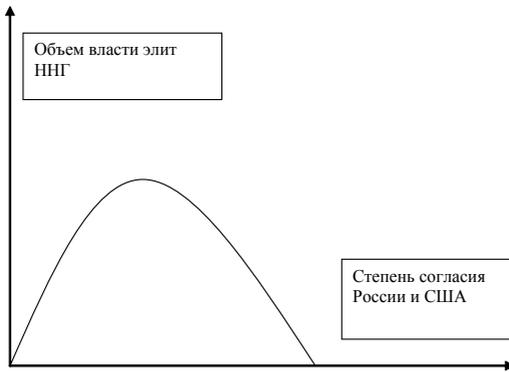

Рис. 7. Кривая объема власти политических элит новых независимых государств (ННГ) в связи со степенью согласия России и США

Пояснение: выпуклая кривая показывает, что степень власти элит ННГ максимальна при среднем несогласии России и США; она резко уменьшается при полном согласии (оба игрока «давят» в одну сторону) или полном конфликте (возникает необходимость выбора «или»-«или»).

В. Геополитическая неопределенность. Геополитическая неопределенность на постсоветском пространстве заключается не только в постоянном маневрировании новых независимых государств между Россией и Западом. Структура этого пространства намного сложнее.

При движении с запада на восток постсоветского пространства видно существенное повышение степени геополитической неопределенности, имеющее глубокие исторические корни. В странах Балтии на уровне формальных и неформальных институтов доминируют западные влияния (геополитической неопределенности почти нет). В европейских странах СНГ (Украина, Молдова, Белоруссия) происходит столкновение между Западом и Россией (это можно назвать «геополитической

неопределенностью первой степени»). На Кавказе к этому прибавляется исламский фактор («геополитическая неопределенность второй степени»). Наконец, в ЦА геополитическая неопределенность достигает максимума за счет роста влияния Китая и других стран АТР («геополитическая неопределенность третьей степени»).

Неоднородность влияния исламского и азиатского (особенно, китайского) факторов — обстоятельство, которое также ведет к распаду постсоветского пространства, к повышению степени его неоднородности. **На среднесрочную перспективу конфликт Россия — Запад — то единственное, что пока еще будет объединять постсоветское пространство. Однако рост влияния других геополитических векторов, прежде всего, китайского на ЦА, — будет провоцировать дальнейшее расхождение траекторий развития бывших советских республик.**

Сама структура высокой и повышающейся к востоку геополитической неопределенности на постсоветском пространстве будет в среднесрочной перспективе сохраняться и провоцировать новые конфликты.

3. Отношения Россия — Запад.

А. На среднесрочную перспективу отношения между Россией и странами Запада *будет определяться сохраняющейся тенденцией к долгосрочному расхождению ценностей и интересов.* Последнее связано, прежде всего, с тем, что в России либерально-западнический проект модернизации в 1991—1998 гг. не просто провалился, но и в долгосрочном плане дискредитировал среди населения любое движение в этом направлении. В результате, начиная с кризиса 1998 г., в России идет поиск альтернативной модели модернизации (пример — концепция «суверенной демократии»). В ситуации глобального кризиса стремление России к «альтернативности», скорее всего, вырастет. В случае отсутствия общих ценностей и стандартов Запад никогда не будет доверять России и будет готов сотрудничать с РФ лишь на краткосрочной и ситуационной основе (как это имело место в случае борьбы с терроризмом). В свою очередь, в России очень существенная часть политических элит попытка стран Запада установить общие ценности и стандарты будет понимать как стремление «снова навязать разрушительные для государства формы реформирования образца 1990-х гг.»

Расхождение будет продолжаться и в сфере понимания национальных интересов. Стремление России к тому, чтобы

играть большую роль в мировых делах, Запад будет воспринимать как попытки окончательно разрушить и так «трещащие по швам» структуры «однополярного мира». В этой связи отсутствие общих ценностей и стандартов окажется не только поводом для отсутствия стабильного сотрудничества, но и основанием для конфликта. Особенно это будет проявляться в тех частях мира, где Россия неизбежно для нее будет пытаться играть наибольшую роль, т.е. в ее непосредственном окружении.

Б. В условиях глобального кризиса и неопределенности Россия неизбежно будет пытаться усилить контроль над важными для нее частями постсоветского пространства. Речь идет о вполне объективных экономических (поставки продовольствия и кооперационные промышленные связи с европейской частью постсоветского пространства, получение природных ресурсов и рабочей силы из ЦА) и военных (гарантирование безопасности по границам России, в восточно-европейском, южнокавказском и центральноазиатском регионе) интересах. К этому же будет толкать и неизбежное ослабление мирового влияния США, так как последним придется заняться внутренними проблемами. *Соответственно, будет расти интерес РФ к созданию сферы влияния на постсоветском пространстве.*

Однако в политике России неизбежно будет сохраняться очень большая противоречивость.

Во-первых, Россия никак не может скоординировать свои интересы на постсоветском пространстве с выделением соответствующих ресурсов. В результате ее политика в большинстве случаев принимает декларативный, не гарантированный реальной экономической, военной и пропагандистской силой характер.

Во-вторых, РФ не удастся сделать выбор в пользу той или иной формы взаимодействия с постсоветскими странами: классическая сфера влияния или интеграция наподобие ЕС. Каждый из этих выборов имеет свою цену, которую российская политическая элита пока платить не хочет. Выбор в пользу классической сферы влияния в условиях современной глобальной политической культуры, заданной распадом западных колониальных империй в середине XX в., обладает очень слабой легитимностью. Однако это — то, чего хочет очень существенная часть российского политического истеблишмента. В этой ситуации РФ будет продолжать пытаться «нащупать» новую

форму образования сферы влияния, соответствующую современным тенденциям и иммунную по отношению к критике «неоимперской» и «неоколониальной политики».

«Прикрытие» такой сферы влияния формальными интеграционными структурами — один из возможных выборов, который Россия уже давно пытается реализовать. Однако пока этот выбор «срабатывал» очень плохо. Ведь он требует, чтобы Россия сама ограничивала свой суверенитет в пользу интеграционных структур и передавала, в их рамках, часть полномочий по своему управлению другим постсоветским странам. На это РФ никогда не пойдет. Примером может служить то, что в рамках ОДКБ наша страна, фактически содержащая данную структуру, отказалась ратифицировать больше соглашений, чем другие участники организации.

В-третьих, по мере усложнения демографической ситуации внутри самой России будет обостряться выбор между большей интеграцией с постсоветскими странами (и, соответственно, открытием для них своего рынка труда) или изоляцией от них. Для существенной части не только населения, но и политико-административной элиты (особенно, на муниципальном уровне, например, в руководстве Москвы, или на уровне таких федеральных ведомств как МВД) предпочтителен был бы выбор в пользу сохранения максимальной этнической и культурной однородности страны. В противном случае уже в 5-10 летней перспективе будет постепенно увеличиваться число факторов, толкающих РФ в сторону построения мультикультуральной модели политической системы, к чему политическая элита России явно не готова.

В. США в среднесрочной перспективе продолжают выступать на постсоветском пространстве в качестве лидера западной коалиции, хотя Америка и постарается максимально, насколько это вообще возможно, переложить «ответственность» за постсоветское пространство и сопредельные территории на Европу. Именно поэтому можно будет продолжать говорить «Запад», имея в виду, прежде всего, политику США.

Последнюю будут продолжать характеризовать неразрешимые противоречия, даже превышающие таковые, например, в политике России. Это — одна из причин, почему влияние и США, и России на постсоветском пространстве будет продолжать уменьшаться в пользу новых мировых лидеров, таких как Китай.

Одна из основных проблем США, преодоление которой трудно себе представить — сохранение дилеммы интересы—ценности на постсоветском пространстве. Скажем, с точки зрения интересов США выгоднее поддерживать существующие на постсоветском пространстве политические элиты. Однако с точки зрения ценностей их позиции необходимо подрывать в пользу становления либеральных демократических институтов⁷⁶. Особо острые формы это противоречие принимает в ЦА.

Эта дилемма при демократической администрации может обрести новые формы. Демократы, преодолевая раскритикованные ими односторонние подходы администрации Буша, будут стремиться везде, где это возможно, вновь наладить сотрудничество с другими странами. Однако желание сотрудничать у них неизбежно будет сопровождаться навязыванием стандартов и ценностей такого сотрудничества. Последнее же для постсоветских политических элит, прежде всего, российской, будет восприниматься как давление еще более сильное, чем если бы речь шла просто о прагматических американских интересах. Подобная ситуация уже имела место в 1990-е гг.

Другим следствием прихода к власти Б. Обамы может стать декларированное им в процессе предвыборной кампании усиление американского присутствия в Афганистане. Это, соответственно, может привести к новому росту американского влияния в ЦА (как это имело место в период наиболее активных фаз антиталибской операции после 9/11). В частности, такому ходу событий будет весьма способствовать начавшееся новое сближение Узбекистана со странами Запада.

Рост внимания США к Афганистану приведет, прежде всего, к активизации существующих баз стран НАТО в Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане. Может быть активизировано использование транзита через бывшую советскую военную базу Мары-2 в Туркменистане. Усилится также и сотрудничество с Казахстаном, включая военный транзит, взаимодействие в рамках программ НАТО и на Каспии.

Однако такая активизация США в ЦА будет встречать недовольство и отпор не только со стороны России, но и со сто-

⁷⁶ Jones S. D. Securing Tyrants or Fostering Reform? US Internal Security Assistance to Repressive and Transforming Regimes/ Seth D. Jones, Olga Oliker, Peter Chalk, C. Christine Fair, Rollie Lal, James Dobbins. — RAND, 2006.

роны Китая (последнее для Америки намного опаснее). Более того, если давление США на Россию и Китай в ЦА слишком усилится, то это приведет к еще большему сближению этих двух стран. В связи с этим администрации Обамы неизбежно придется договариваться с РФ и КНР.

В целом, все описанные выше факторы действуют в сторону преобладания умеренной конфликтности на постсоветском пространстве. Обилие игроков, расхождение их интересов и ценностей, отсутствие эффективных способов согласования позиций — все это провоцирует конфликты. Однако при этом никто не будет готов к слишком сильному конфликту; на это не будет хватать ни ресурсов, ни желания, учитывая то, насколько внутренне противоречивы и неустойчивы позиции самих ключевых игроков, прежде всего, России и США. В сторону умерения конфликта будет действовать и постоянное маневрирование со стороны постсоветских государств.

Весьма вероятно, что и после конфликта в Абхазии и Осетии Россия и США столкнутся с очень серьезными кризисами в отношениях, особенно, на постсоветском пространстве. Для политики США на постсоветском пространстве, в целом, и в ЦА, в частности, это создаст очень много трудноразрешимых дилемм чисто практического свойства. Попробуем проанализировать эти дилеммы в связи с различными сценариями взаимодействия России и США.

Ниже на основе выделенных движущих сил мы предлагаем четыре сценария развития ситуации во взаимоотношениях Россия—Запад, Россия—США на постсоветском пространстве. Отношения между Россией и США выделены в качестве основы для сценарирования потому, что выше мы продемонстрировали, что в среднесрочной перспективе они будут оставаться основной проблемой, объединяющей постсоветское пространство.

Сценарии включают в себя два «умеренных» и весьма вероятных: «преобладание конфликта» и «преобладание сотрудничества», а также два «радикальных» и маловероятных сценария: «возобновление «холодной войны» и «полная гармонизация отношений».

«Умеренные сценарии» построены на предположении, что в достаточно сложной и провоцирующей конфликты ситуации обе стороны будут вести себя максимально осторожно. При этом будут делаться как шаги, направленные на давление на партнеров, так и примирительные жесты. Каждая сторона

будет наблюдать за ответной реакцией своих визави, выяснять, какие инструменты действуют лучше, определять, готова ли другая сторона к ответным положительным или отрицательным жестам. «Радикальные сценарии» основаны на предположении, что в действиях сторон будут преобладать враждебные или, напротив, партнерские мотивы.

Однако сам разброс возможных сценариев будущего указывает на очень высокую неопределенность в отношениях. Ниже мы опишем четыре сценария по степени снижения их вероятности.

Сценарий 1. «Преобладание конфликта». Стороны продолжают делать конфронтационные жесты в отношении друг друга. Периодически, в особенности, в ситуациях обострения ранее имевших место противоречий (постсоветское пространство, Иран, Ирак, ужесточение глобального экономического кризиса, включая энергетическую составляющую) они теряют контроль над ситуацией. Каждый раз при этом отношения входят в неконтролируемую «спираль» обострения. Особенно четко это будет наблюдаться в риторике и в постоянных «истериках» масс-медиа. На периоды обострения реальное сотрудничество во всех сферах будет сворачиваться.

Особенно жесткое противостояние будет наблюдаться на постсоветском пространстве, где поляризация пророссийских (и прокитайских) и прозападных организаций будет все больше усиливаться. Новым независимым государствам придется делать выбор между ОДКБ, ЕврАзЭС (и ШОС), с одной стороны, и развитием программ сотрудничества с НАТО (включая подготовку к членству) или расширенным вариантом ГУАМ.

Однако обе стороны постоянно продолжают подчеркивать готовность к диалогу и к возобновлению стратегического партнерства «в случае, если другая сторона захочет сотрудничать». В связи с этим после каждого обострения отношений будут следовать периоды, когда по длинному списку противоречий Россия и Запад будут «соглашаться не соглашаться». В это время «медийные войны» будут затихать. Будет также выделяться очень узкий набор взаимовыгодных направлений сотрудничества в политической и экономической областях, где оно будет поддерживаться.

Что конкретно данный сценарий означает для постсоветского пространства?

США будут активно предпринимать различные военно-политические меры по контролю влияния России на постсоветском

пространстве. Они будут носить откровенно конфронтационный характер, хотя, при этом, будут одновременно предприниматься усилия по сохранению каналов диалога и взаимодействия. При этом, необходимо, будут задействованы три уровня.

А. Первый уровень – военно-политический.

Интересам США соответствует усиление позиций Европы (причем, в рамках преодоления раскола «старой» и «новой» ее частей) в качестве гаранта безопасности и либерального демократического развития в Афганистане, в ЦА и на Южном Кавказе. Для США это бы существенно облегчило задачи в данной части мира. Наконец, в этой ситуации наиболее сложные и тупиковые вопросы отношений с Россией (а, в перспективе, и с Китаем) также стала бы решать Европа.

Привлечение России, учитывая ее «гигантский потенциал» (вице-президент Байден) к европейским усилиям в области безопасности было бы также очень желательно («в идеальном мире») с точки зрения интересов США. Однако в реальности отношения с Россией серьезно испорчены, поэтому будет приветствоваться любое сочетание «кнута» и «пряника» с тем, чтобы обеспечить ее сотрудничество.

Несмотря на надежды на увеличение роли Европы в обеспечении стабильности в прилегающих частях мира, экспертные круги в США отдают отчет в объективной военно-политической слабости «Старого Света». В этой связи отмечается *рост поляризации в Центральной Евразии между проектами обеспечения безопасности, центрированными на Россию и Китай (ОДКБ и ШОС) и проектами обеспечения безопасности, связанными с Западом (НАТО)*. Причем, между этими двумя группами проектов может развернуться противостояние, основанное не только на расхождении интересов, но и на принципиально различных ценностно-идеологических ориентациях (однополярный или многополярный мир, либеральная демократия или модернизация на основе авторитаризма [Китай] или «суверенной демократии» [Россия]). В этой ситуации наиболее соответствовала бы американским интересам готовность объединенной Европы противопоставить себя России и Китаю, выразив готовность принять в НАТО на первом этапе Грузию и Украину, на втором – Молдову и Азербайджан, на третьем – ряд центральноазиатских стран.

США, Великобритания и некоторые страны «новой Европы» будут продолжать оказывать в НАТО очень сильное давление в пользу подобного решения, несмотря на то, что в 2008 г. оно было отложено. Одна из важных причин того, что вопрос с расширением НАТО пока не решен, заключается в том, что этот вопрос особенно жестко лоббировали право-консервативные силы, потерпевшие поражение на президентских выборах в США. Пришедшие им на смену демократы попытаются вначале поискать какие-то альтернативы, которые бы позволили сохранить отношения с Россией. Этот поиск с готовностью поддерживает «старая Европа», особенно, в контексте попыток сформулировать какой-то новый документ по обеспечению безопасности в Европе.

Однако в рамках данного сценария вопрос о расширении НАТО будет продолжать возникать. В случае, если «старая Европа» готовности противостоять России и, в перспективе, Китаю, не проявит (а, судя по всему, после российско-грузинского конфликта «старая Европа» будет еще тщательнее пытаться «маневрировать» между американскими, китайскими и российскими интересами), США будут вынуждены самостоятельно дать гарантии безопасности целому ряду ориентирующихся на них бывших советских республик⁷⁷.

В этой ситуации возможным будет создание дружественной НАТО структуры безопасности по образцу СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС и т.д. для постсоветского пространства, возможно, даже с прямым участием США. В этом случае в нее вошли бы страны ГУАМ (более узкий, чисто «постсоветский» вариант), либо и страны Сообщества демократического выбора (более широкий, восточноевропейско-постсоветский вариант). Такое решение приведет к резкому росту военно-политического противостояния США с Россией и, в перспективе, также с Китаем (последний воспримет это как угрозу своим стратегическим и энергетическим интересам на постсоветском пространстве). Либо США и страны НАТО могут использовать какие-то другие (включая неформальные) механизмы предоставления гарантий безопасности и поддержки прозападно ориентированным постсоветским странам.

⁷⁷ См. анализ О. Реута: <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1689>

Здесь следует отметить, что многие эксперты в России часто проявляют «шапкозакидательские» настроения по отношению к тому, какую поддержку РФ может получить от постсоветских стран в случае роста жесткого противостояния с Западом. Такие взгляды явно не соответствуют реальности, а их выражение является очевидным нарушением патриотического долга аналитика — объективно информировать политическую элиту и население страны о ситуации. Даже простое понимание того факта, что России вплоть до декабря 2008 г. не удалось получить поддержку ни одной из постсоветских стран в форме признания независимости Абхазии и Южной Осетии должно вселять в нас тревогу.

Уже на первом этапе поляризация постсоветских стран в ситуации жесткого обострения конфликта Россия — Запад может привести к тому, что на сторону Запада начнут склоняться страны ГУАМ. Этому может способствовать усиление военно-экономической помощи. Узбекистан также, в случае предоставления его властям гарантий невмешательства США во внутреннюю политику, может вновь войти в этот лагерь. Либо альтернативой может стать усиление изоляционизма. Именно по этому пути, в соответствии с традициями покойного Туркменбаши, скорее всего, пойдет Туркменистан.

Армения, если ей будут предоставлены гарантии улучшения отношений с Турцией и нейтралитета США в карабахском вопросе, может оказаться перед тяжелой дилеммой. При этом ей придется считаться с позицией не только России, но и Ирана. То же самое можно сказать и о Казахстане. Последний не сможет поддержать Запад из соображений ухудшить отношения с Россией и Китаем. Но не сможет он и полностью поддержать Россию, так как его экономика полностью зависит от сотрудничества с западными ТНК. Кыргызстан будет следовать примеру Казахстана. Можно надеяться лишь, что Таджикистан и Белоруссия однозначно поддержат Россию (причем, в обоих случаях, не без определенных внутренних колебаний и под влиянием слишком высокой степени экономической зависимости от импорта энергоносителей в случае Белоруссии и экспорта рабочей силы в случае Таджикистана).

Описанный сценарий будет не слишком благоприятен для развития России, так как ей придется еще более резко, чем это

происходит сейчас, увеличить расходы на оборону. Могут возникнуть и определенные элементы международной изоляции РФ в Европе и даже в контролируемой США части Евразии.

Однако в условиях взаимозависимости чтобы нанести России столь серьезный ущерб на постсоветском пространстве США *самим придется заплатить большую, в чем-то даже неподъемную цену*. Им придется активнее вкладывать ресурсы в постсоветское пространство, смиряясь с существованием «своих мерзавцев» в виде различных авторитарных и полуавторитарных режимов. Россия начнет более активно поддерживать те страны, которые в США считают «изгоями», заблокирует решение «иранской» и «северокорейской» проблемы, не будет помогать НАТО в Афганистане, будет развивать сотрудничество с Венесуэлой, Кубой, Боливией.

В самой России будут активно расти антиамериканские настроения. РФ также придется вкладывать значительные средства в превращение ОДКБ в реальную силу, могущую, хотя бы в ряде аспектов (с учетом того, что до полномасштабной гонки вооружений в этом сценарии все же не дойдет), противостоять НАТО. Соответственно, Североатлантическому альянсу придется тратить все больше ресурсов на противостояние России, отвлекаясь от таких целей, как Афганистан. Наконец, Китай будет, очевидно, использовать противоречия Россия — Запад для давления на США с целью извлечения все новых экономических и даже стратегических (Тайваньская проблема) уступок.

В случае, если на постсоветском пространстве развернется активная гонка вооружений по линии пророссийские — прозападные блоки, то это может стать началом перехода к сценарию 3 («Возобновление «холодной войны»). Еще более вероятен переход к нему в случае продолжения с обеих сторон тактики организации революций-контрреволюций на постсоветском пространстве или продолжения обострения «замороженных конфликтов» (Приднестровье, Карабах, Крым и т.д.). *При этом обе стороны будут втянуты в наиболее конфронтационный сценарий против воли ключевых групп среди политических элит!*

Б. Второй уровень — экономический.

Европа активизирует поиск «альтернативных» России источников энергии. Все более активная поддержка со стороны

США будет оказываться проектам транскаспийских трубопроводов и «Набукко». Россия ответит на это более активным развитием проектов транспортировки ресурсов в регион АТР и даже в Южную Азию. Однако конфронтация может быть углублена, если Россия ответит еще и новым витком вытеснения зарубежного капитала из страны. Кроме того, она может остановить на «ремонт» европейские трубопроводы. Запад, в свою очередь, прибегнет к блокировке России на уровне международных экономических структур и, в самом тяжелом варианте, к активному введению экономических санкций. В этом случае вновь произойдет скатывание к сценарию «холодной войны».

В. Третий уровень – пропагандистский.

Обе стороны будут продолжать развращивать активную пропаганду как на постсоветском пространстве, так и на «внутренних» информационных рынках. В результате перехода этой пропаганды за определенные разумные пределы тоже может произойти переход к сценарию «холодной войны».

Очевидно, что внутри этого неустойчивого сценария существуют и точки перехода к сценарию более конструктивному. Если обе стороны не перейдут обозначенные выше линии (гонка вооружений, свержение режимов, обострение вооруженных конфликтов, слишком жесткие экономические меры, запредельное обострение идеологической конфронтации), то уже в краткосрочной перспективе возрастет вероятность более конструктивного сценария («преобладание сотрудничества»).

Описанный выше сценарий «преобладание конфликта» представляется нам наиболее вероятным в силу объективного расхождения интересов России и стран Запада, наблюдающегося в последнее десятилетие. Он также в наибольшей степени соответствует текущим тенденциям. Все направления конфронтации, описанные выше, уже четко обозначены. Поэтому мы его и проработали значительно сильнее, чем другие сценарии. Однако уже в краткосрочной перспективе и США и Россия столкнутся с той ценой, которую придется платить за конфронтацию. Это будет хорошим стимулом возвратиться к сотрудничеству. В среднесрочной перспективе вероятность более «дружественного» сценария возрастет и в случае продолжения

успешной экономической модернизации РФ, глобализации ее экономики, а также снижения мирового кризисного потенциала. В краткосрочном плане к уменьшению конфликта толкает острота глобального экономического кризиса и необходимость сотрудничества в ограничении его влияния, а также победа демократов в США.

Сценарий 2. «Преобладание сотрудничества». Даже в периоды самого сильного обострения отношений стороны продолжают подчеркивать, что конечной их целью является возвращение к партнерству. Периоды обострения отношений в случаях, когда возникают кризисные ситуации по кругу тем, в которых наблюдаются противоречия национальных интересов, будут достаточно краткосрочными. Конфликт в периоды обострения отношений будет носить, преимущественно, риторическую форму. По кругу вопросов, где наблюдается гармония интересов, сотрудничество не будет прерываться никогда.

Периоды обострения конфликтов будут сменяться более длительными периодами сотрудничества по широкому кругу взаимовыгодных вопросов.

Распространение НАТО на Восток в этой ситуации несколько замедлится. Даже принятие Грузии, и, что менее вероятно, Украины в *кандидаты* в члены НАТО еще не означает, что их в обозримом будущем примут в полноправные *члены НАТО*. США, чтобы не обострять отношения с Россией, также не предоставят в случае реализации этого сценария прямых и формальных гарантий безопасности странам ГУАМ. Однако они активно предпримут меры по декларированию поддержки безопасности постсоветских стран и неизменности их границ через многосторонние международные организации, вроде ООН и ОБСЕ. При этом России также предложат проголосовать за соответствующие резолюции (например, в рамках поиска новой архитектуры безопасности в Европе, развернувшегося благодаря соответствующим предложениям в конце 2008 г.). Такого рода предложения были выдвинуты, например, профессором Мак Фулом в ходе слушаний комитета по международным делам в Конгрессе.

Поляризация членства в пророссийских и прозападных организациях на постсоветском пространстве по-прежнему будет не очень четкой. Новые независимые государства будут

сохранять широкое пространство для маневра и для привлечения помощи со всех сторон. Внутри них будут продолжать выделяться государства, более склонные к сотрудничеству с Западом (Грузия, Украина, Молдова), более склонные к кооперации с Россией (Беларусь, Таджикистан, Армения, последняя — в военно-политической сфере), а также страны, поддерживающие одинаково хорошие отношения со всеми сторонами (Казахстан, Кыргызстан, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан). Именно неопределенность позиций последней группы и приведет к тому, что конфронтация Россия — Запад на постсоветском пространстве будет не очень активной.

Внутри постсоветских государств обе стороны будут предпринимать усилия, направленные на то, чтобы держать кризисы под контролем и не допускать новых обострений ситуации. Очевидный шаг в этом направлении обсуждается в США: замена М. Саакашвили на Н. Бурждаджандзе. Последняя уже заявила, что Грузии следует нормализовать отношения с Россией. На Украине подобным же компромиссом может оказаться замена В. Ющенко на Ю. Тимошенко. В политико-идеологическом плане оба новых лидера — женщины изберут более мягкий и примирительный тон, что снизит напряжение. Правда, учитывая провокационный стиль политического лидерства Ю. Тимошенко, особенно, в газово-экономических сюжетах, может оказаться, что этот шаг, со временем, приведет к новым обострениям.

В экономической сфере будут сохраняться смешанные тенденции, наблюдавшиеся до августа 2008 г. Обе стороны будут одновременно сотрудничать в области энергетической безопасности и искать возможности усилить свою позицию по отношению к визави.

Идеологически на второй сценарий больше настроены демократы, чем республиканцы. Последние явно предпочитают давление диалогу. Причем, они не могут четко сформулировать, что делать, если РФ ответит на давление ответными мерами. Поэтому в краткосрочной перспективе победа Обамы на президентских выборах может сдвинуть ситуацию к данному сценарию. Однако исторически, республиканские администрации (Р. Никсона, Р. Рейгана), при всей их конфронтационной риторике, демонстрировали ничуть не меньшее, если не большее умение договариваться с Кремлем, чем демократические.

Этому всегда способствовало определенное сходство политических культур, доминировавшей как в Москве, так и среди республиканцев. Поэтому в среднесрочной перспективе может оказаться даже, что демократам будет труднее договориться с Россией, чем это смогли бы сделать республиканцы.

Несмотря на то, что преобладание сотрудничества над конфликтом, особенно, в краткосрочной перспективе, не очень вероятно, еще менее вероятным представляется нижеследующий сценарий.

Сценарий 3. «Возобновление "холодной войны"». Спираль враждебных действий с обеих сторон выходит из-под контроля (потенциальные точки выхода были обозначены в сценарии 1). В результате Россия и США переходят к политике полной конфронтации. Каждая сторона начинает предпринимать такие действия, которые нанесут другой стороне максимальный вред. Интересы игроков начинают определяться с точки зрения: «что плохо для них — хорошо для нас». Запад попытается создать на постсоветском пространстве «санитарный кордон» против России. Она же в ответ будет безоговорочно поддерживать «государства-изгои».

Этот сценарий очень маловероятен. Никто не хочет слишком сильным обострением конфликта. Политические элиты России, прежде всего, президент Д.А. Медведев и глава правительства В.В. Путин, неоднократно отмечали, что возобновления «холодной войны» Россия не хочет. Она готова к диалогу, но, при этом, четко обозначает свои интересы и не готова поступаться ими без соответствующей компенсации. Возможные последствия слишком сильного обострения конфликта с Западом — в силу, прежде всего, экономических последствий — могут серьезно сказаться на перспективах развития РФ.

Все политические группы в США, даже наименее дружественные РФ, также отмечают, что их цель — вернуть Россию к сотрудничеству, а не обострить конфликт. Без России нельзя решить ключевые международные проблемы: иранскую, иракскую, афганскую и северокорейскую. Без нее невозможно обеспечить энергетическую безопасность ни Европы, ни Запада в целом. Обструкционистская позиция РФ (с учетом права вето в Совете безопасности ООН) может полностью парализовать работу всех ключевых международных организаций. Переход к полной конфронтации с Россией — в условиях и так

чрезвычайно высокой политической и экономической неопределенности в мире — может означать полное разрушение всех структур миропорядка.

Одновременно, сценарий 3 чрезвычайно нестабилен. В условиях серьезной взаимозависимости плата за нанесение вреда другой стороне столь велика, что перейти к долгосрочной политике на этой основе никто не сможет. Для России платой будет отказ от модернизации страны, для США — разрушение остатков «однополярного» мира. Однако при всей нестабильности и маловероятности сценария 3 сценарий 4 вообще в настоящее время выглядит почти невероятным.

Сценарий 4. «Полная гармонизация отношений». Превращение в часть западного мира для России вновь становится такой важной целью, что ради нее она будет готова поступиться другими интересами, как это имело место в начале 1990-х гг. Россия возвращается в западную коалицию. Запад, в свою очередь, делает все, чтобы включить Россию в свои ряды. На постсоветском пространстве отношения между пророссийскими и прозападными вариантами развития настолько гармонизируются, что вполне возможно быть, одновременно, членом ОДКБ и кандидатом на вступление в НАТО.

В области экономики Россия начинает придерживаться принципов европейской «энергетической хартии», и проблема альтернативных путей транспортировки сама собой отпадает. При этом западный капитал начинает играть серьезную роль в развитии энергетики РФ.

В области идеологической также исчезает противостояние потому, что в России к власти приходит режим, полностью разделяющий либеральные и прозападные ценности.

Этот сценарий, очевидно, близок к утопии. Среди политической элиты и населения России сложился определенный консенсус в данном пункте. Они не готовы перейти к политике уступок Западу в ущерб целому ряду интересов государства, как это имело место в 1990-е гг. США пока, в свою очередь, не готовы полностью учитывать интересы России и создать систему равноправного диалога, на чем она настаивает.

Понятно, что для ключевых политических сил в США данный сценарий был бы оптимален. Однако среди них также уже начинает формироваться понимание того, что он нереалистичен.

Глава 2. Политика США в Центральной Азии (1991–2008 гг.)

В эволюции политики США в ЦА⁷⁸ можно выделить несколько периодов. В каждом из них достаточно радикально менялась позиция Америки по отношению как к центральноазиатским странам, так и к другим внерегиональным игрокам (прежде всего, России). Эта смена позиции частично была обусловлена постоянно эволюционирующей ситуацией в США.

⁷⁸ См.: Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг./ М.В. Братерский. – М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005; Шилдс Дж. Программа Нанна-Лугара: отношения между США и странами-получателями помощи/ Дж. Шилдс// Ядерный контроль. – М: ПИР-Центр. 1996. – № 16. Апрель; Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению»/ Э. Лейк// США-ЭПИ. – 1994. – № 3; Трынков А.А. Некоторые аспекты политики США в отношении стран СНГ и интересы России/ А.А. Трынков, Ю.Н. Глушенко// США в новом мире: пределы могущества. – М.: РИСИ. 1997; Васютювич В.П. Политические отношения между Казахстаном и США/ В.П. Васютювич// Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. – М.: РИСИ. 1995. – С.318–320; Сулейменов Т. Вопросы экономики в казахстанско-американских отношениях/ Т. Сулейменов// Внешняя политика Казахстана. – Алма-Ата – Москва: посольство Казахстана в России. 1995; Трынков А.А. Отношения между Узбекистаном и США/ А.А. Трынков// Узбекистан: обретение нового облика. Т.2. – М.: РИСИ. 1998; Митяева Е.В. Проблема Каспия в российско-американских отношениях: Науч. докл. Ин-т США и Канады РАН/ Е.В. Митяева. – М., 1999; Наумкин В.В. Центральноазиатский фактор в отношениях России с Западом/ В.В. Наумкин. – М.: Фонд «Мосты Восток – Запад», 2002; Богуславский А. Об американской стратегии жизненно важных интересов в Каспийском регионе/ А. Богуславский// Ближний Восток и современность. – М., 2003; Братерский М. Политика США в Средней Азии: итоги десятилетия/ М. Братерский// США и Канада: экономика, политика, культура. – № 9. – М., 2002; Гусейнова М. Новые тенденции в политике США в Центральной Азии и Закавказье/ М. Гусейнова// США и Канада: экономика, политика, культура. – № 2. – М., 2003; Жильцов С., Ушков А. Политика США в Каспийском регионе: основные итоги и тенденции (после сентября 2001 г.)/ С. Жильцов, А. Ушков// Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. – № 4. – М., 2003; Зиглер Ч. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества/ Ч. Зиглер// МЭИМО. – №3. – М., 2005; Ломагин М. Новые независимые государства как сфера интересов России и США/ М. Ломагин// Pro et Contra. – Том 5. – № 2. – Весна 2000; Митяева Е. Развитие ситуации в Каспийском регионе и интересы США/ Е. Митяева// США и Канада: Экономика. Политика. Культура. – №11. – М., 1999; Олешук Ю. Русско-американские отношения в ареалах постсоветского Востока и Закавказья/ Ю. Олешук// Восток в пределах России. – М., 2002; Олкотт М. Размышления о политике США в Центральной Азии/ М. Олкотт// Pro et contra. – 2000. – Т. 5. – № 3; Парканский А. США – страны Центральной Азии: экономические взаимоотношения/ А. Парканский// США. Канада: Экономика. Политика. Культура. – 2003. – № 7; Румер В. США и Центральная Азия после 11 сентября/ Е. Румер// Космополис = Cosmopolis. – 2003. – № 1; Самуилов С. Американское военное присутствие в Средней Азии и Конгресс/ С. Самуилов// США и Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 8; Самуилов С. Президент, Конгресс и американская политика в отношении Афганистана/ С. Самуилов// США и Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 12; Серебрянников В. Вторжение США в Центральную Азию/ В. Серебрянников// Диалог. – 2003. – № 1; Теревов О. Россия и США в Центральной Азии: (Общая ситуация в регионе)/ О. Теревов// США и Канада: Экономика. Политика. Культура. – 2003. – №3; Talbot S. Deepening U.S. Engagement with the States of Central Asia and the Caucasus: a Roadmap for the Future. Speech delivered in Washington, 21.07.1997. // “The Washington Post”. – 1997 July; Mackenzie R. The United States and Taliban/ R. Mackenzie// Fundamentalism Reborn: Afghanistan and the Taliban. Ed by M. Maley. – N.Y., 1998.

В не меньшей степени непоследовательность американской политики (ее колебания между различными полюсами обозначенных в предыдущей главе дилемм) сама вызывала эту эволюцию (например, будучи причиной радикальных смен ориентаций центральноазиатских стран, то в большей мере сближавшихся с США (в 1995–1999 гг., 2001–2004 гг.), то до определенной степени отдалявшихся от них (в 1999–2001 гг., 2004–2008 гг.). Таким образом, можно говорить о том, что в специфических центральноазиатских условиях США было достаточно сложно рационализировать свою политику.

1. Период слабой вовлеченности США в дела Центральной Азии и приоритета отношений с Россией на постсоветском пространстве (1991–1995 гг.)

1991 – 1992 гг. Администрация Дж. Буша-старшего. В 1991 – первой половине 1992 гг. проходил процесс дипломатического признания новых независимых государств (ННГ) ЦА со стороны США. В этот период в Америке наблюдалась некоторая растерянность по поводу неожиданно быстрого распада СССР и непонимание того, как дальше строить политику по отношению к ННГ. «У США отсутствовала сколько-нибудь последовательная и целостная политика по отношению к странам региона»⁷⁹. Линия, проводившаяся Соединенными Штатами, не отличалась от общей стратегии в отношении постсоветских государств: они выступали за демократизацию политической жизни и за проведение рыночных преобразований. При этом отношения с Россией воспринимались как ключевые, а ННГ были на далекой периферии американского внимания.

Ключевым страхом американцев, который сохранялся по отношению к ЦА на протяжении всей первой половины 1990-х гг., был достаточно фантомный комплекс представлений о возможности быстрой победы фундаменталистов при поддержке Ирана, а также о том, что ядерное оружие на территории Казахстана может превратиться в «исламскую атомную бомбу». В связи с этим первоочередной заботой стала проблема избавления от советского ядерного наследия в Казахстане, в

⁷⁹ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг./ М.В. Братерский. – М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. – С. 179.

частности, путем подписания им Договора о нераспространении ядерного оружия. США и Россия добились подписания Казахстаном в мае 1992 г. Лиссабонского протокола к договору СНВ-1. Казахстан в этой связи стал одним из получателей американских средств по программе Нанна-Лугара («Программе по совместному уменьшению угрозы», «Cooperative Threat Reduction Program»)⁸⁰.

Другим ключевым моментом в политике США стал поиск путей укрепления государственности и независимости стран ЦА. Россия и Иран подозревались в попытках либо «воссоздать советскую империю», либо «создать всемирный халифат». В связи с этим 30 октября 1992 г. был принят законопроект «О поддержке свободы», который предусматривал американскую правительственную помощь ННГ (включая ЦА) как непосредственно, так и через МВФ.

В связи со стремлением США противостоять достаточно виртуальным попыткам «экспансии» Ирана и России начался процесс успешного взаимодействия с Турцией в ЦА. Последняя воспринималась как позитивный образец для ННГ региона.

Первая администрация У. Клинтона (1993–1996 гг.) до определенной степени сохраняла тенденции, заложенные в период президентства Дж. Буша-старшего.

США стремились укрепить независимость стран ЦА, опасаясь «покушений» на нее со стороны России и Ирана. Этот курс, в частности, нашел свое выражение в сформулированной помощником президента США по национальной безопасности Э. Лейком осенью 1993 г. концепции «вовлечения» (engagement)⁸¹. Важной ее частью считалось оказание администрацией США поддержки становлению ННГ, демократическим и рыночным преобразованиям на постсоветском пространстве.

Причем, по отношению к России эта политика часто воспринималась самими американцами как «дружественная», направленная на укрепление демократических преобразований в ней самой, для чего РФ следовало избавиться от «имперского бремени». Выступая перед Конгрессом в январе 1994 г.,

⁸⁰ Братерский М. В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг./ М. В. Братерский. – М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. – С. 179.

⁸¹ Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению»/ Э. Лейк// США – ЭПИ. – 1994. – № 3. – С. 29 – 38.

У. Клинтон следующим образом прокомментировал Военную доктрину России (1993 г.), которая предусматривала возможность для армии РФ действовать по периметру границ бывшего СССР. Президент США призвал Российской Федерации использовать свои войска лишь с согласия соответствующих ННГ и при строгом соблюдении норм международного права. Администрация США также объявила «неприемлемой» ситуацию, при которой российские войска вторглись бы в какое-либо из ННГ для защиты русскоязычного населения⁸².

США продолжали воспринимать Турцию как основную «модель для подражания» центральноазиатскими странами. В связи с этим можно говорить о том, что они активно поддерживали в этот период проект институциональной реорганизации ЦА по модели «тюркского мира». Одновременно США поддерживали и планы внутрирегиональной интеграции между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном как альтернативу СНГ.

Активно развивалась американская экономическая помощь тем странам ЦА (Казахстан и, особенно, Кыргызстан), которые приняли курс на демократизацию и ускоренное становление рыночной экономики («шоковую терапию»). В 1994 г. была подписана американско-казахская Хартия о демократическом партнерстве, где было заявлено о готовности сторон развивать «прочные и долгосрочные отношения дружбы, взаимопонимания, доверия и уважения»⁸³. Помощь Казахстану и Кыргызстану оказывалась как на двусторонней основе, так и в рамках работы различных международных организаций (МВФ, Всемирного банка). Как и в России, в этих двух странах активно действовали западные советники, связанные с этими организациями.

Важную роль в центральноазиатской политике США продолжали играть соображения безопасности и обеспечения

⁸² Трынков А.А. Некоторые аспекты политики США в отношении стран СНГ и интересы России/ А.А. Трынков, Ю.Н. Глушенко// США в новом мире: пределы могущества. – М.: РИСИ. 1997. – С. 377–412.

⁸³ Васютович В.П. Политические отношения между Казахстаном и США/ В.П. Васютович// Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. – М.: РИСИ. 1995.– С. 318–320; Сулейменов Т. Вопросы экономики в казахстанско-американских отношениях/ Т. Сулейменов// Внешняя политика Казахстана. – Алма-Ата – Москва: посольство Казахстана в России. 1995.

стабильности. 5 декабря 1994 г. в Будапеште президент РФ Б. Ельцин, президент США Б. Клинтон и премьер-министр Великобритании Дж. Мэйджор подписали Меморандум о гарантиях безопасности Казахстану в связи с его отказом от ядерного оружия. В этот период стали также зарождаться военные связи между странами региона и НАТО в рамках деятельности Совета евроатлантического партнерства (с 1991 г.) и программы «Партнерство ради мира» (с 1994 г.).

Роль США в обеспечении безопасности в регионе была абсолютно несопоставимой с ролью России (разрешавшей в этот период ситуацию в Таджикистане и обеспечивавшей охрану внешних границ региона). ЦА, в принципе, в этот период не воспринималась как зона американских интересов, а, скорее, как «задний двор» России⁸⁴. Тем не менее Америка стремилась расширить свое участие в разрешении локальных конфликтов. В августе 1993 г. был назначен специальный координатор от США по урегулированию конфликтов в СНГ (Дж. Коллинз), а в госдепартаменте было сформировано соответствующее подразделение.

Можно заметить и некоторые специфические черты первой администрации У. Клинтона по отношению к ее предшественнице. Президент-демократ, во многом, победил благодаря негативной реакции населения на экономический спад 1991 г. При этом предвыборная критика Клинтонем Дж. Буша была сосредоточена на том, что тот слишком много времени и ресурсов тратил на внешнюю политику. Поэтому неизбежной чертой демократической администрации стало стремление к изоляционизму, неготовность к ведению активной внешней политики.

В первой администрации Клинтона большую роль в формулировании политики США на постсоветском пространстве играли симпатизирующие России либералы вроде Струба Тэлботта, которые воспринимались в США как «пророссийское лобби». Важной чертой центральноазиатской политики новой администрации стал также приоритет демократических ценностей над интересами. В частности, отсутствие демократии и несоблюдение прав человека в этот период практически

⁸⁴ Братерский М. В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг./ М. В. Братерский. – М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. – С. 180.

полностью заблокировали политические отношения США с Узбекистаном и Туркменистаном (хотя экономические контакты расширились). Так, в августе 1992 г. И. Каримов подверг резкой критике посольство США в Ташкенте за контакты с политической оппозицией и «тенденциозные» оценки внутривластной жизни этой страны⁸⁵.

К концу рассматриваемого периода благодаря «контракту века», подписанному Азербайджаном с западными нефтяными компаниями в 1994 г., стал быстро расти экономический интерес США к региону. На первый план начали выходить задачи по развитию нефтедобычи (прежде всего, в Казахстане), ее транспортировке (строительство нефтепроводов из Каспийского региона)⁸⁶. Постепенно росло также соперничество между Россией и США.

2. Переход к соперничеству с Россией и рост центральноазиатского влияния США за счет ее ослабления (1996–1999 гг.)

В 1996 г. под влиянием осознания явных неудач реформ в России и под давлением лобби внутри США, заинтересованного в росте внешнеполитического влияния Америки, стало особо резко заметно изменение политики администрации Клинтона на всем постсоветском пространстве. Тема борьбы с «российским неоимпериализмом» в СНГ стала важной для президентской кампании в США в 1996 г. Слишком «мягкая» и «пророссийская» политика первой администрации Клинтона подверглась резкой критике со стороны республиканцев. В результате в 1997 г. на пост государственного секретаря в новой администрации демократов была назначена Мадлен Олбрайт, которая была сторонницей жесткого курса США в международных отношениях. Ее собственное происхождение из Восточной Европы также служило гарантией усиления интереса США к евро-азиатским проблемам.

К 1995 г. политика России в ЦА начала меняться. 14 сентября 1995 г. вышел указ президента Б. Ельцина, согласно

⁸⁵ Трынков А.А. Отношения между Узбекистаном и США/ А.А. Трынков// Узбекистан: обретение нового облика. Т. 2. – М.: РИСИ, 1998. – С. 226.

⁸⁶ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг./ М.В. Братерский. – М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. – С. 179.

которому реинтеграция постсоветского пространства вокруг России официально считалась важнейшим внешнеполитическим приоритетом⁸⁷. Это, в частности, выразилось в попытках создания новых интеграционных структур на постсоветском пространстве (например, Таможенного союза). Одновременный рост интереса к постсоветскому пространству в целом и к ЦА в частности со стороны России и США, привел к столкновению их интересов. Примерно с 1996 г. взаимодействие этих двух стран в центральноазиатском регионе стало мыслиться как игра с нулевой суммой или «качели» (рост влияния США происходит за счет ослабления России или наоборот). К сожалению, такая парадигма восприятия, сформировавшись в тот период, сохраняется и в 2008 г.

В 1996–2000 гг. соперничество США и России за влияние в ННГ стало характерной чертой американской внешней политики. В 1997 г. США включили ЦА в «зону ответственности» командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая контролирует ситуацию на Среднем Востоке. При этом командующий CENTCOM генерал Т. Фрэнкс отметил, что действия его группировки в постсоветской ЦА будут в существенной степени определяться тем, какую политику эти страны проводят в отношении России⁸⁸. Тем не менее, в ЦА это соперничество проявлялось по весьма ограниченному кругу вопросов (военно-политическая сфера, проекты региональной интеграции, нефтегазовые ресурсы и пути транспортировки ресурсов). Причинами были низкая привлекательность региона в глазах США, антидемократичность политических режимов и традиционное отношение к нему как к «заднему двору» России⁸⁹.

Важным фактором стал экономический интерес. США, во многом под влиянием слишком оптимистичных оценок размеров нефтегазовых запасов ЦА и региона Каспийского моря, пересмотренных позднее, активно поддерживали альтернативные российским проекты транспортировки сырья в част-

⁸⁷ Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 года № 940 «Об утверждении Стратегического курса РФ с государствами - участниками СНГ».

⁸⁸ Выступление Т. Фрэнкса на слушаниях в комитете по вооруженным силам палаты представителей конгресса США 28 марта 2001 г. // www.house.org.

⁸⁹ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг./ М.В. Братерский. – М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. – С. 180.

ности реализованные проекты нефтепроводов Баку–Супса и Баку–Джейхан. Активно лоббировались также нереализованные проекты транскаспийского нефтепровода из Казахстана и транскаспийского газопровода из Туркменистана. Поддержка оказывалась проектам ЕС в области прокладки новых транспортных маршрутов (ИНОГЕЙТ, ТРАСЕКА – «Великий шелковый путь»). В то же время, большие усилия прикладывались для нейтрализации иранских маршрутов транспортировки казахской нефти и туркменского газа.

Взаимосвязь двух измерений – энергетики и безопасности – вышла на первый план в функционировании активно поддержанных США проектов «альтернативной интеграции» постсоветского пространства. 10 октября 1997 г. в Страсбурге прошел учредительный форум ГУАМ. В апреле 1999 г. к этой структуре присоединился Узбекистан, в том же году он отказался продлить Договор о коллективной безопасности СНГ.

Одновременно США спонсировали и другой проект реорганизации постсоветского пространства – внутреннюю интеграцию в ЦА: Центральноазиатский союз (1994–1998 гг.), Центральноазиатское экономическое сообщество (1998–2002 гг.) и Организацию «Центрально-Азиатское сотрудничество» (2002–2005 гг.). Безактивной финансовой поддержки США, в частности, не возник бы проект «Центразбата» – коллективного батальона трех стран (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан), существовавшего во второй половине 1990-х гг.

«Следует, однако, учесть, что в тот период Каспий рассматривался американскими стратегами как регион, тяготеющий к Кавказу – в структуре законодательной и исполнительной власти США им занимались другие подразделения – и энергетический фактор не выходил на первое место в политике Вашингтона в Средней Азии»⁹⁰.

В рамках ближневосточной политики США, тесно завязанной на стратегическое партнерство с Израилем, ЦА также рассматривалась в рамках проекта «Большого Ближнего Востока»⁹¹, а в рамках отношений с Турцией – по-прежнему как часть потенциального прозападного «туркского мира».

⁹⁰ Указ. соч. – С. 180.

92 ⁹¹ Lewis B. Rethinking the Middle East/ Bernard Lewis// Foreign Affairs. – Fall 1992. – P. 99–119.

В 1996–2000 гг. в центральноазиатской политике США главным новым фактором стало установление стратегического партнерства с Узбекистаном. Эта страна, расположенная в середине ЦА, унаследовавшая ее ключевые культурные центры, располагающая самым большим населением и мощная (по местным меркам) в военном отношении, воспринималась как «ключ» к региону. В середине 1990-х гг. происходило стремительное ухудшение российско-узбекских отношений. Главной причиной была структурная. Узбекистан в силу ряда причин географического, исторического, демографического, военного и т.д. характера воспринимает себя в качестве естественного «фокуса» центральноазиатской интеграции⁹². В связи с этим он сам стремился играть роль главной региональной державы, альтернативной всем внешним силам. При этом в середине 1990-х гг. он воспринимал Российскую Федерацию в качестве главной соперницы.

США стали поддерживать подчеркнуто независимую от России внешнюю политику Узбекистана и его стремление играть роль «фокуса» центральноазиатской интеграции. В то же время, в рамках отношений с Узбекистаном США пришлось внутри дилеммы «ценности – интересы» сдвинуться к полюсу интересов. Именно это и обеспечило рост американского влияния в регионе. Однако, для самих США данная ситуация была достаточно болезненной. Это, в частности, вызывало попытки одновременно с «дружбой», оказывать на Узбекистан давление в пользу «смягчения» режима.

Важным шагом на пути установления партнерства двух стран стала первая личная встреча У. Клинтона с И. Каримовым в июне 1996 г. В 1990-е гг. Узбекистан всемерно старался поддерживать США (например, даже при голосовании на Генеральной ассамблее ООН в ноябре 1996 г., когда принималась резолюция с осуждением американского эмбарго против Кубы; против нее проголосовали три государства: США, Израиль и Узбекистан). В 1998–1999 гг. Узбекистан политически поддерживал готовность США применить силу против иракского режима. Это государство стало также одним

⁹² См. Толипов Ф.Ф. Большая стратегия Узбекистана в условиях геополитической и идеологической трансформации Центральной Азии/ Ф.Ф. Толипов. – Ташкент: Издательство «Фан», 2005.

из самых активных в регионе участников программы «Партнерство ради мира».

Тем не менее развитие партнерства США и Узбекистана шло, скорее, по линии усиления проамериканской и антироссийской риторики. В 1996–1997 гг. Узбекистан заявлял о необходимости заменить Россию в роли главного поставщика вооружений для национальной армии⁹³. В этой стране в рамках постсоветского пересмотра истории была также развязана настоящая антирусская кампания⁹⁴.

Одним из важнейших конкретных поводов для ухудшения российско-узбекских отношений стала ситуация в Таджикистане. После взятия Душанбе войсками Народного фронта шли вялотекущие боевые действия в районах вдоль таджикско-афганской границы, сопровождавшиеся переговорами на разных уровнях (начались в 1994 г.). Особенно важную роль в их проведении сыграли Россия и Иран. 27 июня 1997 г. между противодействующими силами было подписано соглашение о разделе власти. Согласно ему президентом Таджикистана остался представитель «красных» Эмомали Рахмонов, а все властные позиции были поделены по принципу: 2/3 — «красным», 1/3 — «исламо-демократам» (Объединенная таджикская оппозиция, ОТО).

Однако в результате межтаджикских соглашений 2/3 «красных» позиций были узурпированы земляками президента Рахмонова — кулябцами. Другая основная сила народного фронта — ленинабадцы (худжандцы) — оказались за пределами соглашения о разделе власти. Этот регион и соответствующие кланы были исторически связаны с Узбекистаном и пользо-

⁹³ См.: Defense News. — 1997. — 4 February.

⁹⁴ Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане)/ Г.А. Ахмеджанов. — Ташкент, 1995; Ахмедов Б. История. Учебник для 5 класса средней школы/ Б. Ахмедов. — Ташкент, 1999; Рахимов Ж. История Узбекистана для 9 класса средней школы/ Ж. Рахимов. — Ташкент, 2001 (в этом учебнике антирусские высказывания встречаются не менее, чем в 300 местах, например, «Россия — вор имущества в мировом масштабе», С. 133). Более сбалансированы, но содержат, примерно, сходную по структуре интерпретацию истории: Фармонов Р. Всемирная история. Учебник для 8 класса средней школы/ Р. Фармонов. — Ташкент, 2001; Костецкий В. История Узбекистана/ В. Костецкий. — Ташкент, 2002; Салимов Т. Всемирная история. Учебник для 8 класса средней школы/ Т. Салимов — Ташкент, 2000; Хидоятов Г. Всемирная история/ Г. Хидоятов. — Ташкент, 2002.

вались его поддержкой. В то же время, Рахмонов активно опирался на военную помощь России.

Узбекистан, недовольный ситуацией в соседней стране, стоял за попыткой путча – вторжением почти тысячной армии полковника Махмуда Худойбердыева с узбекской территории в Согдийскую область Таджикистана в ноябре 1998 года. Провал этой авантюры привел к еще более резкому ухудшению узбекско-таджикских и российско-узбекских отношений. В частности, в Таджикистане уже при правительственной поддержке вновь оживились разговоры о том, что Узбекистану несправедливо достались населенные таджиками территории.

Казахстан и Кыргызстан продолжали в середине 1990-х гг. развивать политическое и экономическое сотрудничество со странами Запада. Степень их зависимости от России и ориентации на нее постоянно уменьшались.

Развивались отношения США (правда, в основном, в политико-экономической сфере) и с намного более ярко выраженным диктаторским режимом Туркменбаши в Туркменистане. При этом ключевыми взаимными интересами стали проблемы строительства транскаспийского и трансафганского газопроводов. Последняя проблема остро встала в рамках южноазиатской политики США как способ стабилизировать Афганистан, «приручить» режим «Талибан» и помочь своему союзнику Пакистану. С политической точки зрения США одобряли дистанцирование Туркменистана в рамках политики «позитивного нейтралитета» от России и инициированных ей интеграционных процессов. В свою очередь, Туркменистан во все большей степени переходил к изоляционизму. Его руководство было недовольно тем, что Россия не пускает туркменский газ на европейский рынок. При этом, в частности, постепенно свертывалось сотрудничество в военной области. Одновременно шла активизация антирусских лозунгов (например, шли ежегодные поминовения дня взятия Геок-Тепе войсками генерала Скобелева в период завоевания Средней Азии Россией).

Повлияла на американскую политику в ЦА и проблема «Талибана». Это движение, первоначально активно поддержанное Пакистаном при благожелательном нейтралитете США, постепенно превращалось в один из серьезных источников не только региональной, но и глобальной дестабилизации.

В целом в период 1996–1999 гг. резко выросло влияние США в регионе. При этом к первой группе стран, установивших тесное взаимодействие с Америкой еще в начале 1990-х гг. (Казахстан и Кыргызстан), примкнули еще две (Узбекистан и, по ряду вопросов, Туркменистан). Лишь отношения с Таджикистаном, политический режим которого в этот период полностью зависел от поддержки России, оставались во многом «замороженными».

Тем не менее в 1996–1999 гг. США одновременно реализовывали в регионе много разных несогласованных интересов и плохо связанных между собой проектов:

- Проекты «альтернативной транспортировки» и «альтернативной интеграции» (ГУУАМ), связанные с Кавказом и интересом к энергетическим ресурсам Каспия. В рамках партнерства с ЕС имела место также поддержка проекта «Великого шелкового пути» — «моста» между Европой и Азией.

- Партнерство с Узбекистаном и спонсорство внутренних центральноазиатских интеграционных проектов.

- Идеи строительства транскаспийского газопровода, получившие в дальнейшем развитие в рамках идеи «Большой Центральной Азии».

- Проект «Большого Ближнего Востока» в перспективе ближневосточной политики США.

- Идеи «тюркского мира» в рамках партнерства с Турцией.

Противоречивость интересов и проектов США в регионе сильно снижали внутреннюю связь и эффективность их политики. Кроме того, по многим причинам (отсутствие сильного экономического интереса, понимание региона как «заднего двора» России, авторитарные режимы) Соединенные Штаты не были готовы тратить существенные ресурсы на политику в ЦА. Это, в дальнейшем, снизило американское влияние в регионе, чему немало способствовали острая ситуация в Афганистане и активизация политики России.

3. Уменьшение американского влияния в Центральной Азии как результат отсутствия адекватного ответа на рост стратегической нестабильности (1999–2001 гг.)

1999–2001 гг. можно описать как период определенного «исчерпания» потенциала роста американского влияния в ЦА. Это было связано с общим *концептуальным кризисом политики США на постсоветском пространстве и в Южной Азии в условиях резкого роста стратегической нестабильности*. После дефолта 1998 г. крах прозападных реформ в России стал окончательно свершившимся фактом. Политические противоречия между США и Россией (например, по поводу натовской военной операции в Югославии) также резко обострились, после того, как Е. Примаков стал председателем Совета Министров РФ.

Ситуация в Афганистане начала все больше сказываться на центральноазиатской политике со второй половины 1990-х гг. При этом, страны Запада (прежде всего, США) долго не могли выработать какой-либо последовательной политики по этому вопросу.

Радикальное исламистское движение «Талибан» впервые зародилось среди пуштунских беженцев на территории Пакистана в 1994 г. Определенную роль в создании «Талибана» сыграла тесно связанная с ЦРУ со времен советского вторжения в Афганистан пакистанская межведомственная разведка (ISI). Именно это обстоятельство активно использовалось в пропаганде сил антиталибской коалиции, а также служило идеологическим обоснованием для сотрудничества антиталибских сил с центральноазиатскими государствами и Россией. Представление о связях США с «Талибаном» очень серьезно дискредитировало Соединенные Штаты в глазах центральноазиатских политических элит.

Важной причиной обострения ситуации стал этнический фактор. «Талибан» имел ярко выраженный пуштунский характер. В 1995 г. талибы захватили провинцию Гильменд и разгромили боевиков пуштунского полевого командира Гульбедин Хекматиара, но были остановлены под Кабулом дивизиями таджикского полевого командира Ахмад Шах Масуда. В сентябре 1996 г. армия «Талибана» без боя взяла Кабул и основала Исламский Эмират Афганистан.

После этого конфликт в Афганистане приобрел ярко выраженный этнический характер: пуштуны юга против национальных меньшинств севера, исторически связанных с центральноазиатскими народами. Противостоящие талибам силы Северного альянса делились по этническому признаку. Для России и стран ЦА особенно большое значение имели узбекские вооруженные формирования генерала Абдул-Рашида Дустума (поддерживавшиеся Узбекистаном, Турцией и Россией) и таджикские вооруженные формирования президента Бурхануддина Раббани и полевого командира Ахмад-Шаха Масуда (имевшие тесные связи с Таджикистаном и Россией).

Рост влияния движения «Талибан» рассматривался как угроза для всех сопредельных государств. Афганистан превратился в фокус притяжения оппозиционных исламистских группировок всего мира, включая Узбекистан, российский северный Кавказ, китайский Синьцзян. После падения Кабула установилось неустойчивое равновесие. Территории, контролируемые Северным альянсом, стали рассматриваться как буферные территории между талибами и странами ЦА. Одновременно росло сотрудничество по военной линии между Северным альянсом, Россией, Узбекистаном.

Однако, это равновесие было нарушено 8 августа 1998 г., когда пала столица генерала Дустума – город Мазари-Шариф. Под контролем талибов оказалось почти 90 % территории страны, за исключением территорий, контролируемых Масудом (убит террористами «аль-Каиды» в 2001 г.). В результате потери практически всей «буферной зоны» центральноазиатские страны (особенно, Узбекистан) стали ощущать себя прифронтовыми государствами.

Позиция США по отношению к движению «Талибан» постепенно менялась. Она стала откровенно враждебной после того, как 7 августа 1998 г. «аль-Каидой» были взорваны американские посольства в Кении и Танзании. Вашингтон обвинил в терактах Осаму бен Ладена, укрывавшегося у талибов, и потребовал его выдачи. Глава движения «Талибан» мулла Омар отверг это требование. В ответ США нанесли ракетный удар по базе бен Ладена под Кандагаром.

Однако, с точки зрения многих представителей центральноазиатских элит, «Талибан» изначально был создан с благословения США. По их мнению, США с их критикой нарушения

прав человека также мешали подавлять исламскую оппозицию внутри региона, которая воспринималась как союзник «Талибана». В то же время, Россия сама переживала сходные угрозы в связи с ростом религиозного экстремизма и сепаратизма на Северном Кавказе, базировавшихся на территории обладавшей фактической независимостью после окончания Первой чеченской войны «Ичкерийской республики» (последняя вступила в союзнические отношения с «Талибаном»). Поэтому Россия в самом конце 1990-х гг. вновь начала восприниматься в качестве важнейшего гаранта безопасности государств ЦА⁹⁵.

Поддержка «Талибана» и финансовая помощь «аль-Каиды» привели к активизации исламистских группировок в ЦА. Последние также имели (по обвинениям Узбекистана, опровергаемых официальным Таджикистаном) достаточно тесные контакты с Объединенной таджикской оппозицией. Основной радикально-исламистской силой стало основанное в 1996 г. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) под руководством Тахира Юлдашева и полевого командира Джумы Намангани. Эта группировка ставила задачу создания исламского государства во всей ЦА.

Осенью 1999 г. от двухсот до семисот (по разным данным) вооруженных боевиков ИДУ вторглись со стороны Таджикистана на территорию Баткенского района (позднее области) Кыргызстана на юге Ферганской долины. В 2000 г. это вторжение было повторено. Для центральноазиатских стран с их слабой государственностью и сильными экстремистскими настроениями существенной части общества эти вторжения означали возможность свержения светских режимов по модели «снежного кома». Оба раза для отражения угрозы со стороны исламистов были задействованы силы и ресурсы не только Кыргызстана, но и сопредельных центральноазиатских государств (Узбекистан, Казахстан) и России. Сотрудничество в этом направлении, наряду с противостоянием силам «Талибана» стало зародышем формирования новой системы коллективной безопасности для региона во главе с Россией. В то же время, США и страны Европы не проявили в этой ситуации особой инициативы.

⁹⁵ Исключением из этого правила был Туркменистан, имевший статус нейтралитета и единственный в регионе установивший хорошие отношения с «Талибаном».

Реакция России на первую Баткенскую войну была тем более острой, что примерно в то же время (7 августа — 11 сентября 1999 г.) на территорию российского Дагестана вторглись связанные с «аль-Каидой» отряды исламских экстремистов под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба. Это послужило сигналом к началу Второй чеченской войны (активная фаза боевых действий пришлась на сентябрь 1999–2000 гг.). Жесткость и решительность, проявленная правительством В.В. Путина, чрезвычайно импонировала многим представителям центральноазиатских политических элит (особенно, руководству Узбекистана). Это давало гарантию того, что Россия готова эффективно вмешаться и в случае резкого обострения кризиса в ЦА.

16 февраля 1999 г. в столице Узбекистана Ташкенте в течение небольшого времени было взорвано шесть мощных взрывных устройств в разных частях города. Россия в это время также пережила серию массированных терактов. Именно эти теракты привели к консолидации российского общественного мнения и политического класса страны вокруг В.В. Путина. Общность угроз (вторжение отрядов боевиков и теракты) привела к усилению взаимопонимания политических элит России и ЦА в самом начале нового тысячелетия.

Надежды, связанные с партнерством с США, особенно, у руководства Узбекистана не реализовались. США становились все более враждебными к транснациональному исламскому экстремизму и его союзнику «Талибану». Однако они пока не были готовы к принятию каких-то серьезных военных мер против этого движения. В то же время, партнерство с Россией и Китаем давало странам региона надежду на какую-то реальную защиту. Кроме того, «Талибан», угрожавший безопасности ЦА, продолжали воспринимать в регионе как американо-пакистанскую креатуру. В связи с ростом исламской угрозы (например, с терактами в Ташкенте или вторжениями боевиков ИДУ на территорию Кыргызстана и Узбекистана в 1999 и 2000 гг.) политические режимы региона также все болезненнее воспринимали американскую критику, связанную с недостаточной демократичностью и нарушением прав человека.

4. Новое увеличение регионального влияния США в период «войны с терроризмом» (2001–2003 гг.)

Радикальные изменения в американской политике в ЦА произошли после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.

Президент США Джордж Буш выдвинул талибам ультиматум – выдать американскому правосудию бен Ладена, а также все руководство «аль-Каиды». 21 сентября «Талибан» заявил, что американцы не предоставили достаточно веских доказательств причастности этой организации к атакам в Нью-Йорке и Вашингтоне.

7 октября 2001 г. началась военная операция США против движения «Талибан». Она заключалась в массированных бомбардировках в сочетании с тайными операциями и поддержкой сил «Северного альянса». При этом важную роль по установлению сотрудничества сил антитеррористической коалиции с антиталибскими силами в Афганистане сыграла позиция России. Она практически «поделилась» своими союзниками с США.

Однако для обеспечения проведения операции в Афганистане США потребовалось развернуть свое военное присутствие в ЦА (в противном случае США могли бы проводить операции в Афганистане лишь с территории Пакистана). Это вело уже к прямому столкновению российских и американских интересов, так как в с точки зрения существенной части российской политической элиты размещение американских войск в регионе могло привести к окончательной потере российского влияния в нем. Согласно договору о коллективной безопасности СНГ такое размещение иностранных войск было невозможно без согласия России.

Однако Узбекистан уже вышел из этого договора. Поэтому вопрос о размещении американских баз в стране был согласован и без участия России. Таким образом, создалась ситуация, когда другие страны региона могли последовать узбекскому примеру и без согласия России. В связи с этим, руководство России официально поддержало временное предоставление антитеррористической коалиции баз на территории ЦА. Кроме того, Россия сама разрешила транспортировку грузов для нужд коалиции через свою территорию.

Антитеррористическая коалиция получила возможность использовать территории четырех центральноазиатских государств (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан). Только Туркменистан, имевший хорошие отношения с режимом «Талибан» и обладавший нейтральным статусом, остался в стороне (позднее была налажена транспортировка военных грузов через авиабазу Мары-2). В Кыргызстане американская военная база «Ганси» (позднее переименована в "Манас") была создана на территории международного аэропорта Манас близ Бишкека. В Узбекистане была размещена американская военная авиабаза «Карши-Ханабад» (Кашкадарьинская область на юго-западе республики, 500 км от Ташкента и 200 км от афганской границы). С Таджикистаном велись переговоры о предоставлении базы на территории бывшей советской военной части в Кулябе. Однако она оказалась в очень плохом состоянии. Позднее на территории Таджикистана в Душанбе разместилась военно-воздушная база НАТО. В основном здесь располагается французский воинский контингент. Вопрос о создании военных баз антитеррористической коалиции в Казахстане рассматривался в начале операции в Афганистане. В частности, планировалось разместить на аэродромах в Чимкенте и Луговом военную авиацию, а под Карагандой — американскую мотопехотную бригаду численностью до 5 тысяч человек. Затем от этих планов отказались, так как операция в Афганистане развивалась очень быстро.

Одновременно на уровне политических и экспертных элит России и США шли переговоры о сохранении российского влияния в регионе. Некоторые эксперты в России считали, что долгосрочное американское военное присутствие в регионе направлено, скорее, против Китая. Высказывались также соображения, что для США менее выгодным было бы, если бы проблемы ЦА стали решаться в Пекине. Кроме того, отмечалась и определенная взаимодополняемость интересов США и России в регионе. При этом для РФ было бы оптимально, если бы США сосредоточились на стабилизации Афганистана, а Россия — ЦА.

Однако в целом отношение российской политической элиты к перспективам американского присутствия было далеко неоднозначным. Большинство в парламенте, военном и политическом сообществе, прессе и академическом мире отмечало,

что США вновь взяли на вооружение принцип окружения России базами и вовлечения в военные союзы ее непосредственных соседей. При этом практически все считали, что американские войска, однажды появившись, никогда уже не уйдут из этого региона. Так, директор Федеральной пограничной службы РФ К. Тоцкий заявил: «Мы не можем согласиться с постоянным присутствием США и других стран здесь (в ЦА)». Председатель Государственной Думы России Г. Селезнев отметил: «Россия не будет приветствовать создания постоянных военных баз США в Средней Азии»⁹⁶.

После месяца бомбардировок боеспособность движения «Талибан» снизилась. 9 ноября 2001 г. Северный альянс взял Мазари-Шариф. После этого многие поддерживавшие «Талибан» полевые командиры перешли на сторону Северного Альянса. 13 ноября талибы без боя оставили Кабул. Несколько дней спустя на севере Афганистана войска «Талибан» остались лишь в Кундузе, который был взят 25 ноября 2001 г. после непродолжительной осады.

К концу ноября под контролем талибов оставался только один крупный город — Кандагар колыбель движения. Для его взятия в Афганистан были впервые переброшены наземные части США, и 7 декабря город пал. После этого боевые действия происходили до 17 декабря в горном районе Тора-Бора, где укрывался Усама бин Ладен. Для России и стран ЦА важнейшим последствием операции США в Афганистане оказался разгром скрывавшихся там сил «аль-Каиды», среди которых было много боевиков с российского Северного Кавказа и из стран ЦА.

После окончания антитеррористической операции по решению ООН в Афганистане была развернута военная миссия НАТО, получившая название ISAF (*International Security Assistance Force*). При этом ключевую роль в ее деятельности, по мере втягивания США в войну в Ираке, стали играть страны ЕС.

В регионе вновь после периода спада, в 1999–2001 гг. начался рост влияния США, проявившийся в серии военно-политических договоренностей со всеми центральноази-

⁹⁶ Торбаков И. Политика Путина в Центральной Азии вызывает критику в России // <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav021302aru.shtml>.

атскими государствами, за исключением Туркменистана⁹⁷. Администрация Дж. Буша-младшего также резко увеличила экономическую помощь странам региона: помощь Узбекистану с октября 2001 г. выросла втрое (примерно до 300 млн долларов)⁹⁸. Резко выросла и военная помощь Казахстану. С лета 2003 г. США финансируют строительство совместной военной базы в портовом городе Атырау в богатом нефтью районе Каспия⁹⁹.

Одним из основных игроков, ставшим вновь делать попытки вытеснить Россию из ЦА был Узбекистан. В основном, с подачи Узбекистана было принято решение о реформировании существовавшей с 1994 г. Центральноазиатской интеграционной структуры (ЦАЭС)¹⁰⁰. Договоренность о преобразовании ЦАЭС была достигнута в ходе прошедшего 27–28 декабря 2001 г. ташкентского саммита Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Договор об учреждении Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС) был подписан 28 февраля 2002 г. в Алматы. Реорганизация ЦАЭС была призвана подчеркнуть усиление военно-политического сотрудничества внутри ЦА, что воспринималось как альтернатива роли России в регионе.

Не менее активной была и риторика Ташкента. Так, в апреле 2002 г. президент Узбекистана И. Каримов заявил: «Решающую роль в снятии напряженности и опасности на южных рубежах Узбекистана сыграли исключительно США, их решимость и хорошо подготовленные вооруженные силы, а не участники Договора о коллективной безопасности»¹⁰¹.

Руководство Таджикистана в период антитеррористической операции стало постепенно переходить от преимущественной

⁹⁷ Wishnick E. Strategic Consequences of the Iraq War: U.S. Security Interests in Central Asia Reassessed/ Elizabeth Wishnick. — Carlisle, Pa.: U.S. Army War College, May 2004. — p. 2–4.2.

⁹⁸ Council on Foreign Relations, 'Terrorism: Questions & Answers-Uzbekistan,' 2004// <http://www.terrorismanswers.org/coalition/uzbekistan.html> (accessed October 14, 2004).

⁹⁹ 'Kazakhstan Building Military Base on Caspian With U.S. Help,' RFE/RL Newswire. — 2003. — October 8.

¹⁰⁰ В 1998 г. оно уже было переименовано из Центрально-Азиатского союза в Центрально-Азиатское экономическое сообщество, причем, эта новая организация носила более пророссийский характер, так как Россия была приглашена в качестве наблюдателя.

¹⁰¹ Сообщение ИТАР–ТАСС. — 2002. — 5 апреля.

ориентации на Россию к многовекторной политике. В апреле 2003 г. начались переговоры о выводе российских пограничников из Таджикистана, где они контролировали таджико-афганскую границу. В 2005 г. этот вывод был закончен (остались только советники), что привело к резкому усилению потока наркотиков по маршруту Афганистан—Таджикистан—Россия—Западная Европа.

Антитеррористическая операция привела к радикальным сдвигам в региональных военных интересах США. В 2002 г. министр обороны Д. Рамсфелд в докладе президенту и конгрессу отмечал: «Все пространство широкой дуги нестабильности от Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии превратилось в "гремучую смесь" из усиливающихся и слабеющих региональных держав»¹⁰². Ответом стала глобальная передислокация военных сил, призванная обеспечить стратегический контроль над «дугой нестабильности»¹⁰³.

Одновременно с усилением военной активности США происходил и рост интереса к ЦА со стороны НАТО. После последнего этапа своего расширения весной 2004 г. НАТО достигла границ СНГ. Одновременно в рамках операции ISAF Североатлантический альянс был активно вовлечен в афганскую ситуацию. В результате на саммите НАТО в июне 2004 г. в Стамбуле было объявлено о планах организации обратить особое внимание на сотрудничество со странами Южного Кавказа и ЦА¹⁰⁴. Результатом стала очень серьезная активизация деятельности альянса в ЦА¹⁰⁵.

Однако период 2001—2003 гг. нельзя считать однозначно «выигрышным» для США и «проигрышным» для России, хотя сама ситуация восприятия центральноазиатской политики как «игры с нулевой» суммой между Соединенными Штатами и РФ сохранялась. В этот период, несмотря на отдельные

¹⁰² U.S. Department of Defense, '2002 Annual Report to the President and the Congress,' — Washington, D.C., 2002 // <http://www.defenselink.mil/execsec/adr2002/index.htm> (accessed October 14, 2004).

¹⁰³ Feith D. J. 'Transforming the Global Defense Posture,' remarks before CSIS/ Douglas J. Feith. — Washington, D.C., December 3, 2003.

¹⁰⁴ NATO. 'Istanbul Summit Communique,' Istanbul. — June 28, 2004// <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-096e.htm> (accessed October 14, 2004).

¹⁰⁵ См. Барабанов О.Н. Политика НАТО в отношении государств Центральной Азии и Закавказья/ О.Н. Барабанов// Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Энергетика и политика. — М.: Навона, 2005.

действия, не соответствующие интересам Российской Федерации, шло постепенное изменение позиции Узбекистана, которая, (например, в середине, в конце 1990-х гг. и в период антитеррористической операции) уже трижды вызывала смены «балансов» российско-американского влияния в ЦА. 15 июня 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества в результате вхождения Узбекистана в состав «Шанхайской пятерки». В 2002 г. Узбекистан заявил о своем намерении выйти из ГУУАМ, обвинив эту организацию в излишней политизированности, после чего он стал игнорировать её мероприятия.

В октябре 2003 г. впервые с момента распада Советского Союза российская военная база была создана за пределами страны. Она была открыта в Кыргызстане в городе Кант, недалеко от Бишкека, где располагается база антитеррористической коалиции¹⁰⁶. Таким образом, две военные машины, России и США, оказались в ситуации почти непосредственного соприкосновения в ЦА.

После окончания активной фазы боевых действий в Афганистане потребовался примерно год, чтобы силы «Талибана» перегруппировались и начали партизанскую войну. В 2003—2004 гг. «Талибан» набирал силу и постепенно усиливал боевые действия в южных районах Афганистана, а также на северо-западе Пакистана, где в 2006 г. возникло Исламское Государство Вазиристан.

Ни США, ни администрация ISAF, ни установившееся в Афганистане правительство Х. Карзая были не в состоянии контролировать производство опиума-сырца и героина в стране хотя бы на том уровне, на котором это делало движение «Талибан». Причиной было то, что место талибов заняли полевые командиры, частично поддерживавшие раньше «Талибан», частично воевавшие против него в составе Северного альянса. Доходы от торговли наркотиками составляли основу их дохода.

Экономика Афганистана все больше «героинизировалась». В результате транзитный поток наркотиков через ЦА резко усилился. Одновременно выявилась неспособность НАТО стабилизировать военно-политическую ситуацию в Афгани-

106 ¹⁰⁶ Российская база в Кыргызстане является частью более жесткой военной позиции // Независимая газета. — 2003. — 25 октября.

стане. Надежды на экономическое содействие ЦА со стороны стран Запада также не оправдались, так как все ресурсы последних были вовлечены в разрешение ситуации в Ираке и, в существенно меньшей степени, в Афганистане. Наконец, США через различные фонды резко активизировали поддержку оппозиционных сил в регионе, а также продолжали критику политики центральноазиатских режимов в области прав человека. Все это вновь вызвало усиление пророссийских настроений среди центральноазиатских элит.

В США в период антитеррористической операции *происходил радикальный пересмотр принципов центральноазиатской политики*. Стала утверждаться точка зрения, которую сами американские эксперты характеризуют как «агрессивный реализм»¹⁰⁷. В ее рамках была сделана попытка разрешить дилемму «ценности – интересы» следующим образом: США следует максимально активно защищать свои национальные интересы в ЦА, так как именно США являются «воплощением идей демократии и свободы». Однако защита американских интересов будет более эффективной, а результаты антитеррористической операции более стабильными, если удастся сменить политические ориентации существующих в регионе режимов в пользу демократии. По сути, дилемма не была, таким образом, разрешена, так как обе ее части сохранились под маской изменившейся риторики. Правда, противоречие попытались устранить, предположив, что центральноазиатские режимы, действительно, удастся изменить и что это изменение приведет к большей стабильности. Попытка реализовать эти идеи привела позднее к «цветным революциям».

Интерес к ЦА в контексте южноазиатской политики США стал причиной возникновения проекта «Большая Центральная Азия»¹⁰⁸, который, как раз, и был предназначен закрепить этот интерес путем создания новой региональной структуры.

¹⁰⁷ Collins K. Stabilizing or Destabilizing Central Asia? The Great Powers and Central Asia After September 11/ K. Collins// Paper Presented at the Conference: Reconfiguring East and West in the Bush-Putin Era. – Berkeley, 13 – 14.04.2002.

¹⁰⁸ Starr F.A. Partnership for Central Asia/ F.A. Starr// Foreign Affairs. – 2005. – July/ August (http://www.sfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html); Byrd W. Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region/ William Byrd, Martin Raiser and others// World Bank. Working Paper. – 2006. – No.75.

Политику США в регионе стала характеризовать следующая совокупность принципов, а именно: ЦА более не является «задним двором» России; совместные попытки России и КНР стабилизировать ситуацию в регионе провалились; рост американского вмешательства во многом отвечает как российским, так и китайским интересам¹⁰⁹. Последнее основывалось на явно фантастическом предположении, что и показала реально проявленная РФ и КНР озабоченность попытками сделать американское военное присутствие долговременным или даже постоянным (так, например, руководитель Центрального командования генерал Т. Фрэнкс заявил, что американские вооруженные силы будут находиться в ЦА «столько, сколько нужно»).

5. «Цветные революции», рост противоречий с Россией и новое падение регионального влияния США (2004–2008 гг.)

Противоречивость «агрессивного реализма» сказалась в том, что США так и не смогли выбрать, готовы ли они сотрудничать с существующими в ЦА политическими элитами или нет. Так, например, США достаточно холодно отнеслись к попыткам Ташкента использовать американскую мощь для борьбы с базировавшимся в Афганистане и союзным с «Талибаном» ИДУ.

Более того, 20 августа 2002 г. госдепартамент США выпустил специальный информационный доклад, в котором содержались сведения о качественном изменении политики США по отношению к Узбекистану и Кыргызстану, т.е. обоим государствам, которые воспринимались как ключевые для американского военного присутствия в регионе. Они становились объектом первоочередного внимания Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда госдепартамента США. Последнее должно было обеспечить становление политических партий в этих странах, создать типографские возможности, которые бы обеспечили доступ населения к свободным и независимым источникам информации, под-

108 ¹⁰⁹ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990 – 2005 гг./ М.В. Братерский. – М.: МОНФ – Институт США и Канады, 2005. – С. 188.

держат программу укрепления независимой журналистики¹¹⁰. Очевидно, что, с точки зрения политических элит Узбекистана и Кыргызстана, речь шла о вмешательстве во внутренние политики стран, направленном на изменение и даже свержение режимов Каримова и Акаева.

Американское посольство в Кыргызстане поддержало оппозиционные выступления против президента Акаева, которые прошли в марте–мае 2002 г.¹¹¹ В Узбекистане организовывались ресурсные центры, предоставлявшие свои технические возможности для поддержки оппозиции¹¹². Сходная политика, которая способствовала изменению политического режима, проводилась и в некоторых других постсоветских странах, в частности, в Грузии и Украине.

Именно в перечисленных выше странах в 2003–2005 гг. развернулась серия «цветных революций» — свержение существовавших политических режимов путем минимального насилия на основании оспариваемых оппозицией результатов президентских или парламентских выборов. В ноябре 2003 г. в Грузии произошла «революция роз». В ноябре — декабре 2004 г. развернулась «оранжевая революция» на Украине. Пришедшие к власти в Грузии и на Украине политические силы часто характеризовались достаточно резкой прозападной и антироссийской риторикой.

В России эта серия революций воспринималась как весьма своеобразное «наступление» Запада на постсоветское пространство при помощи новейших политических технологий. «Цветные революции» привели к резкому усилению противостояния между Россией и США на пространстве бывшего СССР в целом и в ЦА в частности. Кроме того, опасения за возможность своего свержения стали испытывать все постсоветские политические элиты, включая центральноазиатские. В этой ситуации улучшение отношений с Россией стало вос-

¹¹⁰ Сообщение ИТАР–ТАСС. — 2002. — 23 августа.

¹¹¹ См. Выступление помощника госсекретаря Л. Крейнера на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27 июня 2002 г. // www.state.gov; Выступление заместителя помощника госсекретаря Б. Линна Паско на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27.06.2002 г. // www.state.gov

¹¹² Выступление помощника госсекретаря Л. Крейнера на слушаниях в комитете по иностранным делам Сената США 27 июня 2002 г. // www.state.gov

приниматься в регионе как возможность противостоять «цветным революциям».

Дестабилизация ситуации, связанная с революционными событиями, проявилась в ЦА достаточно быстро. В марте 2005 г. в Кыргызстане президент А. Акаев, имевший заслуженную репутацию наиболее либерального и прозападного руководителя в регионе, был свергнут в ходе «революции тюльпанов». При этом пришедшее ему на смену правительство оказалось в меньшей степени либеральным и в большей степени готовым сотрудничать с Россией и Китаем, чем свергнутое.

В мае 2005 г. вспыхнули волнения в узбекском городе Андижане. Оно было подавлено правительственными войсками, причем, по данным оппозиции и западных неправительственных структур, были убиты сотни человек. Узбекское правительство обвинило в организации андижанского восстания западные неправительственные фонды и, косвенно, правительство США. Всякое сотрудничество с Америкой было приостановлено, а войска США были вынуждены покинуть базу Карши-Ханабад. В то же время президент России В. Путин поддержал действия президента Узбекистана И. Каримова.

Симптоматичным стало то, что для закрытия военной базы США Узбекистан использовал помощь России и Китая в рамках ШОС. 5 июля 2005 г. на саммите ШОС в Астане была принята декларация с призывом к США определить сроки вывода американских баз из ЦА, размещённых для поддержки антитеррористической операции в Афганистане.

«Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства-члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран-членов ШОС»¹¹³.

В ответ 19 июля 2005 г. Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию с выражением озабоченности «явной попыткой Китая и России выдавить США из этого

110 ¹¹³ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества – 1. – 5 июля 2005 г.

региона». Однако вскоре после этого войскам США все же пришлось покинуть базу Карши-Ханабад.

В результате всех этих событий произошла новая перегруппировка сил в ЦА, связанная с резким усилением позиций России и поддерживаемых ею проектов интеграционных объединений за счет ослабления американского влияния.

Россия усилила свое присутствие в Таджикистане, объявив в июле 2004 г. об открытии военной базы на основе 201-й мотострелковой дивизии¹¹⁴. Визит В. Путина в Казахстан в январе 2004 г. завершился существенным углублением стратегических связей между двумя странами¹¹⁵. Через месяц Россия и Казахстан объявили о введении нового плана совместных действий по углублению сотрудничества в области безопасности¹¹⁶. С Узбекистаном Россия также заключила ряд соглашений по поставке вооружений и сотрудничеству военных предприятий, что существенно углубило связи между Москвой и Ташкентом.

Узбекистан давно не был доволен деятельностью ГУУАМ. Еще в 2002 г. он заявил о намерении выйти из организации, после чего стал игнорировать её мероприятия. Однако официально президент И. Каримов заявил о выходе его страны из этой структуры в мае 2005 г.

Изменение ситуации в регионе сказалось и на ОЦАС, которая первоначально была создана как раз для того, чтобы служить альтернативой пророссийским интеграционным структурам. 18 октября 2004 г. на саммите ОЦАС в Душанбе к Организации присоединилась Россия. При этом подчеркивалась ее ключевая роль в обеспечении военно-стратегической стабильности в регионе. 7 октября 2005 г. в Санкт-Петербурге на саммите ОЦАС было принято решение объединить его с ЕврАзЭС, после чего отдельная центральноазиатская интеграционная структура перестала существовать. 25 января 2006 г. Узбекистан вступил в ЕврАзЭС. Наконец, 16 августа

¹¹⁴ Осенью Россия откроет военную базу в Таджикистане. Сообщение агентства ИТАР–ТАСС. – 2004. – 12 июля; Russia to Get Tajik Base in Fall. RFE/RL Newsline. – 2004. July 13.

¹¹⁵ Соколова В. Визит В. Путина в Казахстан/ В. Соколова// Сообщение агентства ИТАР–ТАСС. – 2004. – 9 января; Carlson Ch. Kazakhstan: Putin Visit to Focus on Baikonur, CIS, Oil Resources/ Charles Carlson// RFE/RL. – 2004. – January 9.

¹¹⁶ Kazakh, Russian Security Services Sign Cooperation Accord for 2004. Interfax-Kazakhstan News Service. – 2004. – February 10.

2006 г. в Сочи было подписано решение о вступлении Узбекистана в ОДКБ.

Таким образом, к середине 2006 г. Россия с формально-организационной точки зрения выиграла чисто политическую гонку за ЦА, которую она вела с середины 1990-х гг. с США. Четыре центральноазиатские государства стали членами одновременно всех поддерживаемых Россией интеграционных проектов (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС). В то же время, ни одна центральноазиатская страна в настоящее время не является членом какого-либо из постсоветских интеграционных процессов, альтернативного пророссийским и поддерживаемого США (ГУАМ, Сообщество демократического выбора).

В результате, в 2005–2008 гг. наблюдается новый кризис центральноазиатской политики США, совпавший по времени со вторым сроком президентства Дж. Буша-младшего. «Агрессивный реализм» привел к тому, что отношения с большинством стран региона очень серьезно испорчены. Нет никакой концептуальной ясности по поводу того, каким образом их исправлять, хотя, в реальности, вновь намечается осторожное сближение Узбекистана с Западом (например, И.Каримов принял участие в саммите НАТО в Бухаресте 2–4 апреля 2008 г.)¹¹⁷, а отношения с Таджикистаном сейчас намного лучше, чем, скажем, в период президентства У. Клинтона. США сохраняют свои интересы и на восточном побережье Каспия, хотя внутривосточная ситуация в Казахстане все больше подвергается ими критике.

Ситуация осложняется тем, что США больше не имеют свободных ресурсов для центральноазиатской политики, так как они заняты Ираком, а экономическая ситуация в самой Америке резко ухудшается. Война с «Талибаном» в Афганистане идет все хуже, а «наркотизация» экономики страны прогрессирует. При этом Соединенные Штаты очень хотели бы, чтобы страны ЕС взяли на себя большую долю ответственности за ситуацию как в этой стране, так и в ЦА. В результате, по сути, разворачивается процесс постепенного «ухода» США из региона, частично компенсируемый все большим вовлечением Европы.

6. Общие интересы США в регионе Центральной Азии: нестабильность их иерархии

К 2008 г. выделился следующий комплекс интересов США в регионе:

1. Всемерно способствовать вестернизации региона, его глобализации, региональному сотрудничеству с организациями Западного мира, развитию гражданского общества, власти закона и транспарентной рыночной экономики¹¹⁸.

2. Поддерживать независимость центральноазиатских государств в той степени, чтобы эти страны не попали в зону доминирования кого-либо из соседей. США желают сохранения в ЦА стратегической стабильности и равновесия так, чтобы ни одно незападное государство (Россия, Китай, Иран) не могло играть там решающей роли¹¹⁹. Не допустить появления в регионе «несостоявшихся» государств.

3. Предотвратить трансформацию ЦА в базу для развертывания экстремистских исламских сил и международного терроризма¹²⁰. Борьбаться с превращением региона в коридор для нелегального распространения наркотиков. Нейтрализовывать другие нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности (трансграничная преступность, нелегальная миграция и т.д.).

4. Сохранить военное присутствие, как минимум, на среднесрочную перспективу. Военные базы в ЦА дополнительно к борьбе с международным терроризмом и наркоторговлей рассматриваются как: а) альтернатива базам на Аравийском полуострове; б) возможность вмешательства в случае внутривосточной дестабилизации Пакистана и, особенно, в случае угрозы эскалации индо-пакистанского конфликта в ядерную фазу; в) метод давления на Иран в контексте борьбы с его ядерной программой; г) гарантия против российской и, особенно, китайской экспансии в регионе; д) способ контроля над складывающимся транспортным коридором «Европа—Азия» и энергоресурсами Каспия¹²¹.

¹¹⁸ Silencing Central Asia: The Voice of Dissidents. Hearing Before the Subcommittee on the Middle East and South Asia of the Committee on International Relations. House of Representatives, 107th Congress, 1 Session. — 2001. — 18 July. — P. 56.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990—2005 гг./ М.В. Братерский. — М.: МОНФ — Институт США и Канады, 2005. — С. 186 — 187.

5. Борьба с распространением оружия массового уничтожения или элементов такого оружия. Большим стимулом к вмешательству в дела региона стало наличие на территории Казахстана советского ядерного оружия. Лишь в 1995 г. с территории Казахстана была вывезена в Россию последняя боеголовка. Однако интерес к региону с этой точки зрения не исчерпывается лишь бывшим советским ядерным оружием. ЦА обладает имеющими мировое значение запасами урановой руды и ядерными технологиями. Наконец, на этой территории производились и иные виды оружия массового уничтожения. Так, после истории с рассылкой сибирской язвы по почте США получили доступ на бывший остров Возрождения в высохшем Аральском море, где в советское время находилось биологическое оружие.

6. Обеспечить продвижение коммерческих интересов США и доступ американских компаний к энергетическим ресурсам региона¹²². Эта политика находится в контексте расширения географии источников энергии в мире и диверсификации путей ее транспортировки с целью создания предпосылок стабильного снабжения. Определенную активность американские компании проявляют в энергетике Казахстана и Туркменистана. В целом, экономическое влияние США в ЦА невелико. Они занимают заметное место лишь во внешней торговле Кыргызстана (Четвертое место в импорте в 2006 г.). Заметна доля Америки в оказании помощи и образовательных проектах в регионе. *В целом, США являются, скорее, крупным политическим, чем экономическим игроком в регионе.*

Постоянная смена ситуации в ЦА и «чехарда» разных американских проектов приводит к тому, что иерархия интересов США в регионе не очень стабильна. Постоянно возникают новые интересы, а старые уходят на задний план. Например, по мере снижения прогнозных размеров нефтегазовых запасов Каспия (а одно время речь шла о чем-то сопоставимом с Ближним Востоком), уменьшался и американский интерес к энергетике региона. Забота о нераспространении ОМУ, очень серьезная в начале 1990-х гг., стала довольно скромной в настоящее время, так как оставленный со времен СССР военно-технический по-

¹²² Silencing Central Asia: The Voice of Dissidents. Hearing Before the Subcommittee on the Middle East and South Asia of the Committee on International Relations. House of Representatives, 107th Congress, 1 Session. — 2001. — 18 July. — P. 56.

тенциал с тех пор практически исчез. С другой стороны, после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне серьезно вырос интерес к борьбе с международным терроризмом в ЦА.

Наряду с постоянной сменой ключевых партнеров (то сотрудничество, то противостояние с Россией, многими исламскими странами) постоянно менялись и те страны, на «сдерживание» влияния которых в регионе США тратили большие усилия. Если в начале 1990-х гг. это был Иран, то к 2008 г. все больше растет роль Китая.

Очень нестабильными на протяжении 1991–2008 гг. были отношения США с самими центральноазиатскими государствами. Последовательно сменявшиеся администрации так и не могли решить дилемму «ценности — интересы». С некоторыми из стран региона (Узбекистан) особенно четко видны постоянные «волны» сближения и отдаления.

В целом, в условиях очень высокой неопределенности и наличия серьезных и трудно разрешимых дилемм политика США в ЦА в 1991–2008 гг. отличалась достаточно низкой последовательностью и эффективностью. Тем не менее, эта страна, наряду с Россией, оказала наибольшее влияние на ситуацию в регионе.

7. Центральноазиатская проблематика и президентские выборы в США

Рассматривая эволюцию представлений о целях и интересах США в ЦА, целесообразно обратиться к разнообразным позициям, которые проявились в ходе президентских выборов 2008 г.

Попробуем, прежде всего, проанализировать политические позиции победившего кандидата¹²³. Позицию Б.Обамы можно, в целом, назвать либерально-популистской. Внешнеполитическая проблематика в ее рамках очень слабо проработана. Обама прямо не относится ни к одной из двух основных конкурирующих «школ» американской внешней политики: неолибералов (либералов, идеалистов) или неореалистов (реалистов). В то же время, нельзя не отметить, что, являясь демократом, он скорее будет склонен к сотрудничеству с неолибералами. Последние выступают за активное вовлечение США в формирование многосторонних глобальных институтов, основанных на диа-

¹²³ См. анализ позиций демократов в работе О. Реута: <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1622>

логе с другими мировыми игроками, и за формы американского лидерства в мире, опирающиеся на использование «мягкой силы» (пропаганды, убеждения). В этом плане односторонние действия с приоритетным использованием грубой военной силы, столь характерные для администрации Дж. Буша, для Обамы, безусловно, неприемлемы.

Его видение внешней политики базируется на трёх постулатах: прагматизм (готовность к «незашоренному» старыми догмами восприятию мировых проблем), «новый атлантизм» (реформа союзнических отношений с Европой, большее сближение позиций с ней) и глобализм (ответственность США за решение мировых проблем, готовность тратить на это ресурсы).

Глобальное лидерство США мыслится им как результат «глобального вовлечения», по образцу привлечения к сотрудничеству с Америкой постсоциалистических стран в период президентства Б. Клинтона (недаром пост государственного секретаря должна занять Х. Клинтон). Однако, уже сейчас очевидно, что эта формула плохо работает (или даже вызовет рост напряженности) и в отношениях с Россией, и в отношениях со странами ЦА.

В период избирательной компании сенатор Обама сформировал собственную команду советников-международников («рабочая группа по вопросам национальной безопасности» в составе предвыборного штаба). Правда, когда Обама станет реальным президентом, в составе его советников могут произойти серьезные изменения, например, связанные с инкорпорацией в администрацию Х. Клинтон или с той ролью, которую будет в ней играть вице-президент Байден.

Из важных для ЦА внешнеполитических идей Обамы следует упомянуть необходимость переориентации в борьбе с терроризмом с Ирака на Афганистан. Это означает новое резкое усиление американского интереса к «Большой Центральной Азии». С точки зрения перспектив формирования политики на постсоветском пространстве важно отметить, что хотя Обама в период российско-грузинского конфликта воздерживался от столь враждебных к РФ высказываний как Маккейн, вице-президент Байден поддержал Грузию в весьма жесткой форме.

В состав обамовской команды ближайших советников-международников входили две различные группы.

Первая включала бывших высокопоставленных должностных лиц-демократов: «Грегори Крейг, бывший помощник президента США и бывший директор по политическому планированию государственного департамента; Ричард Данциг, бывший командующий военно-морским флотом США; Энтони Лейк, бывший советник по национальной безопасности президента США; Вильям Перри, бывший министр обороны США. Позднее в состав этой группы вошли Уэсли Кларк, бывший командующий объединёнными войсками НАТО в Европе, и Мадлен Олбрайт, бывший государственный секретарь США»¹²⁴.

Многие российские эксперты преувеличивали влияние на Обаму Збигнева Бжезинского. Бжезинский просто поддержал выдвижение Обамы в президенты США, однако не был его близким советником в ходе кампании.

«Второй коллектив советников — известные исследователи и профессора. Саманта Пауэр, Гарвардский университет; Майкл Макфоул, Стэнфордский университет; Сьюзан Райс, Брукингский институт, Вашингтон; Селесте Валландер, Джорджтаунский университет»¹²⁵. В список национальных «мозговых трестов», работавших на победу Б.Обамы, входят: Pew Global Attitudes Project, Aspen Institute, Center for a New American Security.

Всех советников Обамы объединяли обвинения в адрес администрации Дж.Буша-мл. и особенно его неоконсервативного крыла в стремительном падении силы и влияния США в мире. В качестве значимой точки опоры для такой критики использовалась политика США времен Б. Клинтона. В связи с этим изменения внешнеполитического курса США (особенно, по отношению к постсоветскому пространству и ЦА) могут иметь довольно революционный характер по сравнению с политикой администрации Буша.

Не следует ожидать (судя по первым назначениям ключевых фигур), что эти изменения приведут к радикальным изменениям относительно, например, политики США в 1990-е гг. Скорее, речь будет идти о возврате к многим принципам и идеям того времени, но — на новом витке развития. При этом, очевидно, вновь возникнет старая дилемма, характерная для времен пре-

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

зидентства Б. Клинтона и неизбежно возникающая в рамках неолиберального подхода. США будут пытаться создать ситуацию многостороннего сотрудничества в регионе. Однако они будут продолжать мыслить это сотрудничество возможным лишь на основе своих ценностей и стандартов. В результате, игроки (сами центральноазиатские режимы, Россия, Китай), которые имеют другие ценности и стандарты, будут считать, что под видом сотрудничества им не просто навязывается следование в русле американских интересов, но от них требуют и всесторонней американизации в виде принятия чужих ценностей и стандартов.

Республиканская партия, прежде всего, внутри Конгресса, будет продолжать оказывать серьезное влияние на внешнюю политику США. В этом плане интересно проанализировать и ее предвыборные международно-политические идеи¹²⁶.

Рассматривая фигуру кандидата в президенты от республиканцев, следует отметить, что Дж. Маккейн является представителем не очень многочисленного либерального крыла партии. Он находится достаточно далеко от ее основного «ядра». При этом Маккейн, также как и Обама, не разделял полностью позиций ни одной из основных внешнеполитических «школ». *Это может означать, что в американском истеблишменте возник определенный идейный кризис, потребность ревизии ключевых внешнеполитических идей.*

Важной характеристикой возможной политики Маккейна в случае его победы стала бы достаточно яркая антироссийская позиция. В этом контексте важно отметить тесные связи представителей его предвыборного штаба с М.Саакашвили. Председатель правительства России В.В. Путин даже высказывал предположение, что кризис в российско-грузинских отношениях в августе 2008 г. был специально спровоцирован с целью увеличить шансы Маккейна на победу.

Конфронтационный стиль Дж. Маккейна по отношению ко всем, кто не разделяет характерные для США и стран Запада политические ценности, сказался в его идее создать глобальную «Лигу демократий».

Внутри самой республиканской партии продолжается борьба между двумя внешнеполитическими течениями.

118 ¹²⁶ См. анализ позиций республиканцев в работе О. Реута: <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1577>

Первое из них — неоконсерваторы («неоконы»). В рамках их идеологии произошел пересмотр традиционных для республиканцев реалистских или неореалистских принципов. Внешнеполитические интересы США оказались пронизаны идеократическими и религиозно-мессианскими идеями «переделки» мира по западному образцу одновременно с «моральной реформой» самого Запада. На постсоветском пространстве неоконсервативные идеи частично реализовались в период президентства Дж. Буша в виде «цветных революций».

ЦА будет продолжать интересоваться «неоконов» не только как площадка для новых «цветных революций», но и как сфера столкновения американских проектов с Китаем и ближневосточными игроками.

После ухода от власти Дж. Буша позиции неоконсерваторов не будут радикально подорваны. Они пользуются поддержкой очень существенной части американского истеблишмента. К «неоконам» можно отнести таких политиков и государственных деятелей, как: «Джон Болтон, бывший заместитель госсекретаря и бывший представитель США в ООН; Джеймс Вулси, бывший глава ЦРУ; Пол Вулфовиц, бывший глава Всемирного банка и бывший замминистра обороны; Дуглас Фейт, бывший замминистра обороны; Абрам Шульски, директор иранского направления департамента планирования Пентагона; Карл Роув, бывший главный политсоветник Буша-мл.; Эллиот Абрамс, замглавы Совета национальной безопасности США»¹²⁷.

К неоконсервативному движению также принадлежат: медиамагнат Руперт Мердок, философ и политолог Френсис Фукуяма, публицисты Уильям Кристоул, Роберт Кейган и Майкл Ледин. Его поддерживают издания Wall Street Journal, Weekly Standard, Washington Times и телесеть FoxNews. Важнейшим национальным «мозговым трестом» течения выступает Американский институт предпринимательства. «Неоконы» активно спонсируют такие компании как Shell, Exxon Mobile, Halliburton.

К «переходной» группе между «неоконами» и традиционными реалистами-консерваторами можно отнести вице-президента Чейни, бывшего министра обороны Дональда Рамсфелда и губернатора Миннесоты Тима Павленти (глава

¹²⁷ Там же.

Национальной ассоциации губернаторов). Эти лидеры покровительствовали неоконсерваторам, хотя часто высказывались сомнения в том, что они реально разделяли их позиции, а не просто использовали их в своих политических и коммерческих интересах.

Традиционные консервативные реалисты внутри республиканского лагеря выступают за приоритет национальных интересов США. Последние определяются абсолютно рационально, без всяких ссылок на ценности или идеологические принципы. Для того, чтобы добиться реализации национальных интересов, они готовы сотрудничать с любыми мировыми силами. Однако они очень скептически относятся к многосторонним организациям и международным институтам, предпочитая прямые договоренности между государствами.

Среди традиционных реалистов-консерваторов преобладают представители «старой» республиканской гвардии. Их безусловным лидером является бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер. Важнейшим средством массовой информации сторонников реалистского течения является издание *The National Interest*. Ведущие национальные издания, вроде газеты *Washington Post* и журнала *Foreign Affairs*, также предоставляют приверженцам реализма регулярную возможность высказывать свою точку зрения.

Ведущим «мозговым трестом» реалистов выступает Центр им. Никсона (Вашингтон), в котором Г. Киссинджер занимает кресло почётного председателя Наблюдательного совета, а президентом работает Дмитрий Саймс. Ричард Баучер, помощник государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии, регулярно выступал в этом центре в качестве приглашённого докладчика.

С традиционной реалистской точки зрения ЦА выступает как объект конкуренции крупных международных игроков-государств по образцу «Большой игры» XIX в. При этом ключевая задача США заключается в том, чтобы формировать эффективные коалиции государств для достижения собственных интересов в регионе (обеспечение безопасности от международных террористов и исламских экстремистов, недопущение доминирования России, Китая или Ирана, решение энергетических вопросов и т.д.). Для решения разных проблем нужны разные коалиции. Например, по многим вопросам можно договориться с теми же Россией и Китаем. Вопрос же

о «смене режимов» в ЦА ключевым с точки зрения их повестки дня не является.

Собственно, противоречие между традиционным реалистским подходом и «неоконсерватизмом» и сказалось в постоянной непоследовательности политики администрации Буша по отношению к ключевому вопросу: сотрудничать с центральноазиатскими режимами или менять их на более прозападные и «демократические».

Глава 3. Центральноазиатская политика европейских стран

1. Расширение проекта единой Европы и центральноазиатская политика

Страны единой Европы на протяжении 1991–2008 гг. проводили в регионе ЦА как отдельные политики, так и совместную политику в рамках ЕС¹²⁸. Рассмотрим, прежде всего,

¹²⁸ См. про политику как ЕС, так и отдельных стран Европы: Европейский Союз и Центральная Азия. Казахский гос. нац. ун-т им. аль-Фараби; Под общ. ред. Ж.У. Ибрашева. — Алматы, 2000; Жильцов С. С. Геополитика Каспийского региона/ С. Жильцов, И. С. Зонн, А. М. Ушков. — М.: Международные отношения, 2003; Заглядывая в XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств/ Ин-т Европы РАН. — М.: Интердиалект +, 1998; Страны бывшего СССР и европейская безопасность: Материалы международной конференции. — М.: Международные отношения, 1994; Аманжолов Ж.М. Центральноазиатский вектор деятельности ОБСЕ и Республика Казахстан / Ж.М.Аманжолов // Московский журнал международного права. 2001. — № 1; Джекшенкулов А. О роли Запада В Центральноазиатском регионе / А.Джекшенкулов // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 2. — С.45–49; Загорский А. Россия — СНГ и Запад/ А. Загорский// Международная жизнь. — 1994. — №10; Лаумулин М. Казахстан и Запад: ретроспектива отношений в 1990-е гг./ М. Лаумулин// Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — №2; Пряхин В.П. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и проблемы Центральной Азии/ В.П. Пряхин// Московский журнал международного права. — 2000. — № 2. — С. 97-108; Шредер Х. Европа и СНГ: перспективы сотрудничества/ Х. Шредер// Мировая экономика и международные отношения. — 1993. — №7; Юн С.М. Политика ЕС в Центральной Азии: 1991 — 2001. Автореф. Дис. канд. ист. наук. - Томск: ТГУ, 2005; Rahr A. Europe in the New Central Asia // Deutsch-kasachisches Dialogforum “Integrationsmodelle in Zentralasien und Europa” 25 – 27 Mai 2000, Almaty/ A. Rahr// Kasachstan; A New Oспolitik - Strategies for a United Europe. Ed. by W.Wiedenfeld. — Bertelsmann Foundation publishers, 1997; Building Security in the New States of Eurasia. Subregional Cooperation in the Former Soviet Space / ed. by R. Dwan, O.Pavliuk. — NY: EastWest Institute, 2000; MacFarlane N. Western engagement in the Caucasus and Central Asia/ N. MacFarlane. — L.: RIIA, 1999.

вопросы выработки единой европейской политики в данном регионе.

Период 1991–2008 гг. для внешней политики ЕС в целом характеризовался двумя ключевыми факторами: ростом «вширь» (территориальным расширением) и «вглубь» (постепенным увеличением согласованности внешних и военных политик стран-членов). Оба эти обстоятельства очень серьезно сказались на центральноазиатской политике. Рассмотрим сначала ЦА в контексте территориального роста единой Европы.

Расширение ЕС было связано с восприятием европейских стран бывшего «социалистического лагеря» в соответствии с принципом «концентрических кругов» «европеизации»¹²⁹ и европейской интеграции. Эти круги были построены в соответствии с представлениями западноевропейских стран о степени «убывания» европейских исторических традиций, институтов и ценностей по мере движения к «окраинам» Европы. Таким образом, историко-географические идеи, распространенные в странах Запада, сказались на их видении степени готовности разных постсоциалистических и постсоветских государств к вступлению в единую Европу. Последнее, в свою очередь, диктовало конкретные документы и программы ЕС по отношению к соответствующим группам стран.

В целом для Восточной Европы и ННГ можно обнаружить четыре таких концентрические зоны, причем, ЦА окажется в последней из них. Первую зону образуют страны Восточной Европы, к которым чуть позднее присоединились страны Балтии. С ними с начала 1990-х гг. постепенно заключались «европейские соглашения», которые должны были привести к их включению в единую Европу. Результатом этого процесса стало то, что в 2002 г. все они были приняты в ЕС.

Вторую зону образовывали европейские члены СНГ (Украина, Молдова, Белоруссия). Все эти страны рассматривались еще в 1990-е гг. как европейские, в частности, они вошли в Совет Европы. Тем не менее они с начала 1990-х гг. не воспринимались как реальные кандидаты на вступление в

¹²⁹ См. про европеизацию как инструмент европейской внешней политики: *Europeanisation and the Southern Periphery* / Ed. by Featherstone K., Kazamias G. – London: Frank Cass, 2001; Коппитерс Б. Европейские институциональные модели как инструменты разрешения конфликтов в разделенных государствах на европейской периферии/ Бруно Коппитерс, Мишель Хёйссен // CEPS Working document №195. – July 2003// www.ceps.be

ЕС (по крайней мере, в обозримом будущем). К этой же группе примыкала и Россия, которая всегда воспринималась как важный, хотя и «слишком» крупный и мощный европейский игрок. Со всеми этими странами были в 1990-е гг. подписаны соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Формат этих соглашений предусматривал «особый» характер отношений, но он четко отличался от соглашений, подписанных со странами Центральной и Восточной Европы, в рамках которых предусматривалась возможность вступления в ЕС.

После расширения ЕС в 2002 г. была инициирована разработка нового инструмента сотрудничества с этой группой государств как с непосредственными соседями Европейского Союза. Она получила воплощение в политике «европейского соседства», имевшей целью «избежать новых разделительных линий в Европе»¹³⁰. В результате возникла концепция «Расширенной Европы» (Wider Europe), включавшая ЕС и его «соседей». В рамках этой концепции «соседям» было первоначально обещано «все, кроме институтов», т.е. любые формы интеграции с ЕС, кроме прямого вступления.

В отличие от соглашений о партнерстве и сотрудничестве программа «Расширенная Европа» предусматривает активное реформирование государств-партнеров в соответствии с европейскими институтами и ценностями для достижения *acquis communautaire*¹³¹. Иными словами, «соседи» становятся

¹³⁰ Gahrton Per. Report on the communication from the Commission to the Council and the European Parliament on the 'European Union's relations with the South Caucasus, under the partnership and cooperation agreements', European Parliament, Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy. — 28 January 2002. — A5-0028/2002 final. — p.18; Napolitano P. Report on 'Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours', European Parliament, Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy. — 5.11.2003. — A5-0378/2003 final; Emerson M. The Wider Europe Matrix/ Michael Emerson. — Brussels: CEPS, 2004.

¹³¹ Дословно это означает «то, что достигнуто в рамках ЕС». Это понятие впервые появилось в проекте Договора о Европейском Союзе (Договор о ЕС), принятого Европейским Парламентом 14 февраля 1984 г. В настоящее время оно превращается в часть правовой системы ряда стран СНГ — «соседей» Европы. См. преамбулу Указа Президента Украины от 14 сентября 2000 г. N 1072/2000 «Программа интеграции Украины в Европейский Союз», где указано: «пути и темпы реализации отдельных приоритетов и Программы в целом будут определяться прогрессом в проведении экономических реформ, что является главным условием успешной адаптации Украиной в достаточных объемах правовых и нормативных стандартов ЕС — *Acquis communautaire*».

объектами политики «европеизации». Однако в случае с Восточной Европой и Балтией главным инструментом поощрения партнеров по этой политике было обещание членства в ЕС. Жесткий отказ в нем лишает «соседей» стимула для «европеизаторских» реформ. Поэтому руководство ЕС во все большей мере заявляет о том, что «вопрос о членстве остается открытым», т.е. пытается создать ситуацию неопределенности. Хотя другие жесты, например по отношению к Турции, четко говорят о неготовности ЕС к слишком активному расширению.

Третья концентрическая зона долгое время представляла собой государства Южного Кавказа и ЦА, воспринимавшиеся ЕС как единый регион, в частности, в контексте энергетической политики в зоне Каспийского моря¹³². С ними также были заключены соглашения о партнерстве и сотрудничестве, хотя в начале 1990-х они и не воспринимались как европейские по своей природе. Скорее, о них говорили как о некоем «мосте» (или «буферной зоне») между Западом и Востоком, Европой и Азией. Однако после распада СССР они стали частью структур безопасности Европы, войдя в ОБСЕ и программы НАТО (СЕАП, «Партнерство ради мира»).

Эти страны долгое время воспринимались не в контексте интеграции и распространения европейских ценностей и институтов, а с точки зрения необходимости стабилизировать ситуацию в них для обеспечения безопасности Европы и более эффективного экономического сотрудничества. Однако с конца 1990-х гг. начался процесс дифференциации данной зоны на две: Южный Кавказ и ЦА. В 1996 г. Армения первой из государств Южного Кавказа получила статус особо приглашенного в ПАСЕ. В начале 1999 г. Грузия была принята в Совет Европы. Программа «соседства» первоначально не распространялась на Южный Кавказ, так как его «европейская природа» еще не признавалась. Однако под влиянием «цветной революции» в Грузии в июне 2004 г. государства Южного

¹³² См. Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993–2004. дис. канд. полит. наук: 2005/ МГИМО. – М., 2005.

Кавказа были включены в программу «Расширенная Европа — новое соседство»¹³³.

Следовательно, теперь страны Южного Кавказа получили признание их «европейской природы». *Это стало естественным следствием процесса непрерывной экспансии единой Европы на Восток.* Одновременно это событие означало окончательную диверсификацию подходов Европейского Союза к Закавказью и ЦА¹³⁴. Теперь роль «моста» или даже «буферной зоны» между Западом и Востоком, Азией и Европой осталась только ЦА. В частности, во введении к европейской стратегии по отношению к этому региону отмечается: «Центральная Азия обладает многовековыми традициями объединения Европы и Азии. Данный регион расположен на стратегически важном пересечении двух континентов»¹³⁵.

В настоящее время Казахстан также ведет борьбу за признание его частью Европы. В частности, это проявилось в попытках добиться членства в Совете Европы¹³⁶ и в получении Казахстаном (первым из бывших республик СССР) статуса председателя в ОБСЕ в 2010 г. Сказалось это обстоятельство и на политическом дискурсе в Казахстане. В частности, вновь как в советское время стало употребляться словосочетание «Казахстан и Центральная Азия», а некоторые казахстанские депутаты даже предлагали закрепить европейский статус переименованием страны из Казахстана в «Казахию».

После 2004 г. ЦА стала восприниматься как последняя, четвертая зона европеизации постсоциалистических стран Европы. В частности, это показывает политика Казахстана.

¹³³ См., например дискуссии о принятии Южного Кавказа в программу: Arguments Elaborated by the Embassy of Georgia in Benelux countries, Mission to the European Communities for the necessity of Participation of Georgia in the EU “Neighbourhood Initiative” (Wider Europe — Neighbourhood: a new Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours)// www.scph.org/files/eu/embassy_georgia.pdf; European Commission, Communication “European Neighbourhood Policy. Strategy Paper”, COM(2004) 373 final, Brussels. — 12.5.2004; 2590th General Affairs Council meeting, Luxembourg, 14 June 2004 // http://ue.eu.int/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/en/gena/80951.pdf.

¹³⁴ Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993—2004. дис. канд. полит. наук: 2005/ МГИМО. — М., 2005.

¹³⁵ Совет Европейского союза. Генеральный секретариат. Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства. — Октябрь 2007. — С. 5.

¹³⁶ Как мы помним, в случае и с Южным Кавказом и, до этого, с европейскими членами СНГ это — первый шаг в признании «европейской природы» стран.

Однако «европейская природа» региона пока не признается, и программа «соседства» на него не распространяется. По отношению к центральноазиатским странам употребляется термин «соседи соседей» Европы. Тем не менее ЕС в своей центральноазиатской политике начинает выходить за пределы традиционной парадигмы помощи в стабилизации ситуации, прежде всего, с целью развития экономических отношений, которая проявлялась в соглашениях о партнерстве и сотрудничестве. Все большую роль в политике ЕС в регионе начинают играть политические соображения и стремление связать расширение помощи и экономического партнерства с распространением отдельных принципов «*acquis communautaire*». *В частности, только в октябре 2007 г. ЕС, наконец, принял по ЦА полноценную политическую стратегию*¹³⁷, *отдельную от программы экономической помощи на 2007–2013 гг.*¹³⁸ *(ранее подобная программа и считалась «стратегией»)*¹³⁹.

На протяжении 1991–2008 гг. происходила также интеграция единой Европы «вглубь». На национальном уровне происходил рост согласованности внешних и оборонных политик отдельных стран. На уровне ЕС шло расширение политической, отличной от экономической, проблематики, развитие механизмов общей внешней политики и политики безопасности и, наконец, сдвиг центра принятия ключевых решений от Европейской Комиссии (технико-исполнительного органа, решающего экономические вопросы) к Совету Европейского Союза (политическому органу, координирующему национальные политики). Все это прямо сказалось на эволюции политики ЕС по отношению к ЦА.

По мере роста степени интегрированности политики единой Европы шел постепенный переход от использования в ЦА, преимущественно, экономических инструментов к закреплению роли политической составляющей.

На протяжении 1990-х гг. ЕС в отношениях с ЦА использовал инструменты, сконцентрированные в руках Европейской комиссии. Та воспринимала ситуацию, прежде всего, с точки

¹³⁷ Совет Европейского союза. Генеральный секретариат. Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства. — Октябрь 2007.

¹³⁸ European Community Regional Strategy Paper for Assistance to Central Asia for the period 2007–2013. — June, 2007.

126 ¹³⁹ Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia. — 30 October 2002.

зрения экономических интересов Европы. Поэтому на первый план вышли проекты энергетического и транспортного сотрудничества, а ЦА и Южный Кавказ виделись как часть единого Каспийского региона. Последний воспринимался как «мост» между Востоком и Западом, но не часть Европы. Главными механизмами европейской политики в регионе стали программы ТАСИС, ТРАСЕКА, ИНОГЕЙТ, ключевую роль в которых играла транспортно-энергетическая составляющая.

Развитие с начала 2000-х гг. механизмов *Общей внешней политики и политики безопасности* привело к эволюции центра принятия политических решений по региону от Европейской Комиссии к Совету ЕС. Рост политической компоненты привел к изменению системы приоритетов единой Европы. Южный Кавказ стал занимать в ней гораздо более высокое место, чем ЦА. За ним была признана европейская природа, и он был включен в 2004 г. в программу «Расширенная Европа — новое соседство», став объектом комплексной интеграционной политики «европеизации». По отношению к ЦА также стала выделяться, собственно, политическая компонента, что и сказалось в принятии Советом ЕС политической стратегии по отношению к региону в 2007 г. *Важнейшей причиной роста политического интереса к ЦА стало активное вовлечение европейских членов НАТО в борьбу с терроризмом в Афганистане, связанная с американской стратегией постепенного перекладывания ответственности за этот регион на Европу, и вызванная этим необходимостью поддерживать тыловые базы в центральноазиатских странах.*

Можно отметить, что рост интегрированности внешней политики ЕС по отношению к ЦА был органически связан с двумя уже неоднократно упомянутыми выше в контексте политики США различными проектами «геополитического переустройства» региона. Приоритетный интерес ЕС к энерго-транспортным проектам в 1990-е гг. был частью поддержанного США проекта «альтернативной транспортировки» ресурсов и связанного с ним процесса «альтернативной интеграции» постсоветского пространства (ГУУАМ). В то же время, рост политической заинтересованности ЕС в ЦА органически ложится в контекст современной американской стратегии свертывания своего вовлечения в центральноазиатские дела и постепенной передачи ответственности за регион Европе.

Традиционная слабая интегрированность внешней политики ЕС была одной из причин того, что европейские страны на протяжении рассматриваемого периода в целом шли в русле политики и проектов, поддерживаемых США. Рост интегрированности европейской внешней и оборонной политики может со временем ослабить американское лидерство. Тем не менее Европа вряд ли в обозримой перспективе пойдет на отказ от давно сложившегося и во многом удобного для нее разделения труда, отраженного в известной метафоре: «американцы готовят, а европейцы моют посуду». Это разделение труда проявляется, прежде всего, по линии «жесткая сила» США (приоритет военных инструментов и силового решения вопросов) и «мягкая сила» ЕС (преимущественное использование экономической и гуманитарной помощи как инструмента влияния).

В целом политика ЕС в ЦА на протяжении 1991–2007 гг. отличалась высокой степенью неопределенности и слабой самостоятельностью по отношению к другим внешним игрокам.

Неопределенность проявлялась в слабой дифференцированности европейской политики по отношению к отдельным группам стран. Первоначально (а до определенной степени эта тенденция сохраняется и до сих пор) ЦА вообще воспринималась как некая анонимная часть «постсоветского пространства», где важнейшим приоритетом являются отношения Европы с Россией. Затем, по мере роста энерготранспортных интересов, она стала трактоваться как часть единого региона с Южным Кавказом (регион Каспийского моря). Лишь после 2004–2007 гг. этот регион стал отдельным объектом политики ЕС. Однако и в этой политике сохраняется существенная неопределенность. Например, непонятно до какой степени ЦА как «сосед соседей» выступает объектом интеграционной политики ЕС?

Слабая самостоятельность политики единой Европы проявилась в следовании в общем русле центральноазиатской политики США со всеми ее непоследовательностями и противоречиями. Кроме того, важным ограничителем европейской (особенно, немецкой) политики в регионе была ее иерархическая соподчиненность отношениям с Россией.

2. Интересы единой Европы в Центральной Азии

В отличие от США ЕС расположен территориально близко к ЦА. Поэтому он имеет набор достаточно специфических интересов в области торгово-экономического, транспортно-энергетического сотрудничества, а также – в сфере обеспечения безопасности.

В случае с Европой принципиально невозможно противопоставление перечисленных выше материальных интересов и интересов, которые имеют «идеально—нормативный характер». В этом плане политика Европейского союза и его стран в регионе намного более идеалистична, чем даже, например, американская (т.е. в дилемме «интересы-ценности» ЕС больше склонен выбирать полюс «ценностей»).

ЕС рассматривает продвижение либерально-демократических ценностей как императив своей внешней политики. Это особо подчеркивается во всех документах по отношению к ЦА. Даже в текстах, где преобладают экономическая тематика и проблемы оказания помощи (например, соглашения о партнерстве и сотрудничестве), обязательно вставляются пункты, связанные с демократизацией, защитой прав человека, созданием правовых государств и построением рыночной экономики.

У этого есть определенное основание, связанное с высокой ролью экономических интересов ЕС в регионе, что постоянно отмечают европейские эксперты и чиновники¹⁴⁰. Эффективное экономическое сотрудничество возможно только со странами, имеющими сходные типы институтов. Иначе, например, в случае авторитарных режимов, создается очень высокая неопределенность с европейскими инвестициями. Иностранные партнеры легко могут потерять свою собственность по политическим причинам. Высокая нестабильность, характерная для авторитарных и, особенно, персоналистских и неопатримониальных режимов, также делает их плохими партнерами для экономических соглашений. Слишком высока вероятность, что из-за смены диктатора или персонального состава группировки вокруг него соглашения не будут выполнены.

Другим важным интересом «идеального» характера является *максимальное содействие интеграционным процессам*

¹⁴⁰ Очень существенно, что ни в Центральной Азии, ни в России эту аргументацию обычно не понимают и не принимают.

во всех направлениях. По отношению к постепенно расширяющейся интеграции внутри самой Европы это было описано выше. Однако, ЕС постоянно пытается создать стимулы и для интеграционных процессов внутри ЦА, а также между центральноазиатскими странами и их соседями. С целью расширения трансграничного сотрудничества использовался механизм двусторонних соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Определенная доля средств во всех программах помощи ЕС (например, в ТАСИС) также шла на развитие регионального сотрудничества и решение трансграничных проблем. Наконец, большие средства, потраченные ЕС в рамках развития транспортной инфраструктуры (программы ИНОГЕЙТ и, особенно, ТРАСЕКА), были предназначены для того, чтобы связать ЦА не только с Европой, но и с государствами Южного Кавказа, АТР, Ближнего Востока, Южной Азии и т.д.

Эта политика также имеет прагматический смысл. Ее цель — сформировать атмосферу мира и взаимного доверия на границах и в окружении Европы. Последнее способствовало бы безопасности Европы, а также — стабильному развитию и росту экономических связей окружающих ЕС стран с государствами Европейского Союза.

Переходя к анализу более «материальных» интересов следует отметить, что в случае с ЦА наиболее очевидным оказывается разрыв между гигантским экономическим потенциалом единой Европы и ее довольно скромной внешней политикой, что хорошо метафорически описано в известной фразе «экономический гигант и политический карлик».

ЕС является крупнейшим торговым партнером ЦА, а также — важнейшим источником экономической помощи и инвестиций. При этом, он постепенно теснит других игроков, таких как Россия, Турция или Иран. Лишь Китай на протяжении 1991—2008 гг. наращивал свою долю в торговле региона сопоставимыми темпами.

Самым крупным торговым партнером ЕС в регионе является Казахстан. В 2005 г. объем взаимной торговли достиг 10 млрд. евро (это больше, чем торговля ЕС со всеми остальными странами ЦА и Южного Кавказа, взятыми вместе). При этом нефть составляет 85,4 % казахстанского экспорта в Европу. Из готовых продуктов важной статьёй казахстанской торговли является стальной прокат.

Второй по значимости торговый партнер ЕС в ЦА — Узбекистан. В 2004 г. ЕС импортировал из этой страны товаров на 605 млн евро (большую их часть составляли драгоценные камни, металлы и продукция сельского хозяйства), а экспортировал в нее — на 464 млн евро. В 2005 г. ЕС был крупнейшим источником импорта в Туркменистан (451 млн. евро). По объему туркменского экспорта ЕС также окажется лидером, если учесть то обстоятельство, что Россия замещает туркменским газом на своем внутреннем рынке и на рынке Украины тот газ, который она поставляет в Европу (т.е. косвенно его реэкспортирует). В 2004 г. ЕС импортировал кыргызстанских товаров на 25 млн евро, а экспортировал в эту горную страну на 95 млн евро. В том же году объем торговли ЕС с Таджикистаном — это на 198 млн евро — импорт (прежде всего, алюминий и хлопок), и на 69 млн евро — экспорт.

ЕС был важнейшим источником поставок в ЦА различного рода машин и оборудования. В свою очередь, он был покупателем львиной доли центральноазиатского сырья (доля ЕС еще больше возрастет если учесть, что товары, формально проданные из ЦА в Россию (а также в ряд других стран: Швейцарию, Украину, Белоруссию), потом часто реэкспортируются в ЕС.

Высокое и непрерывно растущее экономическое влияние Европы в ЦА имеет глубокую историческую обусловленность, связанную с особенностями экономики Российской империи и СССР. Вестернизаторский характер Российской империи воплотился в том, что ее экономика была построена по принципу движения сырьевых товаров с Востока и Юга на Запад и их постепенной переработки. При этом конечные фазы этой переработки, а также источники технологических инноваций оказывались уже за пределами самой империи, в Западной Европе. В этом плане Российская империя была, во многом, если не сырьевым, то «промышленно-полуфабрикатным» «придатком» Запада¹⁴¹. Еще больше эта тенденция укрепилась в советской экономике. Она была воплощена, например, в системе транспортных артерий, особенно, железных дорог, нефте- и газопроводов. В связи с этим высокую роль России,

¹⁴¹ Например, еще до промышленной революции в Англии уральские заводы были крупнейшим источником поставок туда металла, который превращался в конечный товар, точно так же, как это имеет место в отношении поставок металлопроката из России в ЕС теперь.

Украины, Белоруссии и даже Турции в торговле с ЦА можно рассматривать в комплексе экономических связей этих стран с ЕС. В этой ситуации они окажутся прямыми (как в случае перепродажи туркменского газа) или косвенными посредниками западноевропейских торгово-инновационных центров¹⁴².

Особый интерес для ЕС представляют энергетические ресурсы ЦА¹⁴³, а также создание нового канала транспортного сообщения между Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, который дополнил бы возможности российской Транссибирской магистрали на севере и стал бы работоспособной альтернативой морскому пути через Суэцкий канал и по Индийскому океану.

Этот комплекс интересов вызвал к жизни целую совокупность проектов транспортного и энерготранспортного характера.

В рамках общей программы содействия государствам СНГ ТАСИС ЕС начал разрабатывать проект ИНОГЕЙТ (Interstate Oil and Gas Transport to Europe) с 1993 г. Проект стал реализовываться с конца 1995 — начала 1996 гг. На первых заседаниях по программе в Брюсселе были определены направления ее реализации. К их числу был отнесен поиск альтернативных российским маршрутам возможностей транспортировки углеводородов из ЦА и Каспийского региона на европейские рынки¹⁴⁴. Участниками программы с 1996 г. стали все пять центральноазиатских государств.

В официальных документах по программе ИНОГЕЙТ не прослеживается цель продвижения политического влияния

¹⁴² См. подробнее: Ворота в глобальную экономику. Под. ред. Андерссон О., Андерссон Д. — М., 2001; Сергеев В.М. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей/ В.М. Сергеев, А.С. Кузьмин, В.Д. Нечаев, Е.С. Алексеенкова// Полис. — 2007. — № 2.; Сергеев В.М. Сетевая динамика глобализации и типология “глобальных ворот”/ В.М. Сергеев, А.А. Казанцев// Полис. — 2007. — № 2.; Сергеев В.М. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей/ В.М. Сергеев, А.С. Кузьмин, Е.С. Алексеенкова, А.А. Казанцев// Полис. — 2007. — № 2.; Сергеев В.М. и др. «Хора» московских “ворот” и сценарии ее развития/ В.М. Сергеев и др.// Полис. — 2007. — № 2.

¹⁴³ Совет Европейского союза. Генеральный секретариат. Европейский союз и **132** Центральная Азия: стратегия нового партнерства. — Октябрь 2007. — С. 6.

¹⁴⁴ См. // www.inogate.org

ЕС в зоне реализации программы¹⁴⁵. Тем не менее такая цель указывается как одна из базовых в аналитическом отчете по программе¹⁴⁶.

В соответствии с интересом к диверсификации источников поставок энергетического сырья и поиску новых маршрутов в обход России как ЕС, в целом, так и его отдельные государства поддерживали реализованные проекты нефтепроводов Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Супса, газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум, реализуемый проект газопровода «Набук-ко» и потенциально возможные проекты транскаспийского нефтепровода и газопровода.

Тем не менее кратчайший маршрут доставки центральноазиатского сырья через Иран и Турцию был заблокирован в соответствии с позицией США. Другой, успешно функционирующий маршрут через Россию до сих пор является основным для доставки центральноазиатских углеводородов. *В этом плане, проекты энерготранспортной диверсификации ЕС в ЦА до сих пор далеки от реализации.*

Грандиозным транспортным проектом, инициированным ЕС, является ТРАСЕКА – «Великий шелковый путь»¹⁴⁷. Идея разработки этого трансконтинентального проекта, по словам Э. Шеварднадзе, была высказана им еще в бытность его министром иностранных дел СССР на международной конференции во Владивостоке, а затем, в июне 1993 г., обсуждена с руководителями Казахстана и Китая.

Однако ключевой оказалась позиция ЕС. В мае 1993 года государства Европейского союза подписали Брюссельскую декларацию о разработке транспортного коридора «Европа—Кавказ—Азия» (TRANsport Corridor Europe—Caucasus—Asia», сокращенно, ТРАСЕКА). С самого начала в формулировке программы фигурировала политическая, а не экономическая цель «поддержания политической и экономической неза-

¹⁴⁵ Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993-2004. дис. канд. полит. наук: 2005/ МГИМО. – М., 2005.

¹⁴⁶ Evaluation of TACIS inter-State Energy and INOGATE Programmes and Related Actions Implemented in the Framework of National Programmes. – September 2000. – 202 P.

¹⁴⁷ См. // www.traseca-org.org; Гегешидзе А. Еще раз о «Великом шелковом пути»/ А. Гегешидзе// Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4; Чернявский С. «Великий Шелковый путь» и интересы России/ С. Чернявский// МЭиМО. – 1999. – № 6. – 96.

висимости ННГ путем обеспечения возможности доступа на европейские и мировые рынки через новые транспортные маршруты». В этом плане в ЦА программа была направлена, прежде всего, против России и Ирана.

Для проведения организационных и исследовательских работ по 23-м проектам, условно разделенным на четыре сектора — торговый, морской, железнодорожный и автодорожный, — ЕС выделил тогда же свыше 30 млн экю. Позднее возник дополнительный проект «Виртуальный шелковый путь».

При подписании Брюссельской декларации было заявлено о необходимости разработки нескольких альтернативных маршрутов, с тем чтобы существовала возможность выбора наиболее выгодных из них в зависимости от видов товаров и услуг. Первоначально речь шла о соединении транспортных магистралей республик ЦА, Кавказа и стран ЕС. Вскоре, однако, о своем участии в предложенном проекте заявили балканско-черноморские страны, Турция, многие исламские государства, Китай и Япония. Средства для финансирования проекта выделялись такими международными финансовыми институтами как Европейский банк реконструкции и развития, Всемирный банк, МВФ, Азиатский банк развития, Кувейтский фонд, Исламский банк развития. Соединение центральноазиатских и китайских железнодорожных путей открывает особо привлекательные возможности для развития комбинированных перевозок, связывающих бассейны Тихого и Атлантического океанов.

Этапным для программы стала прошедшая в сентябре 1998 г. в Баку международная конференция «Возрождение Великого шелкового пути Европа—Кавказ—Азия». Главным итогом встречи стало подписание Бакинской декларации¹⁴⁸, в которой стороны подчеркнули значение транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия в контексте международного сотрудничества с целью развития стран региона, а также для «поддержания мира, стабильности и безопасности и для урегулирования региональных конфликтов».

Важным шагом в реализации проекта ТРАСЕКА стала конференция Межправительственной комиссии по проекту,

прошедшая в Тбилиси в марте 2000 г.¹⁴⁹ Вторая конференция Межправительственной комиссии ТРАСЕКА состоялась в апреле 2002 г. в столице Узбекистана. В заключении конференции была принята Ташкентская декларация. В ней стороны отметили, что проект ТРАСЕКА по созданию транспортного коридора Европа—Кавказ—Азия, основы которого были заложены в Брюсселе в 1993 г., имеет важное значение для развития процесса интеграции восьми независимых государств и Европейского Союза¹⁵⁰.

Между тем, в реализации программы ТРАСЕКА есть свое существенное «узкое место». Это — Каспийское море. Паромная переправа через нее очень удорожает товары. Поэтому без активного участия Ирана или России (а без этого нельзя обогнуть Каспийское море ни с юга, ни с севера) экономические резоны для развития программы исчезают. Например, себестоимость перевозок по Транссибирской магистрали существенно ниже, чем по путям, предполагаемым в рамках проекта ТРАСЕКА. По проведенным МПС России в самом конце 1990-х гг. оценкам тарифы на перевозку зерна, хлопка и контейнеров по российским железным дорогам — в 1,7 раза, а нефти и цветных металлов в 1,2 раза ниже, чем по маршруту ТРАСЕКА. Сроки доставки грузов по территории России меньше в 1,8 раза¹⁵¹.

Проводившиеся по заказу Европейской Комиссии независимые аналитические оценки программы давали неутешительные результаты. В экспертном докладе 1998 г. подчеркивается, что проект разрабатывался в условиях спешки и «в атмосфере доминирования политических целей»¹⁵².

«Таким образом, изначально подтверждалась важность политической составляющей программы. При этом признавалась ведущая роль России в регионе, которая остается ведущим торговым партнером стран региона, а также особое влияние Турции и Ирана, которое зачастую недооценивается. Сообщалось, что Казахстан предпочитает использовать дороги, проходящие через территорию России, так как это дешевле, а в

¹⁴⁹ См. //www.igc-traceca.org

¹⁵⁰ См. //www.traceca-org.org

¹⁵¹ Кочергин Г. Великий Шелковый путь и его обочины/ Г. Кочергин // Труд. — 2000. — 21 марта.

¹⁵² European Commission, Evaluation Unit. Evaluation of the Tacis Interstate TRACECA Programme. — June 1998.

целом, за время существования программы не произошло значительного увеличения грузопотоков по данному маршруту (за исключением узбекского хлопка). Самым слабым звеном проекта ТРАСЕКА остается паромное сообщение через Каспий... В этом контексте признавалась возможность и целесообразность использования маршрутов ТРАСЕКА в комплексе с маршрутами по линии «север — юг»¹⁵³.

В другом аналитическом докладе 2003 г. отмечалось, что ценность возможного присоединения Ирана состоит в открытии дорог по оси «север — юг», а не «восток — запад»¹⁵⁴. Указывается также, что для большинства центральноазиатских государств ТРАСЕКА не является привлекательным в плане доступа на европейские рынки. В качестве отдельных примеров эффективного использования пути отмечались алюминиевая промышленность между Украиной и Таджикистаном и доставка гуманитарной помощи в Афганистан. В документе предлагался дифференцированный подход к различным группам государств. В частности, указывалось, что для ЦА ТРАСЕКА маргинален по сравнению с путями транспортировки через Россию и Иран.

Таким образом, с точки зрения ключевой политической цели (обход России и Ирана) проект ТРАСЕКА можно считать нереализованным и вообще изначально нереализуемым. ЕС и страны ЦА вряд ли будут активизировать идею паромной переправы через Каспий в условиях, когда это существенно удорожает перевозки.

В силу территориальной близости и из-за усиления различного рода нетрадиционных угроз (терроризм, наркоторговля, транснациональная организованная преступность, нелегальная миграция, несостоявшиеся государства) роль ЦА в обеспечении безопасности ЕС непрерывно возрастает на протяжении последних 10 лет. Многие из угроз, проистекающих с территории этого региона, упомянуты в качестве ключевых в «Европейской стратегии безопасности»¹⁵⁵. Стоит отметить, что в отличие от Южного Кавказа ЦА в этом документе не упомянута как

¹⁵³ Болгова И.В. Политика Европейского Союза в Закавказье и Центральной Азии: 1993–2004. дис. канд. полит. наук: 2005/ МГИМО. — М., 2005.

¹⁵⁴ Evaluation of TACIS Regional TRACECA Programme, Final report. — July 2003.

¹⁵⁵ Солана Х. Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности // <http://ue.eu.int/uedocs/cmsUpload/031208ESSIRU.pdf>

сфера европейских интересов. Это тем более удивительно, что европейские страны все больше втягиваются в операцию в Афганистане в рамках ISAF¹⁵⁶. Специфической тенденцией европейской политики, которая не вполне адекватна центральноазиатским условиям, представляется стремление в условиях дефицита реальной военной силы использовать для политической стабилизации «мягкую силу» (то есть экономическую помощь и привлекательность европейского идеала).

В целом единая Европа, с учетом ее экономических возможностей и расположения по соседству с ЦА, является одним из крупнейших и наиболее перспективных внешних игроков в регионе (в этом плане она уступает лишь Китаю). Тем не менее только к 2007 г. она сумела сформулировать единую политическую стратегию для этой части мира. Весь предшествующий период как ЕС в целом, так и его отдельные государства-члены, в политическом плане следовали (за исключением отдельных нюансов вроде более либерального отношения к Ирану) в общем русле политики США¹⁵⁷. Кроме того, одним из ведущих стимулов деятельности европейских стран и ЕС в ЦА долгое время было стремление избежать возникновения недовольства у России. Лишь после 2007 г. у единой Европы появляется возможность выйти из «политической тени» США и России. Насколько успешно это будет реализовано — покажет время.

Тем не менее уже сейчас видно, что многие из европейских целей в ЦА для местных политических элит просто непонятны. Не совсем адекватными представляются и *инструменты* европейской политики. Различие типов политической культуры европейских и центральноазиатских стран больше, чем разрыв между ними и США. Силовая политика Америки для политиков типа покойного Сапармурата Туркменбаши или здравствующего И. Каримова была не всегда приемлемой, но

¹⁵⁶ В России существует точка зрения из области «теории заговоров», что США специально дестабилизируют Центральную Азию, а затем передают ее на «поруки» Европы, чтобы создать своему экономическому конкуренту максимальные затруднения. Однако «теории заговоров» столь же увлекательны, сколь и недоказуемы.

¹⁵⁷ В октябре 2006 г. директор политического департамента МИД ФРГ Михаэль Шеффер в ходе своего турне по странам Центральной Азии заявил, что его целью является изменение мнения о ЕС как приспешнике США. Европа должна даже дистанцироваться от Соединенных Штатов настолько, насколько в этом будет нуждаться Центральная Азия. Правда, пока реального серьезного изменения политики в этом направлении не наблюдается.

всегда понятной. В то же время, стремление Европы защищать свои интересы преимущественно инструментами «мягкой силы» не слишком хорошо отвечает традициям региона.

Уважения, основанного на страхе перед военной силой, единая Европа, в отличие от США, Китая или России, у политических элит региона не вызывает¹⁵⁸. Сумма помощи в 750 млн евро на период 2007–2013 гг. для пяти стран согласно региональной стратегии поддержки ЦА Европейским союзом также представляется неадекватно малой, чтобы обеспечить существенное влияние¹⁵⁹. Наконец, несмотря на попытки Европы дистанцироваться от США и позиционировать себя сильным игроком по отношению к России, она не воспринимается в регионе как независимая международная сила.

3. Стратегические документы, определяющие политику ЕС в Центральной Азии

Как мы уже упоминали выше, до 2002 г. ЕС был не в состоянии принять какую-либо стратегическую программу по ЦА. Первым документом такого рода стала программа помощи на 2002–2006 гг., принятая в рамках ТАСИС¹⁶⁰. Последняя тем не менее не являлась стратегией в собственном смысле, а лишь определяла общие принципы, цели и индикаторы оказания помощи.

Принятие в октябре 2007 г. стратегии ЕС по отношению к ЦА («Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства») знаменовало новый этап европейской политики в отношении данного региона. Впервые объединенная Европа смогла выработать консолидированную стратегию по отношению к этой части постсоветского пространства.

¹⁵⁸ По некоторым сообщениям у Сапармурата Туркменбаши заявление В. Путина после теракта в Беслане о том, что выборность глав областей и республик (имелась в виду, естественно, РФ) будет ликвидирована, вызвала приступ страха. Причем его окружению пришлось долго объяснять диктатору, что к нему это не относится.

¹⁵⁹ Выступление кыргызстанского эксперта А. Князева на семинаре фонда «Наследие Евразии», март 2008 г.

138 ¹⁶⁰ Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia. — 30 October 2002.

Принципом формулировки стратегии является поиск общих интересов стран ЕС и государств ЦА¹⁶¹. В качестве ключевых обозначены следующие интересы ЕС: наличие территориальной близости и взаимовлияния процессов в Европе и ЦА; энергетические ресурсы региона; укрепление приверженности стран ЦА международному праву, верховенству права, правам человека и демократическим ценностям, а также рыночной экономике, чтобы они разделяли общие интересы и цели с ЕС¹⁶².

Стратегия ЕС нацелена на поиск баланса между двусторонним и региональным подходами¹⁶³. Двустороннее сотрудничество предполагается по таким вопросам, как «права человека, экономическая диверсификация, энергетика и другие отраслевые проблемы, в том числе связанные с молодежью и образованием»¹⁶⁴. «Региональный подход способствует активному решению общих региональных проблем, таких как организованная преступность, торговля людьми, наркотиками и оружием, терроризм и нераспространение ядерного оружия, межкультурный диалог, энергетика, загрязнение окружающей среды, управление водными ресурсами, миграция, а также управление границами и транспортная инфраструктура»¹⁶⁵. В этом отношении ЕС готов сотрудничать с международными и региональными организациями и учреждениями.

Для интенсификации сотрудничества со странами Центральной Азии ЕС будет в полной мере использовать потенциал соглашений о партнерстве и сотрудничестве, программ европейской комиссии и государств-членов ЕС, используя различные инструменты Общей внешней политики и политики безопасности. Будет также расширено сотрудничество с ООН, в частности с Европейской экономической комиссией ООН, ОБСЕ, Венецианской комиссией Совета Европы, НАТО, международными финансовыми учреждениями и другими региональными организациями и форумами¹⁶⁶. ЕС также заявляет в своей стратегии о готовности «вступить в открытый и кон-

¹⁶¹ Генеральный секретариат. Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства. — Октябрь 2007. — С. 8.

¹⁶² Указ. соч. — С. 9.

¹⁶³ Указ. соч. — С. 12.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Указ. соч. . — С. 10.

структивный диалог» с такими региональными организациями как ЕврАзЭС, ШОС, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), ОДКБ¹⁶⁷. Этот момент в позиции ЕС чрезвычайно важен с точки зрения интересов России, так как наша страна заинтересована в развитии всех вышеперечисленных организаций, особенно, ЕврАзЭС, ШОС и ОДКБ.

В своем подходе к Центральной Азии ЕС исходит из предпосылки, что «развитие стабильной политической базы и функционирующих экономических структур зависит от приверженности верховенству права, правам человека, ответственному государственному управлению и развитию прозрачных демократических политических структур»¹⁶⁸. В связи с этим предполагается упрочнение механизма диалога по правам человека с рядом стран Центральной Азии.

«Цели диалога по правам человека с каждой из центральноазиатских стран должны включать в себя:

- Обсуждение вопросов, касающихся взаимных интересов, и расширение сотрудничества по правам человека, в том числе на многосторонних форумах, таких как ООН и ОБСЕ.
- Поднятие вопросов, касающихся, по мнению ЕС, ситуации с правами человека в вышеуказанных странах, сбор информации и инициативы по улучшению соответствующей ситуации с правами человека»¹⁶⁹.

Другим принципом является развитие верховенства закона. С этой целью ЕС разработает «Инициативу по верховенству права». В рамках данной Инициативы ЕС будет поддерживать страны Центральной Азии в ключевых правовых реформах, включая реформирование судебной системы и создание эффективного законодательства, например в сфере административного и торгового права.

В рамках Инициативы предполагается направить европейских правовых и административных экспертов в страны Центральной Азии для выполнения различных краткосрочных и долгосрочных заданий, а также предоставить экспертам стран Центральной Азии возможность прохождения стажировок. В вопросах обеспечения верховенства закона ЕС планирует сотрудничать с Венецианской комиссией Совета Европы,

¹⁶⁷ Указ. соч. – С. 12.

140 ¹⁶⁸ Указ. соч. – С. 13.

¹⁶⁹ Указ. соч. – С. 14.

миссиями ОБСЕ, Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), с двусторонними программами стран ЕС и Центральной Азии, а также ООН и Верховным комиссаром ООН по правам человека¹⁷⁰.

Расширение обменов предполагается в сфере содействия развития гражданского общества и независимых СМИ.

Ключевой целью ЕС в области социально-экономического развития региона является оказание долгосрочного влияния на вектор развития стран Центральной Азии. В связи с этим соответствующий раздел так и называется: «Инвестиции в будущее: молодежь и образование»¹⁷¹. На практике это означает, что приоритетом в оказании социально-экономической помощи странам региона станет образование. С этой целью ЕС и его государства-члены разработают для Центральной Азии «Европейскую инициативу в области образования», с тем чтобы содействовать адаптации систем образования стран Центральной Азии к потребностям глобализации. В ее рамках ЕС и его государства-члены, в частности, предложат поддержку в следующих сферах:

- начальное образование;
- среднее образование;
- профессионально-техническое образование и подготовка;
- сотрудничество в области высшего образования, обмен студентами и профессорско-преподавательским составом, например, в рамках новой программы «Erasmus Mundus», TEMPUS и на двусторонней основе.

ЕС также поддержит развитие региональных образовательных центров и будет тесно сотрудничать с академией ОБСЕ в Бишкеке. ЕС готов открыть в данном регионе Институты Изучения Европы (Institutes of European Studies). ЕС готов предоставлять стипендии студентам из стран Центральной Азии для обучения в европейских университетах¹⁷². В рамках развития дистанционного обучения ЕС готов поддерживать присоединение стран Центральной Азии к электронной сети ЕС через развитие «электронного шелкового пути»¹⁷³. Все

¹⁷⁰ Указ. соч. – С. 15. –16.

¹⁷¹ Указ. соч. – С. 17.

¹⁷² Указ. соч. – С. 17.

¹⁷³ Указ. соч. – С. 18.

перечисленные выше меры могут привести к активизации вытеснения России, исламских стран и Китая из образовательного и «виртуального» пространства Центральной Азии. Соответственно, будут усилены позиции ЕС с точки зрения «мягкой силы» за счет этой группы стран.

Важным направлением социально-экономического сотрудничества с Центральной Азией должно стать содействие экономическому развитию, торговле и инвестициям. В этой связи ЕС выступает за устранение торговых барьеров между странами Центральной Азии (внутреннюю центральноазиатскую интеграцию) и продолжит поддерживать вступление в ВТО всех стран региона, которые в нее еще не входят (все, кроме Кыргызстана). ЕС также готов упростить доступ центральноазиатской продукции на европейские рынки. В связи с этим будет использована обновленная Общая система преференций ЕС (GSP – 2006/2015)¹⁷⁴.

В качестве инструмента экономического сотрудничества будет продолжено использование программ INOGATE (Межгосударственного транспорта нефти и газа в Европу – Бакинская инициатива)¹⁷⁵ и TRACECA (Транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия). Финансирование будет идти через Инструмент сотрудничества в области развития (DCI) и Европейский инструмент добрососедства и партнерства (ENPI)¹⁷⁶.

В наибольшей степени прагматическим интересам ЕС соответствует укрепление сотрудничества со странами региона в сфере энергетики. Здесь же наблюдаются и наиболее серьезные противоречия между интересами России и Европы.

В энергетической сфере предполагается усиление диалога со странами Центральной Азии в рамках Бакинской инициативы. Деятельность ЕС будет также основываться на «Энергетической хартии» (как известно, Россия отказывается поддерживать изложенные в ней принципы) и двусторонних Меморандумах о взаимопонимании по энергетическим вопросам¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Указ. соч. – С. 18.

¹⁷⁵ Энергетическое сотрудничество между ЕС, прибрежными государствами Черного и Каспийского морей и сопредельными странами, начатое на конференции по энергетике на уровне министров, которая проводилась в Баку в ноябре 2004 года.

¹⁷⁶ Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства. – С. 19.

¹⁷⁷ Указ. соч. – С. 22.

«ЕС будет поддерживать разработку новых нефтяных, газовых и гидроэнергетических ресурсов, а также усовершенствование существующей энергетической инфраструктуры. С целью усиления безопасности энергоснабжения ЕС будет также поддерживать развитие дополнительных трасс трубопровода и энергетических транспортных сетей. ЕС также внесет вклад в региональную энергетическую безопасность и сотрудничество, а также расширит экспортные рынки для центральноазиатских производителей¹⁷⁸».

Наибольшие противоречия с Россией возникнут по поводу следующего положения стратегии: «ЕС будет оказывать политическую поддержку и содействие странам Центральной Азии в развитии нового энергетического транспортного коридора «Каспийское море — Черное море — ЕС»¹⁷⁹.

Большое внимание в своей центральноазиатской политике ЕС уделяет обеспечению устойчивости в области окружающей среды и водных ресурсов. Здесь важнейшим приоритетом объявлены водные ресурсы, особенно в связи с достижением в 2015 г. «Целей развития тысячелетия» ООН применительно к чистой питьевой воде и соответствующим санитарно-техническим сооружениям.

Если энергетическая и, возможно, даже образовательная сферы могут оказаться пунктами, по которым интересы России и ЕС столкнутся в наибольшей степени, то потенциальной сферой максимального их согласования может стать борьба с общими угрозами и вызовами безопасности. Здесь ЕС выражает четкую готовность сотрудничать с такими пророссийскими интеграционными структурами как ШОС и ОДКБ. В частности, особый интерес могут представлять такие сферы сотрудничества, как охрана границ, борьба с международным терроризмом и организованной преступностью (особенно, наркоторговлей) и оптимизация миграционных процессов.

ЕС декларировал свое стремление расширять поддержку развитию современной системы управления границами в центральноазиатском регионе, включая границы с Афганистаном¹⁸⁰. Посредством «Программы содействия управления границами в Центральной Азии (ВОМСА)» ЕС будет искать

¹⁷⁸ Указ. соч. — С. 22–23.

¹⁷⁹ Указ. соч. — С. 23.

¹⁸⁰ Указ. соч. — С. 28.

эффективные методы сочетания многостороннего и регионального подходов.

Вышеназванная программа включает в себя следующие пункты:

- Продолжение внедрения базовых принципов интегрированного управления границами в службах охраны границ и других соответствующих службах.
- Создание специальных пропускных пограничных пунктов.
- Организационная помощь в поддержку преобразования пограничной службы, начиная с призыва новобранцев и заканчивая профессиональной службой, а также с целью перехода от чисто военной системы к правоприменяющему органу полицейского типа.
- Поощрение вовлеченности таможенных служб в процесс упрощения торговли.
- Модернизация юридической базы в соответствии с международным правом в сфере борьбы с организованной преступностью¹⁸¹.

Большое внимание будет также уделено борьбе со «связкой преступность — терроризм». ЕС будет предоставлять странам региона усиленную поддержку в борьбе против коррупции, организованной преступности, торговли наркотиками и людьми, незаконной торговли оружием с Афганистаном и международным терроризмом. ЕС усилит борьбу против наркотиков через специальное представительство в Душанбе. Он также будет поддерживать создание регионального центра по борьбе против наркотиков (CARICC) в Алматы и расширять сотрудничество с Управлением ООН по борьбе с наркоманией и преступностью (UNODC), в том числе в отношении отслеживания производства химического сырья для изготовления героина¹⁸².

Проведение борьбы с различными нетрадиционными вызовами безопасности большое внимание будет уделено Ферганской долине. ЕС готов оказывать содействие странам ЦА, имеющим совместные границы в этой части региона.

Важным европейским приоритетом в области проблем безопасности является упорядочение миграционных процес-

144 ¹⁸¹ Указ. соч. — С. 28 — 29.

¹⁸² Указ. соч. — С. 29.

сов. ЕС предложит свою помощь заинтересованным странам ЦА (как на национальном, так и на региональном уровнях) в управлении миграцией. Эта помощь предусматривает уравнивание спроса и предложения трудовых ресурсов, упрощение интеграции легальных мигрантов и обеспечение международной защиты людям, просящим о предоставлении политического убежища и различного рода беженцам.

В качестве важного приоритета деятельности ЕС объявлена также интенсификация межкультурного диалога с умеренными и светскими элементами мусульманской цивилизации региона.

В качестве конкретных институциональных мер, направленных на укрепление сотрудничества, ЕС откроет представительства Европейской Комиссии во всех пяти странах ЦА. Государства-члены ЕС рассмотрят вопрос расширения сети посольств в ЦА. ЕС предлагает странам ЦА наладить активный политический диалог, включая регулярные встречи на уровне министров иностранных дел с «Тройкой» ЕС. ЕС будет проводить ежегодные встречи своих Глав миссий в данном регионе¹⁸³.

В контексте принятой политической стратегии теперь будет функционировать принятая ранее, в июне 2007 г., «Региональная стратегия поддержки ЦА Европейским союзом на 2007–2013 гг.»¹⁸⁴. Она предполагает увеличение помощи региону через бюджет ЕС до 750 млн евро, со средним ежегодным распределением в регионе: от 58 млн евро в — 2007 г., до 139 млн евро в 2013 г. 70 % этих средств будет направлено на программы двусторонней помощи. Важным приоритетом двусторонней помощи является повышение стандартов жизни, особенно в сельской местности. Другими ее приоритетами станут поощрение «ответственного управления», верховенства законов, демократизации и укрепления гражданского общества, наряду с реформированием инвестиционной и торговой политики.

30 % помощи будет выделено для содействия более тесному межгосударственному сотрудничеству как внутри ЦА, так и между ЦА, Южным Кавказом и ЕС, особенно в сферах

¹⁸³ Указ. соч. — С. 31.

¹⁸⁴ European Community Regional Strategy Paper for Assistance to Central Asia for the period 2007–2013. — June, 2007. **145**

энергетики, транспорта, экологии и образования. В рамках этой помощи будут объединены приоритеты программ регионального сотрудничества для ЦА с приоритетами региональной стратегии для восточных соседей ЕС (программы Европейского инструмента добрососедства и партнерства).

4. Центральноазиатские политики отдельных стран Западной Европы

Германия. В ЦА наибольшую активность из всех европейских стран проявила ФРГ. Интерес Германии к ЦА связан с двумя факторами. Во-первых, в регионе на момент распада СССР была большая немецкая диаспора. Согласно переписи 1989 г. в Казахстане проживало 957 518 немцев, в Кыргызстане – 101 309, в Узбекистане – 39 809, в Таджикистане – 32 671, в Туркменистане – 4 434. Первые немецкие поселения появились на берегах Сыр-Дарьи в 1882 г. К 1914 г. немецкое население составляло около 5 % от общего числа жителей территорий современного Казахстана¹⁸⁵. Численность этнических немцев в ЦА резко увеличилась благодаря сталинским депортациям народов (прежде всего, из-за ликвидации автономии немцев Поволжья и выселения бывших немецких колонистов из Крыма и других частей Украины).

В постсоветский период развернулась активная миграция немцев из ЦА на свою историческую родину. Тем не менее правительство ФРГ не форсировало этот процесс, пытаясь создавать благоприятные условия для жизни и культурного развития немцев в ННГ ЦА. А это требовало активного вовлечения в жизнь, прежде всего, Казахстана и Кыргызстана.

Во-вторых, в силу географического положения Германии в глубине европейского хинтерланда, активная восточная политика была ее традиционной особенностью по сравнению с государствами, расположенными на западных окраинах континента (Великобритания, Франция). После распада СССР и Восточного блока перед ФРГ открылись огромные возможности активизации политики в этом направлении. Германия в постсоветский период была постоянным инициатором расширения внимания ЕС к региону в рамках выработки кол-

¹⁸⁵ Brown A. J. The Germans of Germany and the Germans of Kazakhstan: A Eurasian Volk in the Twilight of Diaspora/ Andrew J. Brown// Europe-Asia Studies. – № 4. – June 2005. – P. 627.

лективного подхода. Интересно, что такая характерная черта политики ЕС в ЦА, как стремление «не раздражать» Россию, также, очевидно, связана с немецкими приоритетами.

Иными словами, цели центральноазиатской политики Германии часто оказывались иерархически подчиненными целям ее политики в отношении России. Даже проекты «альтернативной транспортировки», являющиеся основным предметом разногласий с Россией, часто использовались как инструмент в отношениях с ней же. Например, европейская политика «энергетической диверсификации» по отношению к ЦА частично является, как нам представляется, ответом на неготовность России следовать принципам «европейской энергетической хартии». Поскольку Европа воспринимает Россию как энергетического игрока, действующего по своим собственным правилам и способного через эту сферу оказывать давление на страны ЕС, она пытается, в свою очередь, использовать проекты «альтернативной транспортировки» центральноазиатского энергетического сырья как инструмент в отношениях с Россией.

Германия с начала 1990-х гг. и по настоящее время является крупнейшим донором стран ЦА. Причем, в отличие от других западноевропейских государств, она оказывает поддержку абсолютно всем центральноазиатским странам. В среднем, ежегодный размер этой помощи составляет порядка 60 млн евро. В 2006 г. в торговле ЦА Германия занимала также привилегированное по отношению ко всем другим странам ЕС место (первое — в экспорте и третье в импорте Казахстана; четвертое — в импорте Узбекистана и пятое место — в импорте Туркменистана). Следует также учесть, что часть транзитной торговли с ЦА других стран Западной (Швейцария, Нидерланды, Австрия) и Восточной (Россия, Украина) Европы, связана с реэкспортом немецких товаров или, напротив, с перепродажей центральноазиатских товаров в Германии.

ФРГ была одним из первых европейских государств, признавших независимость стран ЦА. Немецкие посольства в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане были открыты в 1992 г., в Таджикистане и Туркменистане — в 1993 г. Германия является единственной европейской страной, которая имеет свои посольства во всех пяти центральноазиатских странах.

Центральноазиатские приоритеты Германии в начале — се-

разных уровнях. Так, в Казахстан в 1991–1996 гг. имели место три визита на уровне глав государств и правительств, два — на уровне министров иностранных дел, два — на уровне руководителей министерств обороны; в Узбекистан — три визита на уровне руководителей государств и правительств, один — на уровне глав МИД, один — на уровне глав МО; в Кыргызстан имели место два визита на уровне руководителей государств и правительств; два — на уровне глав МИД, ни одного на уровне руководства МО. В то же время с Таджикистаном и Туркменистаном не было ни одного обмена визитами на перечисленных выше уровнях¹⁸⁶.

В начале 1990-х гг. особое внимание ФРГ было обращено на Казахстан. Кроме богатых запасов сырья, наличия большой немецкой диаспоры и реформаторского имиджа руководства это вызывалось и наличием в стране ядерного оружия. Германия, как и другие участники западной коалиции, была заинтересована в скорейшем возвращении этого оружия в Россию. Другим приоритетом центральноазиатской политики Германии в начале 1990-х гг. был Кыргызстан. Он в наибольшей мере продвинулся по пути построения конкурентной политической системы и обладал второй по численности в регионе немецкой диаспорой.

В апреле 1992 г. президент Кыргызстана посетил Германию и встретился с президентом ФРГ Р. фон Вайцзеккером и канцлером Г. Колем. В мае 1992 г. Германию посетил премьер-министр Казахстана С. Терещенко. А в сентябре того же года состоялся визит в ФРГ президента Казахстана Н. Назарбаева, подписавшего с канцлером Г. Колем совместную декларацию, заложившую основы двустороннего сотрудничества. Аналогичный документ был подписан с Кыргызстаном в августе 1992 г.

Развивались и военно-политические связи Германии с Казахстаном. В августе 1993 г. министрами обороны двух стран была подписана совместная декларация, наметившая основные направления военного сотрудничества: обмен опытом между армиями двух стран, в частности, в области реализации Договора об ОВСЕ и мер укрепления доверия и безопасности, строительства вооруженных сил и их интеграции в демократическое общество, материально-технического обеспечения в

148 ¹⁸⁶ Агульян Д. Политика Германии в отношении стран СНГ/Д. Агульян. — Исследование ЦМИ МГИМО. № 14. — М., 1999. С. 33 — 34.

рыночных условиях, конверсии, минимизации отрицательных экологических последствий деятельности вооруженных сил. Декларацией также предусматривалось участие военнослужащих двух стран в различных формах подготовки и обучения¹⁸⁷. В ноябре 1995 г. было подписано двустороннее казахстанско-немецкое соглашение об оказании содействия в подготовке военнослужащих.

На протяжении всей первой половины 1990-х гг. Казахстан лидировал в торговле Германии с ЦА. Во второй половине 1990-х гг. он уступил эту роль Узбекистану. В этот период в торговле Казахстана с Европой на первое место стала выходить нефть, а Германия не имеет столь сильных энергетических ТНК, как Великобритания, Франция и Италия.

Львиная доля немецкой экономической помощи ЦА в первые годы после распада СССР также направлялась в Казахстан и Кыргызстан. В мае 1994 г. в результате межправительственных переговоров было достигнуто соглашение о выделении Казахстану 55 млн марок для строительства жилья и модернизации производства строительных материалов и транспорта. Из 87,82 млн марок технической помощи, предоставление которых к 1997 г. было одобрено ФРГ, 19,5 млн было выплачено в 1994 г., 9,77 млн — в 1995 г. и 8,5 млн — в 1996 г. В 1995 г. Казахстан стал объектом наибольшего притока немецких прямых инвестиций в регионе. К концу 1994 г. их совокупный объем составил 150 млн марок¹⁸⁸. В 1994 г. Кыргызстану была оказана финансовая помощь в размере 23 млн марок. Помимо этого Кыргызстан получил 6,6 млн. марок в рамках технического сотрудничества. В 1995 г. объем технической помощи составил 9,5 млн, а финансовой — 20 млн немецких марок. В 1996 г. эти цифры составили соответственно 6,5 млн и 20 млн марок. К началу 1995 г. в Кыргызстане были созданы 80 совместных предприятий с участием немецкого капитала¹⁸⁹.

В целом ФРГ продолжала проводить политику активного сотрудничества с Казахстаном и Кыргызстаном, как она сложилась в начале 1990-х гг., вплоть до настоящего времени.

Сотрудничество Германии с Узбекистаном в самом начале 1990-х гг. было более скромным, чем с Казахстаном и Кыр-

¹⁸⁷ Указ. соч. — С. 23.

¹⁸⁸ Указ. соч. — С. 24.

¹⁸⁹ Там. же.

гызстаном. Причиной был выбор этой страной авторитарной модели развития в сочетании с более медленным темпом экономических реформ (отказ от «шоковой терапии» по рецептам МВФ). Население Узбекистана в пять раз больше населения Кыргызстана. Однако этой стране в рамках оказания технической помощи в 1994 г. было выделено всего 6 млн марок. К апрелю 1994 г. было зарегистрировано лишь 15 совместных узбекско-германских предприятий.

Тем не менее во второй половине 1990-х гг. Узбекистан стал сближаться со странами Запада. Узбекистан – самое большое по населению и самое сильное в военном отношении государство региона, стратегически расположенное в его центре и пытающееся играть роль «фокуса» центральноазиатской интеграции. Кроме того, Узбекистан все активнее дистанцировался от России, пытаясь превратиться в самостоятельный «полнос» силы. С этой целью к середине – второй половине 1990-х гг. он пытался опереться на поддержку США и других стран Запада.

В связи с этим улучшились и немецко-узбекские отношения. Более того, эта страна стала соревноваться с Казахстаном за роль ключевого партнера ФРГ в регионе. Основы сотрудничества ФРГ с Узбекистаном были заложены в 1993 г., когда Германию посетил президент И. Каримов. Переломным моментом в отношениях между двумя странами стал 1995 г. В тот год между двумя странами прошел обмен визитами на уровне президентов. В октябре 1995 г. было заключено соглашение о содействии в подготовке военнослужащих, а в июне 1996 г. Германию посетил министр обороны Узбекистана генерал – полковник Р. Ахмедов.

К середине 1990-х гг. Узбекистан вышел на первое место в регионе как получатель немецкой экономической помощи. С 1994 г. он также занял первое место в регионе по объему торговли с Германией, опередив по данному показателю Казахстан. Основными предметами германского импорта из этой страны стали золото и хлопок. В свою очередь, Узбекистан ввозит главным образом немецкие машины, транспортные средства, продовольствие.

На протяжении всех 1990-х гг. Таджикистан и Туркменистан не были объектами интереса Германии. В первом случае этому препятствовала гражданская война и ее последствия, во втором – одиозность режима Сапармурата Туркменбаши.

Сотрудничество между Германией и странами ЦА стало серьезно усиливаться с начала 2000-х гг. Тому были две основные причины. Во-первых, расширение ЕС привело к тому, что постсоветское пространство превратилось в его ближайшее окружение. Во-вторых, ЦА стала играть все большую роль с точки зрения обеспечения безопасности Европы (особенно, в свете антитеррористической операции «коалиции желающих» во главе США в Афганистане и стабилизационной постконфликтной операции НАТО). В этом контексте особенно укрепились военно-политические контакты ФРГ с теми странами, где расположены базы НАТО. Несмотря на санкции, введенные западными странами против Узбекистана после событий в Андижане, Германия сохранила тыловую базу в узбекском городе Термезе. Немецкие военнослужащие использовали и базу в аэропорту «Манас» в Кыргызстане.

На начало нового тысячелетия также пришла активизация отношений Германии с Туркменистаном и Таджикистаном — двумя странами ЦА, которые на протяжении 1990-х гг. практически не входили в сферу ее интересов.

Ряд немецких компаний (например, «Сименс») получил крупные заказы в Туркменистане еще в 1990-е гг. Они участвовали в реконструкции Туркменбашинского комплекса нефтеперерабатывающих заводов, строили газокомпрессорные и телефонные станции, клиники и диагностические центры¹⁹⁰.

Предварительные обсуждения возможности привлечения немецких инвестиций в газопроводные проекты Туркменистана имели место еще в 1997 и 2002 гг.¹⁹¹ Германия выражала свою заинтересованность в двух проектах транспортировки газа: транскаспийском и трансафганском. Оба проекта до сих пор не реализованы из-за различных политических трудностей (конфликт в Афганистане, напряженные отношения между Пакистаном и Индией, серьезная оппозиция со стороны России и Ирана). В ноябре 2006 г. в ходе визита в Туркменистан министра иностранных дел Германии был намечен ряд перспективных направлений туркмено-германского сотрудничества: нефтегазовая сфера, перерабатывающая промышленность, коммуникации и здравоохранение.

¹⁹⁰ См: www.dw-world.de 03.11.06.

¹⁹¹ См: www.turkmenistan.ru 02.07.02.

После начала операции антитеррористической коалиции в Афганистане руководство Таджикистана стало эволюционировать от преимущественной ориентации на Россию к более активному сотрудничеству со странами Запада. В связи с этим произошла и активизация таджикско-немецких отношений.

В мае 2002 г. в г. Душанбе состоялись межправительственные таджикско-германские переговоры, по итогам которых был подписан меморандум. После этого были проведены межправительственные переговоры о финансовом и техническом сотрудничестве: 22–25 июля 2003 г. – в Берлине и 26–27 октября 2004 г., 10–17 сентября 2005 г. – в Душанбе, в ходе которых были определены направления сотрудничества в основных областях. В ходе последней встречи был подписан совместный германо-таджикский протокол. Последние межправительственные переговоры состоялись 28–29 сентября 2006 г. в г. Бонне¹⁹². В марте 2003 г. состоялся визит Президента Таджикистана Э. Рахмонова в ФРГ, что придало импульс развитию двусторонних политических и экономических отношений¹⁹³.

В настоящее время в Таджикистане открыт целый ряд крупных совместных предприятий, в т.ч. «Мах Хуросон», «Мюллер и Шелл», «Зимменс-Шивас ЛТД», «Дружба». Главными направлениями их деятельности являются производство строительных материалов, внедрение германской техники, производство и реализация декоративно-облицовочных строительных камней, производство и реализация сельскохозяйственных продуктов, внедрение передовой зарубежной техники и технологий¹⁹⁴. Между двумя странами активно осуществляются парламентские связи, контакты в сфере культуры и образования.

Во многом, именно благодаря активной позиции Германии, ЕС смог, наконец, в 2007 г. выработать совместную центральноазиатскую стратегию.

Еще в октябре 2006 г. делегация МИД Германии во главе с директором политического департамента Михаэлом Шеффером совершила визит во все государства ЦА. В его ходе было заявлено о стремлении ЕС пересмотреть свои отношения со странами ЦА и занять более активную и неза-

¹⁹² См: www.mfa.tj

152 ¹⁹³ Гусев Л.Ю. Векторы сотрудничества Центральной Азии с Германией. Рукопись.

¹⁹⁴ См: www.mfa.tj

висимую по отношению к США позицию в этом регионе¹⁹⁵. В ноябре 2006 г. центральноазиатское турне совершил министр иностранных дел Германии Франк Вальтер Штайнмайер.

В 2007 г. Германия стала председательствовать в ЕС. 28 марта 2007 г. в Астане впервые состоялась встреча «тройки» ЕС с министрами иностранных дел всех пяти центральноазиатских государств. В ходе этой встречи были обсуждены вопросы формирования региональной стратегии ЕС. В июне и в октябре 2007 г. в ходе немецкого председательства в Совете Европейского Союза были приняты два ключевых документа: "Стратегия помощи ЕС Центральной Азии на период 2007–2013гг." и «Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства». Канцлер Германии Ангела Меркель выступила с предложением включить страны ЦА в «политику добрососедства», также инициированную ранее Германией для других постсоветских стран (в настоящее время страны региона условно называют «соседями наших соседей»)¹⁹⁶.

30 июня 2007 г. министр иностранных дел ФРГ пригласил пять своих коллег из ЦА в Берлин, на вторую встречу в этом формате¹⁹⁷. В ее ходе он представил разработанную под председательством Германии стратегию помощи ЕС по ЦА, одобренную в ходе заседания Европейского Совета 21–22 июня в Брюсселе.

Великобритания. Центральноазиатская политика Великобритании в 1991–2008 гг. диктовалась двумя соображениями.

Во-первых, приоритетом трансатлантического партнерства с США и специфическим «скептическим» и «неактивистским» отношением к европейской интеграции. Парадоксально, что старый участник «Большой игры», который мог бы многому научить другие западные страны в плане повышения эффективности политики на Востоке, в целом, просто следовал в русле американских (в рамках политики Запада) и немецких (в рамках политики единой Европы) инициатив.

Во-вторых, английский бизнес (корпорация «BP») был одним из главных инициаторов интереса Запада к энергетическим ресурсам Каспийского моря. Только в этой сфере сказался старый колониальный опыт Великобритании. Правда, следует

¹⁹⁵ См: www.newscentralasia.com 11.10.06.

¹⁹⁶ См: www.ng.ru 28.05.07.

¹⁹⁷ См: <http://www.auswaertiges-amt.de> 01.07.07.

отметить, что интересы английских энергетических компаний сильнее в Азербайджане, чем на Восточном побережье Каспия. Именно они, наряду с американскими партнерами, были одним из главных источников серьезной переоценки размеров запасов в азербайджанском секторе Каспия в середине 1990-х гг.¹⁹⁸

Великобритания является, наряду с Германией, крупным источником экономической помощи Таджикистану и Кыргызстану.

Франция. Политика Франции в ЦА, в целом, диктовалась традиционным для этой страны стремлением играть роль крупной и независимой от США силы в странах «третьего мира». Однако для Франции, как и для Великобритании, этот регион, в отличие от их старых колоний в Африке и Азии, не был предметом серьезного внимания. Сильнее всего экономические позиции Франции в Казахстане (она занимает пятое место в его экспорте). После начала антитеррористической компании наиболее важные военно-политические интересы Франции в регионе сосредоточены в Таджикистане, где она имеет военную базу.

Италия является крупным игроком в энергетике Казахстана. Ей принадлежит четвертое место в экспорте этой страны.

Нидерланды занимают первое место в экспорте Таджикистана (они выступают транзитным и распределяющим центром). Кроме того, Нидерланды являются еще и крупным источником внешней помощи для Таджикистана. Точно так же *Швейцария* занимает первое место в экспорте Кыргызстана.

Из стран Восточной Европы — членов ЕС наиболее сильные экономические позиции занимает *Польша* (2 место в экспорте Узбекистана в 2006 г.). Иногда она также чрезвычайно неудачно пыталась играть роль политического посредника между европейскими структурами и центральноазиатскими странами.

После Германии крупнейшими спонсорами в ЦА являются такие европейские страны как *Великобритания*, *Нидерланды* и *Швеция*. Правда, в отличие от ФРГ они оказывают поддержку не всем центральноазиатским странам, а преимущественно

¹⁹⁸ См., например: Расизаде А. Миф об углеводородном изобилии Каспия / Р. Расизаде // Центральная Азия и Кавказ — 2001. — № 4. — С. 19–32. Некоторые российские эксперты полагают, что это было сделано сознательно, в лоббистских целях, для изменения политики США и стран Запада по отношению к Азербайджану и странам Центральной Азии.

Кыргызстану и Таджикистану, что объясняется разного рода гуманитарными соображениями.

Ватикан и распространение западных версий христианства в ЦА. Несмотря на то, что преобладающей религией среди коренного населения центральноазиатских стран является ислам, в нем существует определенный потенциал для распространения западных версий христианства (католицизма и протестантизма). Это связано, прежде всего, с неглубокими корнями ислама на территории Казахстана и Кыргызстана и очень высокой веротерпимостью местных властей. В Узбекистане и Таджикистане перспективы распространения католицизма и протестантизма очень слабые, что обуславливается значительной исламизацией населения. В Туркменистане «глубина» исламской традиции намного меньше, но там власти занимают ярко выраженную «антипрозелитистскую» позицию. Официально разрешены лишь суннитская версия ислама (для коренного населения) и православие (для русскоязычных).

Распространение католичества и протестантизма в ЦА имеет как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические аспекты. С точки зрения внутренней политики оно может стать важным фактором вестернизации и демократизации политических режимов. В частности, сходные процессы имели место в Южной Корее, где распространение христианства создало культурные предпосылки для становления либеральной демократии¹⁹⁹. С внешнеполитической точки зрения распространение западных версий христианства может усилить, прежде всего, позиции США (различные версии протестантизма) и Ватикана (католицизм). В частности, США, выступая за религиозные свободы, активно лоббируют регистрацию различных протестантских церквей в ЦА. Еще более активна политика Ватикана в этом направлении.

Официально католицизм появился на территории Казахстана с самого начала его независимости. Главной причиной этого было наличие польского католического меньшинства. Позиции католицизма в стране были оформлены благодаря заключению Казахстаном и Ватиканом соглашения о взаимных отношениях, в соответствии с которыми Ватикан получил

¹⁹⁹ Huntington S. P. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century/ S. P. Huntington. — Norman and London: University of Oklahoma Press. 1991. — P. 82–84.

право и на образовательно-просветительскую деятельность. Еще более активными казахстанско-ватиканские отношения стали после государственного визита в Казахстан папы Иоанна Павла II в 2001 г. На сегодня Ватикан имеет в Казахстане одну епархию (Карагандинскую) и три апостольские администратуры, два монастыря и около 60 костелов (это уже сопоставимо с 240 православными храмами на территории Казахстана)²⁰⁰.

Важным фактором стало распространение католицизма среди этнических казахов. Сегодня уже почти половина приходов. В ближайшее время Ватикан планирует расширить свою деятельность на западные нефтедобывающие регионы Казахстана, где «присутствуют католики-итальянцы»²⁰¹.

В современном Кыргызстане католическая церковь была официально зарегистрирована в 2002 г., но впервые она получила легальный статус согласно советским законам еще в 1969 г. Миссия Папского престола впервые появилась в стране в 1997 г. Представители Ватикана посетили Кыргызстан также в 2001 г., обсудив с властями вопросы регистрации католической церкви²⁰².

Перспективы распространения католичества и других западных версий христианства среди коренного населения страны очень хорошие, учитывая то, что среди киргизов (особенно, на севере страны) ислам пустил не очень глубокие корни. Например, число мусульман в стране, составлявшее 84 % в 2001 г., сократилось до 79,3 % в 2004 г. С 1996 г. было официально зарегистрировано 1 103 миссионеров, из которых 851 были христианами, 252 — мусульманами. Правда, инициатива распространения христианства среди местного тюркского населения относится, в основном, к протестантским группам (самая многочисленная из них — Церковь Христа, 30 % прихожан которой являются киргизами).

²⁰⁰ Кокгыш К.Е. Политическая ситуация в Казахстане. Перспективы и сценарии развития. Рукопись.

²⁰¹ Там же.

156 ²⁰² Число мусульман в Кыргызстане сокращается - госдеп США // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=2864>

Глава 4. Азиатские союзники стран Запада

Механизмы работы западной коалиции на юге постсоветского пространства и сложность согласования интересов и подходов за пределами ее «евроатлантического ядра» четче всего видны на примере центральноазиатских политик ближайших азиатских союзников США: Израиля, Турции и Японии. На примере этих стран четко видны цели их привлечения в регион в качестве ближайших союзников США: использование для нужд западной коалиции специфических типов ресурсов, которыми они обладают (этнокультурные и идеологические связи Турции с ЦА, диаспорально-сетевая сила Израиля и экономико-технологическая мощь Японии).

В то же время, анализ политик Израиля, Турции и Японии показывает, что в условиях распада монополярной модели мира и роста глобальной неопределенности согласование интересов США и стран ЕС с азиатскими государствами оказывается все более сложным. Даже ценность такого верного союзника США как Израиль в ЦА после неудачи проекта «Большого Ближнего Востока» все больше оказывается под вопросом. Япония, будучи надежным партнером США в политической сфере, с геоэкономической точки зрения все больше выступает в ЦА в качестве представителя коалиции стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Надежность прозападной ориентации Турции в начале третьего тысячелетия также во все большей степени ставится под сомнение.

1. Израиль – центральноазиатский посредник Запада?

Израиль, при всей несомненной специфике еврейского государства, обычно воспринимается на Востоке как органическая часть Запада, иудео-христианского мира, его «форпост» на Ближнем Востоке и даже «еще один штат США» и т.д. Хотя все это, очевидно, является очень большим упрощением и преувеличением, для возникновения подобной точки зрения имелись определенные основания. Израиль является основным ближневосточным союзником США и таких активных членов НАТО, как, например, Турция. В этом плане Израиль как центральноазиатского игрока вполне можно отнести к западной коалиции.

Тем не менее этот игрок по сравнению с другими членами западной коалиции обладает целым рядом весьма специфических ресурсов.

А. Территориальное расположение в «сердце» исламского мира и большой опыт общения со странами Востока

Израиль, в отличие от США и Европы, расположен внутри исламского мира. Это — одна из самых экономически развитых стран региона Ближнего и Среднего Востока и ЦА. Его хозяйство имеет самый наукоемкий и инновационный характер в этой части мира. По размеру ВВП (132,5 млрд долларов в 2007 г.) он занимает четвертое место в регионе (после Турции, Саудовской Аравии и Ирана). Израильская армия также по совокупности количественных и качественных показателей является самой сильной на Ближнем Востоке (возможно, правда, сопоставимой по силе с турецкой). Сила израильской экономики и обладание целым рядом хорошо адаптированных для аридного региона технологий в области, например, сельского хозяйства или медицины, делает эту страну притягательным партнером для бывших советских республик Средней Азии и Казахстана. Наконец, важным обстоятельством является то, что, скажем, в отличие от немцев, израильяне за последние полвека накопили очень большой опыт эффективной работы в специфических условиях стран Востока. Причем, необходимость адаптации к враждебному Израилю исламскому миру только способствовала в развитии различных эффективных внешнеполитических технологий.

Б. Опора на диаспоральные сети

Израиль имеет возможность в проведении своей политики опираться на еврейские диаспоры, живущие во всех странах мира. На этот объективный фактор нанизывается фактор субъективный. Центральноазиатские элиты (частично, под влиянием «антисионистской» пропаганды советских времен) сильно преувеличивают роль еврейского лобби в Америке и в Западном мире в целом, что вообще характерно не только для постсоветского пространства, но и для исламского мира. Это восприятие Израиля как страны, «которая может добиться от США любого нужного ей решения», сильно увеличивает вес еврейского государства в глазах руководителей ННГ ЦА.

Например, И. Каримов (по некоторым данным, при помощи бухарских евреев, тесно исторически связанных с его собственным самаркандским кланом) неоднократно пытался

получить израильское посредничество в деле улучшения отношений Узбекистана и США. Связи между Узбекистаном и живущими по всему миру бухарскими евреями продолжают сохраняться и развиваться. Так, в 2008 г. Узбекистан посетила делегация Всемирного конгресса бухарских евреев, в состав которой входили многие известные в Израиле и мире бизнесмены²⁰³.

Еврейское лобби в Америке также предпринимало усилия с целью гармонизации политики США и Израиля в ЦА. В частности, оно поддерживало проведение через Конгресс различных программ, предусматривавших трехстороннее сотрудничество в ЦА с участием США и Израиля. В рамках такого рода программ Израиль часто выступал посредником, обеспечивавшим эффективное использование американских средств.

Важным ресурсом Израиля являются также эмигранты из бывшего Советского Союза, в том числе его центральноазиатской части, которые хорошо знают регион, его культурные особенности, владеют русским или даже местными языками.

Израильские бизнесмены успешно реализуют целый ряд коммерческих проектов. Известный израильский миллиардер Шауль Айзенберг сделал крупный вклад в реконструкцию Карагандинского металлургического комбината. Некоторые еврейские бизнесмены (например, руководитель компании «Мерхав» Й. Майман) также эффективно служили посредниками между Западом и Сапармуратом Туркменбаши. Последний был женат на еврейке. Его личными средствами распорядился еврей А. Жадан, который был одним из немногих людей, кому доверял пожизненный президент Туркменистана²⁰⁴.

Оборотной стороной специфических ресурсов Израиля являются и его специфические минусы в качестве центральноазиатского игрока. Во-первых, в массовом сознании жителей исламского мира еврейское государство имеет имидж «главного врага» мусульман. Для стран, большинство населения которых, составляют люди, идентифицирующие себя с исламской тради-

²⁰³ Делегация Всемирного конгресса бухарских евреев посетит Узбекистан// <http://eastime.ru/news/1/1/504.html>

²⁰⁴ А. Жадан был управляющим делами еще в ЦК КПТ. А доверие к нему Ниязова, по некоторым данным, проистекает из того, что будущий первый президент Туркменистана помог А. Жадану в ситуации со странным исчезновением партийных денег.

цией, это — серьезный недостаток. Во-вторых, ресурсы Израиля все же достаточно малы для того, чтобы играть существенную роль в структуре международных взаимодействий в ЦА. Скажем, объемы взаимной торговли достаточно невелики. К тому же, Израиль слишком занят проблемами Ближнего Востока. Все это мешает тому, чтобы Израиль стал ключевым игроком в Центральноазиатском регионе²⁰⁵.

В целом, отношения Израиля с ННГ ЦА развивались достаточно динамично с самого начала 1990-х гг. Он одним из первых признал независимость государств региона. В 1992 г. Израиль посетил премьер Казахстана Терещенко, в 1993г. — А. Акаев. Причем это был второй президент страны с мусульманским населением, нанесший визит в Израиль, после президента Египта А. Садата. В 1995 г. Израиль посетили президент Туркменистана С. Ниязов и президент Казахстана Н. Назарбаев. Мы уже отмечали, что президент Узбекистана И. Каримов пытался использовать Израиль как посредника в отношениях с США, особенно, после кризиса, возникшего в двухсторонних отношениях в 1993 г.²⁰⁶ В свою очередь, Казахстан предлагал Израилю свое посредничество в переговорах с арабскими странами (1995 г.).

В начале 1990-х гг. Израиль ставил в данном регионе следующие задачи:

1. Найти новых союзников в исламском мире, расколов уже и так слабый единый антиизраильский фронт.
2. Наладить экономическое сотрудничество, что имеет большие перспективы в силу хозяйственной взаимодополняемости. Израиль чрезвычайно беден сырьем, а ЦА им богата. Напротив, Израиль имеет развитую промышленность и достаточно интенсивное сельское хозяйство.
3. Израиль не заинтересован в доминировании ни одной из стран в Центральноазиатском регионе. Наиболее выгодно для него соревнование различных сил. Особенно, если оно отвлечет внимание исламских стран, например, Ирана или арабских государств от борьбы против еврейского государства. Не в

²⁰⁵ Обычно его причисляют к игрокам «второй линии» - Blank St. Energy, Economics and Security in Central Asia. Russia and its rivals/ Stephen Blank// Central Asia Survey. — vol. 14. — 1995. — № 3. — P. 373.

²⁰⁶ Известия. — 1994. — 5 июля.

интересах Израиля и региональное доминирование Москвы, так как она не является его постоянным союзником.

К середине 1990-х гг. на первый план в центральноазиатской политике Израиля выдвинулась идея «Большого Ближнего Востока»²⁰⁷. Она уже была описана выше. Суть ее состояла в том, чтобы путем манипуляций с региональной идентичностью «растворить» враждебные еврейскому государству исламские арабские страны в дружественных ему мусульманских ННГ. Кроме того, при утверждении такого понимания пространственного положения ЦА, Израиль мог рассчитывать на роль *главного посредника Запада в этом регионе*. В результате, все специфические ресурсы Израиля умножились бы многократно и превратили бы его в ключевого центральноазиатского игрока.

К концу 1990-х и, особенно, после 11 сентября 2001 г. проект «Большого Ближнего Востока» был постепенно забыт, так как цели «войны с терроризмом» выдвинули на первый план идею «Большой Центральной Азии». Однако интересам Израиля в наибольшей мере соответствовал совершенный администрацией Дж. Буша-младшего сдвиг фокуса «войны с терроризмом» с Афганистана на Ирак и, потенциально, даже на Иран. В связи с этим ЦА стала постепенно уходить из сферы существенных внешнеполитических интересов Израиля.

В целом, после фактического краха идеи включения ННГ в «Большой Ближний Восток» Израиль вряд ли может рассчитывать на то, чтобы играть роль привилегированного игрока, посредничающего между Западом и ЦА. Тем не менее его возможности в регионе по-прежнему достаточно велики. Израиль — одна из немногих развитых стран на Востоке, следовательно, он всегда будет желанным экономическим партнером для рассматриваемого региона. Центральноазиатские государства в обозримом времени не присоединятся к стану его противников. Опыт работы в странах «третьего мира», накопленный израильтянами, наряду с возможностью активного использования диаспоральных сетей также является долгосрочным преимуществом этой страны по сравнению с другими игроками Запада.

²⁰⁷ Lewis B. Rethinking the Middle East/ Bernard Lewis// Foreign Affairs. — Fall 1992. — P. 99–119.

2. Турция: геополитические зигзаги пантюркизма

А. Ататюркизм и «Тюркский проект»

«Тюркско-турецкий проект» для ЦА не совсем понятен без учета контекста основных идей ататюркизма, который до сих пор является определяющей идеологией Турецкой республики. Мустафа Кемаль (Ататюрк) создал проект радикальной насильственной модернизации и европеизации Турции с опорой на военную силу. При этом Ататюрк был, особенно на первых этапах революции, союзником Советской России и во многом использовал опыт большевиков²⁰⁸.

До сих пор воспитанная в идеях ататюркизма армия считается гарантом светского и прозападного пути развития Турецкой республики. Она систематически вмешивается в политику в тех случаях, когда видит «сдвиг» в сторону от этого пути. А необходимость во вмешательстве возникает постоянно, потому что исламская идентичность у турок сохраняется, и в рамках демократической системы к власти периодически приходят партии, использующие исламистские лозунги. Неразрешимая дилемма — военная диктатура или исламское правление, характерная для современной Турции, была заложена еще в эпоху ататюркизма.

Тюркско-турецкая идентичность, являющаяся важнейшим аспектом кемализма, представляет собой результат сознательного идеологического конструирования в отчаянной ситуации, когда необходимо было спасти остатки Османской империи от окончательного распада и иностранной оккупации. До кемалистской революции у предков современных турок вообще не было общепринятого самоназвания. Высшие, прежде всего, военно-служилые слои общества называли себя «османлы», т. е. османы. Это название перешло и во все европейские языки. Городская и сельская верхушки обычно именовала себя мусульманами, подменяя этническое название религиозным. Этноним «тюрк», т. е. «турок», был самоназванием, распространенным только среди неграмотных крестьян. Во времена Османской империи у турок было три языка: арабский — язык религии; «османский» — язык официальных кругов и городских, образованных слоев (в нем преобладала арабская

²⁰⁸ Большевики также пытались использовать в Центральной Азии опыт некоторых младотурецких генералов, например, приехавшего в Советскую Россию в 1920 г. Энвер-паши.

и персидская лексики в сочетании с тюркской грамматикой); тюркско-турецкий — язык народный, разговорный, преобладавший, прежде всего, в отсталой Анатолии²⁰⁹. Слово «турок» вообще имело для образованных слоев подтекст «неграмотная деревенщина».

Мустафа Кемаль оперся на идею «народности» («лаицизма») в борьбе за республиканскую форму правления со старыми исламскими политическими формами (султанатом и халифатом). Именно в этом контексте он произнес знаменитую фразу: «Какое счастье быть турком!». Сам М. Кемаль, уроженец Фессалоник на Балканах, вряд ли мог считаться этническим тюрком. Он сознательно строил, прежде всего, гражданскую нацию по образцу французской, а не этно-нацию. То есть, все жители Турции, вне зависимости от их этнического происхождения (тюрки, курды, балканские славяне-мусульмане, армяне, греки, евреи) или религии (мусульмане, христиане, иудеи) должны были считаться турками.

Однако новая «гражданская» турецкая идентичность была создана по образцу языка, этничности и культуры анатолийских сельских жителей-тюрков. Она насильственно распространялась на все другие группы населения. Следовательно, внутри ататюркизма имела место амбивалентность гражданского, турецкого компонента и этнического, тюркского. Это и неудивительно, так как у самого Ататюрка турецкое вестернизаторство (гражданская идея) было проникнуто воинственным национализмом (этнонациональная идея).

На эту амбивалентность «наслоилась» другая. Турецкий язык вообще плохо различает понятия «турки» и «тюрки». И то, и другое звучит одинаково («тюрклер»). Когда их хотят дифференцировать, говорят, например, «тюркие тюрклер», т.е. «тюрки Турции». В этом плане *турецкая идентичность слабо отличается от общетюркской*.

Причиной было то, что «турецкие» идеи, например, в период их развития среди реформаторов-младотурков в конце XIX — начале XX века, тесно взаимодействовали с пантюркистскими. У них было много общего: направленность на прозападные реформы и стремление найти новые идеи, интегрирующие

²⁰⁹ Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). — Д.Е. Еремеев. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

исламский мир. Многие идеи младотурков были разработаны в прямом взаимодействии с идеологией российских либеральных реформаторов ислама, чаще всего тюркско-татарского происхождения — джадидов²¹⁰. При этом пантюркистская составляющая турецкой идентичности легко активизировалась всякий раз, как происходило ослабление России (революция 1917 г., распад СССР) или обострялось российско-турецкое противостояние в контексте блоковой политики Турции (Первая мировая война, «холодная война»).

Внутренняя противоречивость ататюркизма определяет высокую степень неопределенности внутри политической системы Турции по линии трех дилемм: исламская традиция или светская, ататюркистская; тюркско-турецкий этнонационализм или гражданская нация; турецкий национализм или пантюркизм? При этом меняющиеся внешние стимулы легко могут «переключать» турецкую внешнюю политику, создавая неожиданные и довольно причудливые зигзаги²¹¹.

Первые «зигзаги» турецкой внешней политики имели место в 1920—1950-е гг. В 1920-е гг. Турция была союзницей Советской России. Затем она стала все больше ориентироваться на европейские державы. В период Второй мировой войны существовала высокая, хотя, к счастью для самой Турции, нереализовавшаяся вероятность ее выступления на стороне держав «оси». После Второй мировой войны Турция вошла в НАТО и на полвека стала одним из самых верных союзников США на юге Европы и на Ближнем Востоке. В этот же период она перешла от «республиканского» авторитаризма к демо-

²¹⁰ См., например: Landau J. M. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation/ Jakob M. Landau. — London: Hurst & Company, 1995; Гаспринский И. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина/ Исмаил-бей Гаспринский. — Симферополь, 1881; Червонная С. М. И. Гаспринский — выдающийся крымско-татарский просветитель и гуманист/ С. М. Червонная// Этнографическое обозрение. — 1992. — № 1. Гаспринского равно можно считать предтечей русского евразийства (он писал о «восточно-русском соглашении»). Однако, равным образом, равным образом, он считается одним из основателей пантюркизма. В современной Турции вообще «евразийство» и пантюркизм — синонимы. Наконец, Гаспринский, несмотря на его либерализм, считается одним из первых панисламистов.

²¹¹ В целом можно считать, что первым «зигзагом» турецкой политики был сам радикальный переворот, совершенный Ататюрком. Все остальное — лишь его последствия, наподобие кругов на воде.

кратии (впрочем, ограниченной периодическими военными переворотами) и подала заявку на вступление в ЕС.

После образования ННГ ЦА наличие общей «тюркской» идентичности четырех центральноазиатских государств (кроме Таджикистана) и Турции стало обоснованием для активной деятельности таких международных структур как регулярные саммиты тюркоязычных государств (например, можно упомянуть такие важные саммиты, как 28—31 октября 1992 г. и 18—19 октября 1994 г. — в Турции, 10 июня 1998 г. — в Казахстане и т.д.) и деятельность Организации дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин (ее 11-й съезд прошел 17—19 ноября 2007 г. в Баку). В рамках сочетания турецкой и общетюркской идентичности было проведено и празднование 75-й годовщины образования Турции в октябре 1998 г.

Между Турцией и центральноазиатскими странами есть много общего и кроме идей тюркского единства. Турция точно так же, как и страны ЦА, имеет мусульманскую культуру. Преобладающая в ней политико-правовая школа интерпретации ислама — ханифитский масхаб суннитского толка — распространена и в ЦА. Эта школа отличается наибольшим либерализмом в противовес ортодоксальности ханбалитского масхаба, распространенного, например, во многих арабских странах (прежде всего, в Саудовской Аравии).

Многие исторические тенденции социально-экономической жизни как в Турции, так и в ЦА сходны. Малая Азия также представляет собой часть исламского мира, затронутую взаимодействием тюркских кочевых и оседлых народов. Этот дуализм кочевой и оседлой культуры сохранялся как в Турции, так и в ЦА вплоть до начала процессов активной модернизации.

Наконец, сами процессы модернизации и в Турции, и в ЦА имели массу сходных черт. В обоих регионах рыночная экономика исторически развивалась, прежде всего, благодаря иностранным и иноверческим влияниям. Даже значительная часть местных капиталистов конца XIX—начала XX вв. и в Турции, и в ЦА были, как правило, немусульманами. Для Турции это — греки, армяне, евреи, левантинцы. Для ЦА — русские, евреи, армяне, татары, персы, китайцы и т.д.

Процессы насильственной модернизации как Турции, так и ЦА в советский период и в период правления Ататюрка, соответственно, также носили в себе очень много сходных черт:

развитие национализма и отказ от исламской идентичности, воинствующий секуляризм, этатизм, большая степень вмешательства государства в социальную, экономическую, культурную жизнь, милитаризация, однопартийная система и т.д.

Все эти черты сходства с самого периода распада СССР дали начало идее позиционировать Турцию как «естественный» для тюркско-исламских народов образец развития по западному, секулярному образцу. Для США это было вполне естественное стремление максимально усилить влияние старого и надежного союзника и расширить область сотрудничества с ним, распространив ее не только на Южную Европу, Ближний и Средний Восток, но и на постсоветское пространство, в особенности – на ЦА и Южный Кавказ. Для Запада это открывало также дополнительную возможность использовать турок как посредников в отношениях с центральноазиатским регионом. Наконец, поддержание тюркско-турецкого проекта давало США возможность контролировать расширение регионального влияния России и, особенно, Ирана.

Б. Соперничество с Россией в 1990-е гг.

Достаточно успешная модернизация Турции, начиная с реформ Ататюрка, бурный рост ее экономики в последние десятилетия и ситуация, сложившаяся после распада СССР, обеспечили для этой страны новые геополитические возможности в центральноазиатском регионе²¹². На протяжении 1990-х гг. Турция часто воспринималась в России чуть ли не как основной соперник в ЦА (частично, она была для российского политического сознания таким же «фантомным кошмаром», каким Иран был для американского). Представляется, что причина заключалась в попытке Турции занять главную историческую нишу России, твердо отвоеванную ею еще в XIX в., т.е. позицию проводника модернизации в ЦА. Для этих претензий Турции были определенные основания.

ВВП на душу населения в РСФСР в советский период был существенно выше, чем в Турции. Однако в результате спада 1990-х годов номинальный ВВП на душу населения в России в 1996 г. (это год стабилизации экономической ситуации!)

²¹² Larrabee F. S., Lesser I. O. Turkish foreign policy in an age of uncertainty/ F. S. Larrabee, I. O. Lesser. — Santa Monica, Arlington, Pittsburgh. 2003; Turkish foreign policy in post Cold war era. Edited by Idris Bal. — Boca Raton (Florida), 2004.

составил 2 410 долл. США, а в Турции – 2 880. В результате распада социалистической экономики структура хозяйства России стала еще более «сырьевой», приблизившись к структуре экономик центральноазиатских стран. Поэтому взаимодополняемость экономик стремительно исчезала. Россия могла быть лишь посредником в поставках сырья в Европу. В то же время Турция к 1990-м гг. превратилась в страну, в экономике которой обрабатывающая промышленность играет существенную роль. Она во все большей мере становилась потребителем импортного сырья, следовательно, возникала экономическая взаимодополняемость с ЦА.

Кроме того, Турция в 1990-е гг. могла похвастаться тем, к чему Россия официально только стремилась: стабильным партнерством с Западом. Ее политические и экономические институты также представлялись намного более надежными и стабильными, а следовательно, привлекательными в качестве образца для подражания.

Особо острое соперничество между Россией и Турцией развернулось в 1990-е гг. Одной из причин этого была активная политика экспансии на постсоветском пространстве, которую вели два «либеральных» и прозападных президента: Тургут Озал (1989–1993 гг.) и Сулейман Демирель (1993–2000 гг.). Можно выделить две области, в которых протекало это соперничество.

Политико-идеологическая область. Турция предлагала новое определение в качестве «тюркского мира» не только ЦА, но и существенной части регионов России. Таким образом, она не только пыталась идеологически вытеснить из России из ее традиционных сфер влияния, но и породить тенденции, угрожающее ее развалом. Эта проблематика особенно обострилась в связи с Первой Чеченской войной. В ее ходе различные неправительственные организации в Турции и общественное мнение поддерживали сепаратистов²¹³. Серьезное противостояние между Россией и Турцией сложилось не только в ЦА и на Кавказе, но и на Балканах. Обе стороны заняли диаметрально противоположные позиции по конфликту в Боснии и Косово. Причем, по всем описанным выше вопросам, позиция Турции, в основном, совпадала с позицией Запада в целом.

²¹³ Впрочем, следует отметить, что и в России общественное мнение в тот период довольно благожелательно относилось к Рабочей партии Курдистана.

Именно Стамбул всегда был одним из мест, где евроатлантическими институтами принимались решения, особенно болезненно воспринимавшиеся Россией. Так, на проведенном 18—19 ноября 1999 г. Стамбульском саммите ОБСЕ был одобрен ряд документов, которые потребовали ускоренного вывода российских войск из Молдовы и Грузии (в том числе, был принят до сих пор вызывающий разногласия адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)). Кроме того, принятие этих документов шло в контексте заключения соглашений о нефтетранспортных маршрутах в обход России (нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и Транскаспийский газопровод). Наконец, в контексте решения проблем безопасности в Грузии и Молдове ускорялись процессы «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве. На саммите НАТО в июне 2004 г. в Стамбуле было решено усилить кавказское и центральноазиатское измерения деятельности альянса.

Энергетическая сфера. Интересы Турции и России в ЦА в 1990-е гг. столкнулись и в разных областях экономики. Наиболее болезненными для России были нефтегазовые противоречия. Турция использовала все политические возможности (тюркскую идею, партнерство с США, войну в Чечне, проблему статуса проливов) для того, чтобы пролоббировать строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан «Основного экспортного маршрута»²¹⁴. *Одновременно разворачивалась борьба за то, чтобы направить по турецкому маршруту также казахстанскую нефть и туркменский газ.* При этом позиции Туркменистана и, особенно, Казахстана постоянно колебались

²¹⁴ См., например: Колобов О.А. Современные турецко-российские отношения: проблемы сотрудничества и перспективы развития/ О.А. Колобов, А.А. Корнилов, Ф. Озбай. – Нижний Новгород – Стамбул: Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета, 2004. – С. 146 – 164; Россия и Закавказье: Реалии независимости и новое партнерство/ Под ред. Р.М. Авакова, А.Г. Лисова. - М.: ИМЕиМО РАН, ЗАО «Финстатинформ», 2000. С. 192–195; Cem I. Turkey in the 21 Century Speeches and Texts Presented at International Fora (1995-2000). Published by RUSTEM/ Cem Ismail. – 2000. – P. 39.

то в пользу турецкого пути²¹⁵, то против него, за сохранение российского пути как основного.

К концу 1990-х гг. острота российско-турецкого противостояния начала несколько спадать. Тем не менее, 19 января 2000 г. министр по связям с тюркоязычными республиками бывшего СССР Турции Абдулхалук Чай заявил, что Турецкая Республика, являясь преемницей великой Османской империи, может и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном и Туркменистаном, даже если ценой тому станет резкое усиление турецко-российской конфронтации. Он также выразил надежду на то, что в будущем в «Тюркское Содружество» удастся включить сла-вянскую Украину и, если повезет, исламский Иран. «Мы, Османская Империя, веками правили этими территориями», — заявил Чай, подчеркнув при этом, что современная Турция обязана выполнить свою «историческую миссию старшего брата стран региона»²¹⁶.

В. Ограниченность турецкого влияния в Центральной Азии и новые геополитические «зигзаги» Турции

Турция как модернизационный образец для ЦА даже в 1990-е гг. во многом была, скорее, продуктом воображения, чем реальностью. По целому ряду социальных и культурных параметров не только Россия, но даже и самые отсталые бывшие советские республики еще недавно значительно превосходили эту страну.

Например, данные о расходах на образование, грамотности и детской смертности в 1989 — 1996 гг. говорит, что Турция по всем параметрам оказывается на предпоследнем месте в списке, включающем Россию, Узбекистан, Таджикистан, Армению, Кыргызстан, Грузию, Казахстан, Туркменистан и Азербайджан!

²¹⁵ Колобов О.А. Современные турецко-российские отношения: проблемы сотрудничества и перспективы развития/ О.А. Колобов, А.А. Корнилов, Ф. Озбай. — Нижний Новгород — Стамбул: Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета, 2004. — С. 146 — 164; Российская Федерация сегодня. — 2001. — № 12. — С. 59.

²¹⁶ Независимая газета. — 2000. — 21 января.

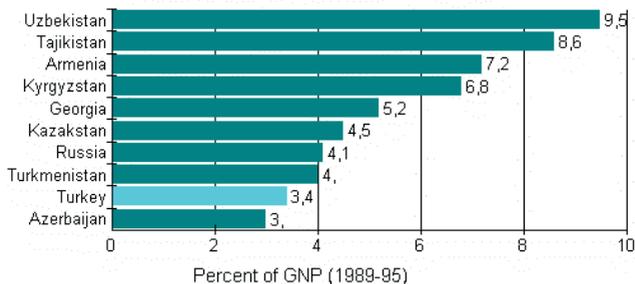

Рис. 8. Расходы на образование в странах Центральной Азии, Южного Кавказа, России и Турции (доля в ВВП) в 1989 – 1995 гг.²¹⁷

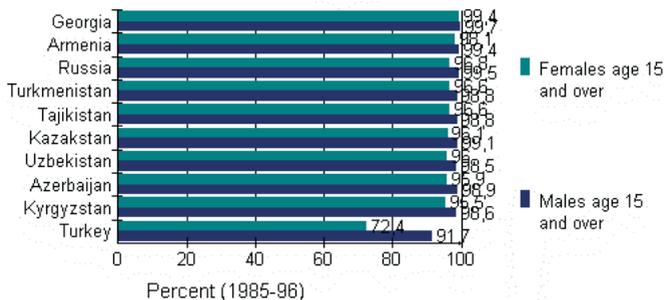

Рис. 9. Грамотность в странах Центральной Азии, Закавказья, России и Турции²¹⁸

²¹⁷ Графики произведены при помощи программы Analyst Encyclopedia

170 Britannica Deluxe Edition CD-ROM, 1999–2000.

²¹⁸ Источник. Там же.

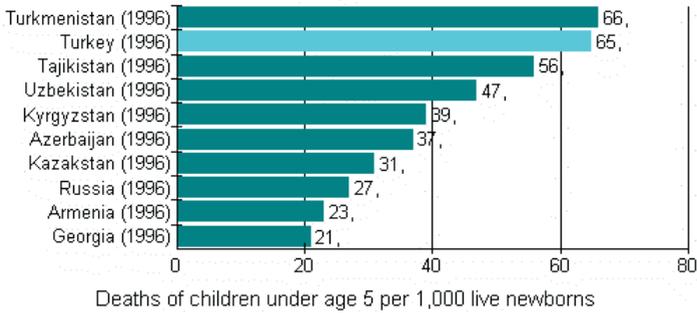

Рис. 10. Детская смертность в странах Центральной Азии, Закавказья, России и Турции²¹⁹

Турции с самого начала не хватало ресурсов для серьезного влияния на ЦА. В период азиатского экономического кризиса 1997 – 1998 гг. она оказалась вообще не в состоянии выполнять свои обязательства в ЦА. За прошедшие с тех пор годы соотношение экономических сил России и Турции радикально изменилось. Экономическое превосходство Турции над Россией оказалось весьма краткосрочным явлением. ВВП России в 2007 г. уже почти в три раза превосходил турецкий, а ВВП на душу населения – почти в 1,5 раза!

Турция оказалась не в состоянии реально освоить потребительские и инвестиционные рынки Центральной Азии и Южного Кавказа. Связи с ней имеют определенное (и очень далекое от решающего) значение для экономики лишь трех стран. В 2006 г. Турция занимала второе место в экспорте нетюркского Таджикистана (31,7%), второе место в импорте Туркменистана (11,1%) и четвертое место в экспорте Узбекистана (7,6%). Н. Назарбаев выразил общее мнение центральноазиатских элит, высказавшись однажды в том ключе, что избавившись от российского «покровительства», ЦА не хотела бы идти под турецкий патронаж.

²¹⁹ Источник. Там же.

В настоящее время влияние Турции на центральноазиатские экономики в силу отсутствия у нее финансовых ресурсов, современных технологий, большого индустриального потенциала, исчерпывается, в основном, строительным бизнесом и экспортом товаров широкого потребления. Турция заняла также достойное место в сфере высшего образования в центральноазиатском регионе. Однако оно отнюдь не является монопольным, будучи вполне сопоставимым с местами России, стран ЕС, США.

Наибольшее значение идеология единства турок и Центральной Азии приобрела в Туркменистане. Это совершенно естественно, т.к. турецкий, туркменский и азербайджанский языки относятся к одной *юго-западной или огузской ветви*. В обеих странах активно распространяется идеологема «два государства — один народ»²²⁰. Таким образом, современные турецкая и туркменская нации возводятся к древним огузам. Однако со времен огузов прошло много лет. Туркмены и турки, несмотря на лингвистическое сходство их языков, обычно не понимают друг друга. Как показала ретрансляция турецкого телевидения в Ашхабаде, содержания произносимого на экране почти никто не понимал. Что касается киргизов, узбеков и казахов, их языки от турецкого и по фонетической, и по лексической структуре достаточно далеки, относясь к другим ветвям тюркской языковой семьи (кипчакской и уйгурско-чагатайской).

Типичным примером может служить введение новых алфавитов на основе латиницы. Почти все тюркские центральноазиатские страны отказались от введенной в сталинские времена кириллицы, что, разумеется, отдалило их от России. Однако ни в одной из центральноазиатских стран не был реализован проект создания общего с Турцией алфавита. Даже в Туркменистане, где благодаря идеологии «одного народа» дело, казалось, шло к принятию турецкого алфавита, был реализован весьма интересный вариант. Эта страна не вернулась к тому латинскому алфавиту, который существовал там в 1920-е гг., но и не приняла турецкий. Был создан новый, совершенно

²²⁰ См., например: Туркменбаши Сапармурат. Рухнама. Т. 1 / Сапармурат Туркменбаши. — Ашхабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002; Türkmenbaşy Saparmyrat. Ruhnama (Ikinji kitap). Tuerkmenin ruhy beýikligi / Saparmyrat Türkmenbaşy. — Ashgabat: Tuerkmen doewlet neshiryat gullugy, 2004.

оригинальный алфавит на основе латиницы, соавтором которого стал Сапармурат Туркменбаши, что и перевесило все остальные соображения.

Нельзя описывать отношения между Россией и Турцией даже в 1990-е гг. исключительно как соперничество. Экономическое сотрудничество между двумя странами также активно развивалось («челночный» бизнес, торговля, строительство, туризм). Крупнейшим проектом, реализованным в российско-турецких экономических отношениях, стал газотранспортный проект «Голубой поток», проложенный по дну Черного моря.

Особенно улучшились отношения между двумя странами в период «борьбы с терроризмом», совпавший с президентством Ахмета Недждета Сезера (2000–2007). В это время Турция стала меньше уделять внимания идеям тюркской интеграции. В результате, острота ее противостояния с Россией в ЦА существенно спала.

Причина этого отвлечения внимания Турции в сторону от ЦА заключалась в целой серии важных взаимосвязанных внешнеполитических и внутривнутриполитических событий. Борьба США с терроризмом привела к вторжению в Ирак и, соответственно, к обострению курдской проблемы. После последнего раунда расширения в 2002 г. все более очевидным становилось нежелание ЕС принимать Турцию в свои ряды. Результатом явилось обострение проблемы Северного Кипра, а также рост антиевропейских, происламских настроений в самой Турции. Последним либеральная, проевропейская элита активно пыталась противостоять. Рост популярности исламистских политиков и, как результат, роли противостоящей им армии привел к тому, что Турция все меньше начинает восприниматься США и ЕС как желательная модель для развития других стран.

При этом не следует карикатурно упрощать картину, представляя, что в Турции борются между собой антизападно настроенные исламисты и прозападные светские силы. Ситуация намного сложнее и многоаспектнее. Правящая исламистская партия (АК) является, в области экономики, наиболее либеральной политической силой, похожей на Республиканскую партию США или Консервативную партию в Великобритании. Во внешнеполитической сфере она активно стремится к вступлению в ЕС и, в этом плане, проводит демократические реформы. Напротив, светские силы, как правило, исповедуют этатистские, националистические и милитаристские лозунги,

выступают за усиление контроля военных над всеми сферами жизни. *В этом плане они, в реальности, оказываются столь же далекими от ориентации на западные образцы, как и исламисты.*

В современной Турции (особенно, из-за отказа в членстве в ЕС и войны в Ираке) наблюдается массовый рост неприязни к Европе, США и Западу в целом. Это проявляется не только в соцопросах, но и в таких показателях, как популярность определенных идей в произведениях искусства. Например, самым дорогим проектом (как по затратам, так и по сборам в кинотеатрах) за всю историю турецкого кинематографа стал фильм «Долина волков». В нем рассказывается о судьбе турецкого спецназа, проводившего операции против курдских экстремистов на территории Ирака. Интересно, что американцы показаны в фильме отнюдь не как союзники. В нем в чрезвычайно утрированной форме показываются пытки и издевательства американских военнослужащих над иракским мирным населением. *Кроме того, в фильме утверждается, что американцы специально убивают иракцев для того, чтобы вывозить их органы в Израиль для трансплантации больным.* Те же тенденции наблюдаются и в других сферах массовой культуры, где популярны идеи «отторжения» современного Запада. Самым популярным литературным произведением последнего времени (намного обогнавшим по тиражам, например, работы лауреата Нобелевской премии Орхана Памука) стал фантастический роман «Стальной шторм», рассказывающий об оккупации Турции войсками США по образцу Ирака.

В условиях, когда из-за нежелания ЕС принимать Турцию в свои ряды, поколебалась основная идея ататюркизма — вестернизация. Некоторые турецкие политики стали пытаться сбалансировать отношения с ЕС и США сближением с Россией²²¹. Это, в свою очередь, призвано повысить ценность Турции как возможного союзника в глазах Запада²²².

В то же время, в 2007–2008 гг. пришедшие к власти умеренные исламисты вновь пытаются активизировать идеи

²²¹ Колобов О.А. Современные турецко-российские отношения: проблемы сотрудничества и перспективы развития/ О.А. Колобов, А.А. Корнилов, Ф. Озбай. - Нижний Новгород – Стамбул: Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета, 2004. – С. 266–312.

²²² Указ. соч. – С. 273.

«тюрского сотрудничества». Так 17–19 ноября 2007 г. в Баку прошел 11-й съезд организации Дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин. Выступая на этом съезде, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, выдвинул инициативу о создании политического союза тюркоязычных государств для координации усилий на важных внешнеполитических направлениях²²³. Избранный в 2007 г. президентом Абдулла Гюль заявляет, что во время президентства А. Н. Сезера отношения со странами постсоветской ЦА были незаслуженно отодвинуты на «задворки» внешней политики. Необходимо уделять им такое же внимание, как и при президенте Сулеймане Демиреле в середине 1990-х гг. Однако учитывая нестабильность внутривнутриполитической ситуации в Турции неизвестно, сколько продержится власть умеренных исламистов, учитывая то, что армия предпринимает действия по их свержению. Например, в 2008 г. генеральный прокурор Турции при поддержке военных направил в Верховный суд страны запрос о признании правящей партии незаконной, как отклоняющейся от светского пути. Правящая партия не была запрещена, но борьба между разными группами внутри политической элиты на этом не прекратилась.

В целом период максимальной активизации «тюрского проекта» для ЦА пришелся на 1990-е гг., после чего он начал постепенно сходиться на нет. Его результаты в плане продвижения интересов Турции по сравнению с масштабами самого проекта оказались скромными. В основном, они относятся к Южному Кавказу (реализация проектов Баку – Тбилиси – Джейхан и Баку – Тбилиси – Эрзерум). Учитывая постоянные «зигзаги» внешней и внутренней политики Турции, трудно в настоящее время сказать, удастся ли вновь возродить идеи тюркской интеграции как прозападный проект модернизации ЦА. Напротив, Турецкая республика может, в условиях высокой неопределенности, сложившейся как в современном мире, так и в ее внутренней политике, окончательно перейти к «игре» на противоречиях между Россией и Западом в ЦА.

²²³ Мосаки Нодар. Турция пытается вернуть тюркскую идею/ Мосаки Нодар// 175 Независимая газета. – 2007. – 26 ноября.

3. Япония: политический, но не геоэкономический союзник Запада?

В целях проводимой Японией политики в ЦА можно отметить определенное противоречие. С одной стороны, в геоэкономическом плане (в силу территориального расположения и экономических интересов) она является одним из представителей коалиции стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). С другой стороны, Япония является активным членом западной коалиции в рамках стратегического партнерства с США.

Можно вычленить достаточно четкое осознание общего геоэкономического интереса у всех стран АТР по отношению к ЦА, проявляющееся в том, что для них наиболее желательным вариантом было бы превращение ЦА в «проекцию» Азиатско-Тихоокеанского региона. Они стремятся к увеличению АТР путем привлечения в него центральноазиатских стран. Последние воспринимаются как его естественный резерв в материковом хинтерланде. Это связано с желанием приобрести новых партнеров, новые источники сырья, новые резервы регионального роста.

Страны ЦА достаточно благожелательно относятся к геоэкономическому проекту расширения АТР на свой регион. Это может в какой-то степени помочь приобщиться к процветанию АТР и способствовать созданию эффективной системы бюрократическо-элитарного контроля над политической, социальной и экономической жизнью по образцу многих конфуцианских государств.

Уже к 1995 г. на торговлю с АТР приходилось 14 % совокупного экспорта центральноазиатской пятерки и 15 % ее импорта. Государства Азиатско-Тихоокеанского региона стали третьим по значимости внешнеторговым партнером ЦА после России и Западной Европы. Объемы торговли с АТР уже тогда заметно превзошли товарооборот центральноазиатских стран (кроме Туркменистана) с такими соседними азиатскими странами как Турция и Иран²²⁴. Львиную долю этой торговли обеспечивали Китай и Южная Корея. Правда, в начале 2000-х гг. доля Южной Кореи в региональной торговле стала резко уменьшаться, а доля Китая, напротив, расти. В основном

²²⁴ Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион/ О.В.

за счет последнего АТР и в настоящее время удерживает важные позиции во внешней торговле Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Меньшую роль он играет для Таджикистана и совсем маргинальную — для Туркменистана (здесь ситуация должна измениться после предполагаемой прокладки газопровода в Китай). Товарооборот Японии со странами региона развивается очень медленно. Проблема в том, что японские товары слишком дорогие и высокотехнологичные. Они предназначены для совсем других рынков.

Инструментом политики «азиатизации» ЦА может быть, прежде всего, экономическая экспансия, прокладка новых транспортных маршрутов. Между тремя основными центральноазиатскими игроками из АТР установилось даже своеобразное «разделение труда». Китай играет роль ведущего торгового партнера, Япония выступает в качестве главного кредитора, а южнокорейские корпорации (особенно, в 1990-е гг.) являлись основными прямыми инвесторами²²⁵.

Для проведения политики «расширения» АТР активно используются и различные международные организации, прежде всего, Азиатский банк развития (АБР). Япония является основным его спонсором. Основная задача АБР в ЦА — уменьшение бедности. Поэтому его работа в основном сконцентрирована в Узбекистане и Кыргызстане. Приоритетными сферами внимания являются образование, здравоохранение, сельское хозяйство. Через АБР также реализуются транспортные проекты, призванные связать ЦА с АТР.

Несмотря на определенные пункты схождения геэкономических интересов, среди стран АТР также очень много разногласий, которые играют свою роль и в формулировании центральноазиатской политики. Китай начинает восприниматься как главный геополитический и геэкономический конкурент США. Япония и Южная Корея — традиционные союзники Соединенных Штатов. Япония, как и многие другие соседи КНР, опасается роста его могущества. С другой стороны, Китай и Южная Корея до сих пор предъявляют претензии Японии за зверства ее военизированной армии во время Второй мировой войны и очень осторожно относятся, в этой связи, к ее попыткам играть роль регионального лидера в экономико-гуманитарной сфере («мягкая сила»).

²²⁵ Там же.

Традиционное военно-политическое партнерство США с Японией находит свое воплощение в ЦА в том, что японцы поддерживают различные американские проекты (строительство «Великого шелкового пути», борьба с терроризмом) экономическими и гуманитарными мерами. Страна восходящего солнца пытается найти пункты согласования между своими интересами как члена западной коалиции и своими интересами в качестве державы АТР. Проект «Великого шелкового пути» – один из наилучших способов такой гармонизации.

Слишком отдаленная территориально ЦА не относится к традиционной сфере японских интересов²²⁶. Большой территориальный разрыв, отсутствие исторических традиций, слабые торговые связи и необходимость следовать в русле стратегического партнерства с США обрекают Японию на преимущественное использование *инструментов мягкой силы*. Однако эта страна в настоящее время находится в состоянии пересмотра всей системы своих внешнеполитических отношений сложившейся в послевоенный период²²⁷. В этом контексте центральноазиатское направление может стать одним из перспективных направлений развития японской внешней политики. Страна восходящего солнца желает позиционировать себя в качестве лидера в Азии. Она, например, пролоббировала предоставление странам ЦА статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США. В свою очередь, Японию интересует увеличение числа государств, поддерживающих ее претензии на членство в Совете Безопасности ООН.

Слабый торгово-экономический интерес к ЦА привел к тому, что прошло почти три года после процесса признания независимости ННГ ЦА, в котором активно участвовала и Япония, прежде чем она открыла там посольства²²⁸.

²²⁶ Хотя есть информация об интересе японских военных к этому региону в период, предшествовавший Второй мировой войне.

²²⁷ Hook G. D. Japan's international relations: Politics, economics and security/ G. D. Hook. – London, New York, 2001; Kawashima Y. Japanese foreign policy at the crossroads: Challenges and options for the 21 century/ Kawashima Y. – Washington, 2003.

²²⁸ Усубалиев Э. «Трансформация Центральной Азии в коридор мира и стабильности» – новая инициатива Японии/ Э. Усубалиев // <http://easttime.ru/analytic/1/5/134.html>

Однако Япония является крупнейшим инвестором в регионе. Она прямо или косвенно финансирует практически все реализующиеся в ЦА проекты развития транспортных сетей (железнодорожной, автомобильной, оптико-волоконной, авиационной). Основная идея, которая при этом выдвигается, заключается в формировании транспортных магистралей, связывающие АТР с Европой, в контексте идеи «Великого шелкового пути» (в партнерстве с США и ЕС). В 1997 г. Япония так и сформулировала свой курс в ЦА, назвав его «дипломатией Великого шелкового пути». В 2004 г. был выдвинут новый план развития отношений. Важным его аспектом явилась идея трансформации ЦА в «коридор мира и стабильности»²²⁹. Для реализации этой цели была создана консультативная группа «Япония + все центральноазиатские государства»²³⁰.

На протяжении всего периода 1991–2008 гг. Япония выдвигала идеи упорядочения трансасиатских транспортных потоков через территорию ЦА. Так, весной 1998 г. японская корпорация «Сумитомо» предложила создать «центры интегрированной логистики» в основных городах ЦА для управления всей центральноазиатской транспортной инфраструктурой²³¹.

Слишком большая зависимость от поставок нефти из нестабильного Ближнего Востока в условиях нерешенной территориальной проблемы с Россией побуждает Японию к поиску альтернативных источников углеводородов. В качестве одного из возможных вариантов диверсификации поставок энергоресурсов в XXI в. рассматривается транспортировка казахстанской нефти и туркменского газа по трубопроводам через территории Казахстана и Китая.

Как мы уже упоминали, Япония выступает в качестве источника экономической поддержки, подкрепляющего военно-политическое влияние США в регионе. Например, по просьбе Соединенных Штатов Япония предоставила экономическую помощь Узбекистану в качестве «поощрения» за

²²⁹ Усубалиев Э. О возможной новой роли Японии в Центральной Азии/ Э. Усубалиев // <http://easttime.ru/analytic/1/5/94.html>

²³⁰ Усубалиев Э. «Трансформация Центральной Азии в коридор мира и стабильности» – новая инициатива Японии/ Э. Усубалиев // <http://easttime.ru/analytic/1/5/134.html>

²³¹ Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-тихоокеанский регион/ О.В. Резникова// Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 4. – С. 100–108.

предоставление антитеррористической коалиции военной базы «Карши-Ханабад»²³². Аналогичным образом, за счет японских средств была осуществлена реконструкция аэропорта «Манас», где затем была открыта американская военная база. Без этой проведенной заранее реконструкции аэропорт не смог бы быть столь эффективно использован²³³.

Заключение

Государства Запада в ЦА вполне можно воспринимать как коалицию игроков, интересы которых в достаточно высокой мере согласованы друг с другом. «Ядро» этой коалиции составляют США и их европейские союзники по НАТО. К нему также при разных обстоятельствах могут примыкать Израиль и Турция, некоторые восточноазиатские страны (Япония). Большую роль в интеграции политики западной коалиции в ЦА играют различные международные наднациональные организации (МВФ, Всемирный банк), региональные структуры безопасности (НАТО и ОБСЕ).

При определении политик стран Запада в Центральной Азии исключительно высока роль негосударственных игроков (ТНК, лоббистских групп, особенно, этнонационального характера и защищающих права человека, представителей научно-экспертного сообщества). Этих акторов вполне можно также воспринимать как вполне самостоятельных международных игроков.

Западная коалиция в ЦА — это довольно сложная и многоуровневая структура, где имеют место комплексные процессы согласования интересов, не исключая, впрочем, определенных расхождений во взглядах и приоритетах (скажем, нельзя ставить знак равенства даже между центральноазиатскими политиками внутри «ядра» этой коалиции — США и стран ЕС). Несмотря на сложный характер западной коалиции, у нее есть лидер, который, при согласовании позиции с другими уровнями и участниками коалиции, обеспечивает выработку наиболее общих приоритетов. Это — администрация

²³² Усубалиев Э. Политика Японии в Центральной Азии — геополитический аспект/ Э. Усубалиев// <http://easttime.ru/analytic/1/5/150.html>

США. Ее позицию в регионе учитывают все другие западные игроки даже в тех случаях, когда это связано с серьезными материальными потерями (это видно на примере блокировки экономически выгодных проектов сотрудничества Турции и стран ЕС с Ираном).

В наибольшей степени общность интересов стран Запада в ЦА связана с тем, чтобы направить регион по пути развития, связанному со становлением рыночной экономики и либеральной демократии, обеспечить ее экономическую, политическую и культурную глобализацию, наладить устойчивое сотрудничество между ЦА и такими региональными интеграционными структурами как ЕС и НАТО. Эти задачи имеют целый ряд важных аспектов в плане проецирования на регион «мягкой силы» США и стран ЕС. В частности, для западных игроков важно избежать роста исламской, постсоветской или азиатистской идентичности ЦА. Последние будут способствовать становлению политических и экономических институтов, ориентированных на альтернативные западной модели развития. Кроме того, это приведет к усилению позиций конкурирующих со странами Запада игроков — Китая, России, исламских стран.

Пункты, вокруг которых интегрируется западная коалиция в ЦА, станут еще более очевидными, если рассмотреть некоторые характерные черты видения западными экспертами перспектив развития ситуации в ЦА.

А. Прямое отождествление позитивного развития ситуации с прозападной ориентацией региона, носящее явно идеологизированный характер. Любая альтернативная форма ориентации (пророссийская, прокитайская) представляется как «не способствующая» развитию, альтернативные прозападной модели (исламская, китайская) отвергаются «с ходу».

Б. Восприятие ситуации с точки зрения соперничества («игры с нулевой суммой») США и ЕС с Россией, что также можно описать как идеологический стереотип. При этом перспективы вестернизации РФ или, напротив, роста ее противостояния с Западом описываются как ключевые для развития ЦА.

В. Приоритетное внимание к различным потенциально возможным сочетаниям новых и нетрадиционных угроз и вызовов безопасности (например, демографическое и миграционное давление, исламский экстремизм и терроризм).

Г. Видение перспектив развития центральноазиатского региона сквозь призму использования энергетических ресурсов и возможной конкуренции за них.

Основная проблема, возникающая в связи с реализацией описанных ранее наиболее общих интересов западной коалиции в ЦА, связана с тем, что регион по своей истории, культуре, особенностям политических систем не подготовлен к резкой вестернизации, глобализации, демократизации. Ускорение этих процессов может, напротив, вызвать к жизни ряд новых и нетрадиционных угроз для самих стран Запада (образование «несостоявшихся государств», рост исламского экстремизма и терроризма, развитие международной наркоторговли и нелегальной миграции). В результате для США и стран ЕС возникает целый ряд политических дилемм.

Первая из дилемм связана с разрывом между *ценностями и интересами*. С точки зрения ценностей сотрудничество с существующими в регионе режимами и политическими силами неприемлемо. С точки зрения интересов оно необходимо. Эта дилемма не дает выработать какой-то устойчивой и рациональной позиции Запада по отношению к самим странам ЦА. Вторая дилемма связана с тем, *что разделение ответственности за регион с такими внешними игроками как Россия, Китай, исламские государства весьма выгодно с точки зрения экономики ресурсов, но оно ведет к активизации незападных ориентаций и альтернативных путей развития в самой ЦА*. Эта дилемма не дает Западу возможности наладить постоянное и взаимовыгодное сотрудничество с другими крупными игроками в ЦА.

Наличие перечисленных выше дилемм либо делает центральноазиатскую политику стран западной коалиции достаточно непоследовательной и противоречивой, либо она формулируется в чрезвычайно общих чертах. Эти две альтернативы образуют как бы «полюса» центральноазиатских политик стран Запада. Большой вклад в неизбежность такого исхода делает также очень высокая внутрирегиональная нестабильность, постоянно меняющаяся стратегическая обстановка, высокая неопределенность внешних политик стран ЦА. Последние постоянно маневрируют между странами Запада и другими игроками, пытаясь получить максимальную внешнюю помощь и не связывая себя при этом серьезными обязательствами.

Если выбирается «полюс» формулировки политики в очень общих чертах, то центральноазиатская стратегия чрезвычайно

неопределенна. В этом случае подчеркивается наличие каких-то общих историко-культурных связей с ЦА и объективных интересов к политическому и торгово-экономическому сотрудничеству. Однако при этом соответствующий игрок воздерживается от того, чтобы вкладывать в регион большие экономические и военно-политические ресурсы. Хорошим примером может служить центральноазиатская политика Турции в 1991–2008 гг. Это — вполне рациональный ответ на высокую неопределенность самой структуры отношений в регионе. Ведь вложенные ресурсы в условиях очень высокой нестабильности легко могут быть неэффективно потрачены или просто потеряны.

Другим «полюсом» ответа на высокую внутрирегиональную неопределенность оказывается *большая непоследовательность одновременно реализуемых «проектов» (вроде «Большого Ближнего Востока» или «Большой Центральной Азии») и их серьезная изменчивость во времени.* Это легко объяснимо региональной нестабильностью. Постоянно меняется стратегическая ситуация в регионе — меняются и основные черты реализуемой в нем политики. Иерархия интересов в такой ситуации также оказывается очень неустойчивой. Подобный подход в наибольшей степени был характерен для тех государств Запада, которые пытались брать на себя военно-политическую ответственность за положение в регионе (прежде всего, для США).

Высокая степень непоследовательности американской (и зависимой от нее европейской) политики в ЦА и постоянные смены «проектов» привели к очень сложным образцам сотрудничества или соперничества. Так, например, к западной коалиции, представленной преимущественно США и странами ЕС, примыкали Израиль, Япония и Турция. По ряду вопросов она находила важные точки соприкосновения с Пакистаном, Саудовской Аравией, Россией, Китаем. В то же время, с последней группой стран постоянно возникали и конфликты из-за несходства базовых интересов.

Ближайшие азиатские союзники США (Израиль, Турция и Япония) привлекались в ЦА с целью использования в соответствии с интересами западной коалиции специфических типов ресурсов, которыми они обладают (этнокультурные и идеологические связи Турции с ЦА, диаспорально-сетевая сила Израиля и экономико-технологическая мощь Японии). Тем не менее в условиях кризиса монополярной модели мира

и роста глобальной неопределенности согласование интересов США и стран ЕС с азиатскими государствами оказывается все более сложным.

Наличие разнообразных типов ресурсов и разные региональные стратегии участников коалиции определяют три специфических модели и связанные с их реализацией результаты политик различных групп стран в ЦА в 1991–2008 гг.

К первой модели относятся США как лидер западной коалиции и страна, имеющая «сверхдержавные» традиции. Они (особенно, начиная со второй половины 1990-х гг. и, в еще большей мере, в начале 2000-х гг.) были готовы брать на себя ответственность за регион и имели для этого определенные ресурсы, прежде всего в военно-политической сфере (на которые они и опирались). Соединенные Штаты постоянно делали попытки играть ключевую роль в формировании всех структур региона (геополитической ориентации, экономики, безопасности, культурно-идентификационных). С этой целью изобретались разнообразные «проекты». В рамках последних имела место концентрация, в основном, на политических мотивах сотрудничества с центральноазиатскими странами. Большое внимание США (особенно, со второй половины 1990-х гг.) придавали геополитической борьбе с Россией или другими внешними игроками (Ираном, Китаем). Необходимость учитывать постоянно меняющуюся ситуацию приводила к нестабильности политик, постоянной смене проектов.

Ко второй модели относится расположенный поблизости экономический «гигант» — ЕС. Европейские страны сконцентрировались первоначально на преимущественном использовании экономических ресурсов. Формулирование политических целей западной коалиции, вплоть до настоящего времени передавалось США. Постепенный и неуклонный рост экономического влияния сопровождался конкретизацией политики и расширением сфер сотрудничества. В какой-то момент от простого стремления стабилизировать регион, для того чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, на достигнутой экономической основе произошел переход к созданию интеграционных институтов. Однако общую стратегию для региона ЕС смог выработать лишь в 2007 г. Эту модель можно считать «промежуточной» между первой и последующей.

К третьей модели относится, например, Турция. Она имеет очень много «мягкой силы» (т.е. моментов культурно-исторической общности со странами ЦА), но явно не располагает достаточными материальными ресурсами. В результате Турция пошла по пути формирования интеграционных проектов, основанных на историко-культурных аргументах и не подкрепленных достаточными материальными (экономическими и военными) инструментами («тюркский мир», ЭКО). Однако из-за недостаточности вкладываемых ресурсов эти проекты остаются отделенными от реальности, они существуют где-то в символическом пространстве. В результате после «бурного старта» и периода господства иллюзий, основанных на культурной близости, наступает разочарование и стагнация сотрудничества.

Нетрудно заметить, что три модели построения региональных политик тесно связаны с описанными выше двумя «полюсами» политик стран Запада в ЦА. При этом США оказываются на одном «полюсе», Турция — на другом, а Европа — между ними.

Связанным с использованными ресурсами и типом политики оказывается и темпоральное распределение стран Запада по комплексному политико-экономическому влиянию.

Одновременное преимущественное использование военно-политических инструментов Россией и США привело со временем, к их геополитическому соперничеству. В целом в 1990-е гг. наблюдалось резкое уменьшение влияния России (хотя процесс этот был весьма неровным), не всегда компенсируемое увеличением влияния США (т.е. соперничества еще не было). К концу 1990-х гг. оно начало волнообразно «колебаться», то уменьшаясь, то вновь возрастая. Одновременно сложилась интересная тенденция: уменьшение влияния России приводило к примерно равному увеличению влияния США и наоборот (т.е. сложилась ситуация чистого соперничества)²³⁴. Возникла модель соотношения влияний двух стран, которую условно можно назвать «качели» (влияние США поднимается, России — опускается, и обратно).

²³⁴ По крайней мере, таковы были оценки результатов этих «колебаний» в экспертном сообществе и среди политической элиты в ЦА.

В случае ЕС наблюдался постоянный рост влияния, основывающийся, преимущественно, на экономическом факторе.

Для Турции имел место сначала очень большой рост влияния, основанный на использовании «мягкой силы» (факторов культурно-исторического «родства»). Однако, затем, отсутствие реального вложения экономических и военно-политических ресурсов привело к резкому спаду интереса стран ЦА к сотрудничеству с Турецкой республикой.

В целом для западной коалиции (США, ЕС, азиатские союзники Америки) имело место постепенное усиление позиций в ЦА в начале 1990-х гг. Частично оно компенсировало добровольный уход РФ из региона. Во второй половине 1990-х гг. США и Россия все больше стали переходить к «игре с нулевой суммой», так как интерес обеих держав к ЦА резко и одновременно усилился, а способ гармоничного сотрудничества не был найден. В результате американское (и западное, в целом, влияние) в соотношении с российским стало напоминать «качели». В 1996–1999 и 2001–2003 гг. преимущественно росло западное влияние, в 1999–2001 и 2004–2008 гг. — влияние России.

Усиление влияния России и, соответственно, ослабление влияния США в настоящее время объясняются американскими ошибками, связанными с поддержкой «цветных революций» в ЦА. Последние, впрочем, не являются случайными, так как связаны с нерешенными дилеммами (например, «ценности — интересы»). Страны ЕС благодаря постоянному росту своего экономического влияния несколько «сглаживают» эту «волнообразность» влияния стран Запада и придают ей направленный вектор, в целом — вверх.

Издается при поддержке Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России
119218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26.

Заказ №1. Тираж 500 экз. Подписано в печать 11.01.2009.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Анатольевич Казанцев — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности МГИМО МИД России. В настоящее время также обучается в докторантуре МГИМО (прикреплен к кафедре Политической теории). Эксперт фонда «Наследие Евразии» и Информационно-аналитического центра МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве.

А.А. Казанцев родился в 1974 г. в Ашхабаде и закончил там же среднюю школу. До 1996 г. А. Казанцев был гражданином Туркменистана, затем принял российское гражданство.

В 1991—1997 гг. он обучался в Российском государственном гуманитарном институте (РГГУ), специализировался в древней истории и языках. В 1997—2000 гг. А. Казанцев проходил обучение в аспирантуре РГГУ (Кафедра общей политологии и специальных политических дисциплин), параллельно работал там же в качестве преподавателя (до 2001 г.). В 2000 г. им была защищена кандидатская диссертация.

В 1998—2000 гг. А. Казанцев работал в Международном институте гуманитарно-политических исследований (В. Игрунова), занимался мониторингом и анализом событий в государствах Центральной Азии и Каспийского региона. С 2001 по 2004 гг. он был научным сотрудником Центра международных исследований МГИМО. С 2004 г. по настоящее время — научный сотрудник, затем, старший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности НКСМИ МГИМО.

Курсы, читавшиеся в РГГУ и в МГИМО: история политических учений, теория политики, сравнительный внешнеполитический процесс, международные отношения в Центральной Азии.

Сферы научного и экспертного интереса: российско-европейские и российско-американские отношения; энергетическая политика; политические и экономические процессы на постсоветском пространстве (особенно, в Центральной Азии и регионе Каспийского моря); социальные сети в политике.

В качестве эксперта А. Казанцев работал в рамках различных проектов следующих международных организаций: ООН, саммит «Группы восьми» в Санкт-Петербурге, МАГАТЭ, НАТО, ОДКБ, Межпарламентская Ассамблея СНГ, осуществлял

экспертную деятельность по заказам следующих российских структур: Администрация президента, Совет безопасности, МИД, Министерство обороны. А. Казанцев получал гранты и участвовал в проектах ряда европейских и американских институтов и фондов: Институт по изучению проблем безопасности Европейского Союза, Женевский центр демократического контроля вооруженных сил, фонды Макартуров и Фридриха Эберта. Проходил стажировку в Великобритании (1999) и Нидерландах (2008).

А. Казанцев является автором 69 публикаций на русском и английском языках. К их числу относятся:

Strategic Partnership Russia—EU: Principles and Prospects. Edited by A. Nikitin, A. Kazantsev, Moscow, MGIMO Publishing House, 2006.

Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and Caspian Sea Region (2000 – 2008), Europe-Asia studies, #6, August, 2008, vol.20.

Казанцев А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе// Политические исследования (Полис). 2005. № 2.

Казанцев А., Харченко О. Россия и мир в 2020 году: прогнозы зарубежных аналитиков. Аналитические доклады НКСМИ МГИМО. Декабрь 2006. Выпуск 9 (14).

Казанцев А. Миграционные процессы и нетрадиционные угрозы безопасности России. Аналитические доклады НКСМИ МГИМО. Июнь 2007. Выпуск 5 (25).

Казанцев А. Перспективы развития гидроэнергетического и углеводородного секторов экономик центральноазиатских государств. Некоторые последствия для политики России. Аналитические записки НКСМИ МГИМО. Апрель 2008. Выпуск 2 (31).

Беспалов С.В., Власов А.В., Голубцов П.В., Казанцев А.А., Караваев А.В., Меркушев В.Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно—политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.

Контактная информация: Почтовый адрес: МГИМО, Москва, проспект Вернадского, д. 76, Центр Евро—Атлантической

безопасности. Факс: +7 495 434 20 44.

Электронный адрес: andrka@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Kazantsev – PhD. in Political Science, a Senior research fellow (Center for Euro-Atlantic Security of Moscow State Institute of International Relations of Russian Foreign Ministry (MGIMO)).

Spheres of scientific and expert interest: Russian-European and Russian-American relations; energy policy; political, security and economical processes on the Post—Soviet space (especially, in Russia and Caspian Sea region); practical political applications of social networking theory.

A. Kazantsev was born in 1974 in Ashgabat (Turkmenistan) and graduated a secondary school there. Until 1996 A. Kazantsev had Turkmenistan’s citizenship, since 1996 he is a citizen of Russian Federation.

Education.

1991 – 1997, student, Russian State University for the Humanities, Institute for History and Archives, specialization in history and languages.

1997 – 2000, Russian State University for the Humanities, Political Science Department, postgraduate student.

In 2000 A. Kazantsev defended PhD in Political Science in Russian State University for the Humanities.

Experience of work.

1998 – 2001 – Assistant lecturer, than, lecturer (2000–2001), Russian State University for the Humanities (RGGU), Political Science Department.

1998 – 2000 – expert and research fellow, International Institute for the Humanities and Political Studies, IGPI (of Viacheslav Igrunov).

2001 – 2004 – research fellow, Center for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of Ministry of Foreign Affairs of Russia.

2004 – present, research fellow, than, senior research fellow, Center for Euro-Atlantic Security (CEAB of NKSMI), Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of Ministry of Foreign Affairs of Russia.

As an expert A. Kazantsev worked for the following international organizations and projects (some UN, IAEA and NATO projects, G-8 summit in Saint-Petersburg, CSTO, CIS Inter-Parliamentary

Assembly), for Russian governmental and political bodies (Presidential Executive Office - Administration of the President of Russia, Security Council of Russia, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Ministry of Defense of Russia, Russian Unified Democratic Party “Yabloko”) and for the Government of Kazakhstan.

A. Kazantsev received grants and participated in common projects with some European and American institutions and foundations (EU Institute for Security Studies, Geneva Center for the Democratic Control of Armed Forces, Friedrich Ebert Stiftung and MacArthur Foundation).

Andrey A. Kazantsev is an author of 69 publications in Russian and English. Selected publications are listed below.

IN ENGLISH

BOOKS

1. Strategic Partnership Russia—EU: Principles and Prospects. Edited by A. Nikitin, A. Kazantsev, Moscow, MGIMO Publishing House, 2006. 75 p. (<http://old.mgimo.ru/filesserver/books/ad-11.pdf>) (The book is a result of common work of team of Russian and European experts and officials; European side was mostly from the office of High Representative for the Common Foreign and Security Policy, Secretary—General of the Council of the European Union and EU Institute for Security Studies (EUISS). The book includes complex analysis of different aspects of possible strategic partnership).

Articles

2. Kazantsev A. Vladimir Putin’s Central Asian Policy: in Search for Security and Influence, Russian Analytical Digest, 4 March 2008, № 36, P. 17 – 21. (<http://se2.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=10&fileid=2316ED31-41E5-E1A3-4114-27C3C2DED643&lng=en>.)

3. Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and Caspian Sea Region (2000 – 2008), Europe—Asia studies, #6, August, 2008, vol.20, P. 1073 – 1088.

IN RUSSIAN

Books and brochures

Harchenko O., Kazantsev A. *Russia and the World to 2020: Prognoses of Foreign Analysts*, Moscow, MGIMO Publishing House, 2006. 40 p. (<http://old.mgimo.ru/filesserver/books/ad-14.pdf>). (In this brochure different prognoses of development of Russia and New Independent States are compared and critically assessed).

Kazantsev A. *Migration Processes and New Challenges to Russia's Security*, Moscow, MGIMO Publishing House, 2007. 43 p. (<http://old.mgimo.ru/filesserver/2004/nauka/az-25.pdf>). (In this brochure migration and "brain drain" processes are analyzed from the point of view of new challenges to Russia's security).

Kazantsev A. *Perspectives of Development of Energy Sector in Central Asia*, Moscow, MGIMO Publishing House, 2008. 30 p. (This brochure contains complex assessment of potential of oil, gas and electricity development in Central Asia and Caspian Sea region. It analyzes governmental plans and models of development of energy sectors of respective countries, evaluates political risks).

Bespalov S.V., Vlasov A.V., Golubcov P.V., Kazantsev A., Karavaev A., Merkushev V. *Mechanisms of Formation of Positive Image of Russia in Post-Soviet Countries*, Moscow, Analytical Center of Moscow State University on Social and Political Processes of the Post-Soviet space, Eurasian Political Studies Network, 2007. 132 p. (This collective book is a result of empirical study of Russian image and soft power potential in New Independent States. Soft power is analyzed as a complex instrument that can be used in economic, energy and security policies of Russia).

Contact information.

E-mail: andrka@mail.ru.

Fax # +7 495 434 20 44.

Postal address (work) — Moscow, prospect Vernadskogo, 76,
Center for Euro-Atlantic Security of MGIMO.

Андрей Анатольевич Казанцев — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности МГИМО МИД России.

Сферы научного и экспертного интереса: российско-европейские и российско-американские отношения; энергетическая политика; политические и экономические процессы на постсоветском пространстве (особенно, в Центральной Азии и регионе Каспийского моря); социальные сети в политике. А. Казанцев является автором 69 публикаций на русском и английском языках.

Центр евро-атлантической безопасности (ЦЕАБ) НКСМИ МГИМО (У) МИД России действует с 2004 г. Центр осуществляет научно-исследовательские проекты по проблемам международной безопасности, разоружения, противодействия терроризму, миротворческих операций, разрешения конфликтов, ядерной политики. Центр взаимодействует в проведении исследований и международных конференций со структурами ООН, ОБСЕ, Евросоюза, НАТО, СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности. ЦЕАБ публикует сборники и книги на русском и английском языках по проблематике своих исследований.

Директор Центра евро-атлантической безопасности — д.п.н., проф. А.И. Никитин.